

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3150371>

"Там, где был детский городок..."

Направленность: Джен

Автор: [Ramine Reine des souris](https://ficbook.net/authors/1200170) (<https://ficbook.net/authors/1200170>)

Фэндом: Warcraft

Рейтинг: G

Жанры: Фэнтези, Мифические существа

Предупреждения: ОМП, ОЖП

Размер: Макси, 153 страницы

Кол-во частей: 22

Статус: закончен

Описание:

Описание не уместилось. Извините...

Оно здесь (<https://ficbook.net/readfic/3150371/10604010>)

А тут вторая часть произведения (<https://ficbook.net/readfic/4134117>)

/Имейте в виду: классификация жанров на этом ресурсе, с некоторой долей деликатности говоря, весьма условна и не отражает полного и истинного содержания произведения. Вас предупредили:)/

Посвящение:

Посвящается моему коту и двум котам моей половинки. Они всегда будут нами любимы, где бы они ни были.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Это написано исключительно for self-amusing и из любви к нашим персонажкам в онлайн-играх. В том числе, для отработки различной стилистики. Посему менее всего меня волновало наиточнейшие соответствия тонкостям и подробностям в Мире Warcraft'a. Тем более, что в отличии от тех же StarWars (и, следовательно, игр по ним), хронология Warcraft'a, тактично выражаясь, несовершенна, что позволило мне без моральных мучений обходиться с датами и сроками так, как мне было удобно.

Что из этого следует?

Не стоит ждать, что все будет абсолютно точно соответствовать виденному вами на сервере – как минимум оттого, что это художественное произведение, а не игра.

Если вы успели прочесть какие-то официально изданные произведения по WOW – тот же случай; помним про self-amusing.

Чего точно стоит ждать?

Беззастенчивого использования классических штампов и историй, забавных ассоциаций, многочисленных литературных намеков, и, конечно же, полюбившихся вам персонажей, запомнившихся вам мест Азерота (в неожиданной перспективе), головокружительных приключений, страшных опасностей и непобедимых врагов, которые в конце, разумеется.... Ну, там по-разному.

У завсегдаев WOWa могут вызвать удивление некоторые ссылки и примечания,

разъясняющие, по их возможному мнению, всем известное и оттого излишнее. Поясню - я стремилась сделать текст максимально понятным в том числе и для тех, кто в WOW не играл, но просто любит фэнтези.

P.S. ссылка на WORD-файл (<https://yadi.sk/d/EtHJzKSy3C5PFp>)

ТОС

ТОС	2
Аннотация	4
«Скачи, как ветер!»	5
Примечание к части	11
«Три плюс одна.»	13
Примечание к части	19
«То, о чем не говорят.» Часть первая.	20
Примечание к части	24
«То, о чем не говорят.» Часть вторая.	25
Примечание к части	28
«То, о чем не говорят.» Часть третья.	29
Примечание к части	35
«До речки напрямик.»	36
Примечание к части	41
«Те, кто остались.»	43
Примечание к части	48
«Обстреляй и убегай»	49
Примечание к части	56
«Святыни и Союзники»	57
Примечание к части	63
«Большой Альманах загадок. Последняя страница», часть первая.	65
Примечание к части	72
«Большой Альманах загадок. Последняя страница», часть вторая.	73
Примечание к части	77
«Искусство агрессивной археологии»	78
«Тигры. Кто они?», часть первая	94
Примечание к части	102
«Тигры. Кто они?», часть вторая.	104
Примечание к части	111
«Мертвый друг лучше новых двух».	112
Примечание к части	127
«На ту сторону»	128
Примечание к части	136
«Разум веет, где хочет»	138
Примечание к части	150
«Интриги и планы», часть первая	152
Примечание к части	156
«Интриги и планы», часть вторая	157
Примечание к части	162

«Она без нас никуда!»	163
Примечание к части	168
«Поросенок в мешке»	169
Примечание к части	175

Аннотация

«Почти семь тысячелетий Королевство Высших в лесах Северного Лордерона несло свет знаний и магической мудрости Младшим народам континента. Но тринадцать лет назад в земли Кель'Таласа вторглась беспощадная армия нежити, ведомая Артасом, Королем-Личом Севера. Воспользовавшись предательством в рядах Совета, враг сломил оборону Королевства и разрушил источник его магической силы. Уцелевшие в жестокой войне кель'дорай оказались на грани вымирания. Испытав неведомую ранее горечь поражения, они стали мстительными и жестокими. Обретя решимость любой ценой вернуть утраченное, они, чтя память павших, назвали себя син'дорай - Эльфами Крови...

Но несмотря на то, что в последние годы им удалось вернуть свои земли и оживить оскверненный Солнечный Колодец, до восстановления былого величия Королевства еще далеко. Еще не все враги син'дорай мертвы, и не все долги уплачены.

Ведь правом мести владеет каждый – сколько бы лет ему ни исполнилось.»

«Скачи, как ветер!»

Вирр открыла глаза за мгновение до того, как аметистовая виверна, взметнувшая крылья над алмазным гнездом, озарила спальню тремя вспышками, отмечая время второй стражи и - время пробуждения. Девочка коротким жестом прервала волны сияния и осторожно подошла к окну - стараясь по привычке не наступить на лапы Рилля, уши Рилля или Риллев хвост; молодой талассианский тигр, засыпая, *всегда* старался занять собой *все* пространство не такой уж скромной комнаты. А спать где-либо за пределами спальни своей Охотницы Рилль ни за что не соглашался еще с котеночьих времен. Впрочем, Вирр – Виеринраэ Солнечный Блик – с самого раннего детства ничего не имела против тигра в кровати, а не то, что в спальне. С того самого дня, когда отец привез ей котенка из боевой экспедиции на Темные Берега, маленькая Вирр, набегавшись за день, часто засыпала, обняв клыкастого, лишь чуточку короче ее самой зверя. А когда тигренок подрос, она спала уже в объятиях его мягких лап. Но в последние годы этому воспротивилась мать: *"В лесу или на привале – спите как хотите; а дома - соблюдай приличия и традиции. Место животного – у ложа Охотника."* И верно говорят в Школе: скучнее и зануднее Магов - только Паладины...

Тонкие, почти прозрачные малиновые шторы, скучая, играли с ветерком в «кошки-мышки».

Сколько себя помнила Вирр, засыпая, она всегда смотрела на них: подсвеченные переменчивыми огнями улицы, они казались ей чем-то, пришедшим из книжек, но никогда не виденным вживую – то пламенем жертвенных костров Зандалара, грозящих гневом злых тролльих богов; то переливами северного сияния, манящего тайнами далекой древности, укрытыми во льдах; каждый вечер - чем-то разным. Вирр раздвинула их и переступила порог.

Улица Златоперых Крылобегов была пустынна: ни единого прохожего, как и положено в ночной час - *согласно приличиям и традициям*. Разве что светильники, медленно парящие над улицей, да зачарованные метлы, приводящие ночной город в совершенный надлежащий вид, мешали вообразить столицу син'дорай, Эльфов Крови, жертвой враждебного, сковавшего город колдовства. И – кот, наблюдавший за девочкой с развилки дерева. Вирр заметила его движение - тот мотнул ушами, широко зевнул и, соскочив с ветки, отправился по своим кошачьим делам, гордо оттопырив здоровущий, знатно мохнатый хвост. Срок подступал и нужно было торопиться, но Вирр не могла не полюбоваться этим гордо реющим «штандартом».

Ночной ветерок напомнил ей - стоит хотя бы что-то на себя надеть; а еще лучше – начать собираться, не мешкая. Вирр подалась назад – огладившие ее шелком занавески сегодня явно хотели быть драпировкой спален придворных прелестниц древнего Зин-Азшари – обернулась и была встречена взглядом сияющих зеленых глаз, глядящих настойчиво, вопросительно, требовательно, даже с укором. Рилль не спал (или уже не притворялся, что спал); он явно почуял неподалеку меньшую родню и Вирркино, этой самой родней, восхищение. Некогда Учитель Охотников сказал юной Вирр, пришедшей на занятия с саблезубиком(1) в сиреневую полоску: *"Помни, все коты очень ревнивы. И чем больше кот, тем больше в него ревности влезет"*. И он явно знал, о чем говорил.

Девочка подбежала к тигру и обняла его, прижимаясь и наслаждаясь прикосновением остуженного уличной прохладой тела к теплоте меха; Рилль чуть отвернул морду, встопорщив усы - как бы намекая, что он выше всего этого; и что это не поможет; и что он все равно *ужасно* обижен. Тогда Вирр встала на коленки, стала

пушить зверя, наглаживать нарочито недовольную морду, шепча "Ты самый хороший кот, ты, да, да... Ты *очень* хороший кот!" и прочие милые приятственные глупости. Она говорила их всем знакомым котам.

И все коты ей верили.

А Рилль верил ей с первых дней; и, по правде сказать, ни сейчас, ни когда-либо еще, ни разу не сомневался. Просто ему захотелось внимания. А заодно и напомнить своей Спутнице(2), кто тут *настоящий кот*.

Вирр это знала, но соблюдала правила игры; с котами так надо.

Начесав Риллю уши, она прошептала:

- Ты готов? Нам уже пора...

Тигр повернул голову к ней, *относительно* тихо рыкнул и бросил взгляд на стоящее рядом с кроватью зеркало: намекал.

- Да я быстро, не ворчи!

Вирр глянула в зеркало, собрала волосы в привычный хвост на затылке и расправила помятые со сна уши. И уже после начала одеваться.

* * *

Покидать Город после заката запрещено – по крайней мере, гражданину, не закончившему Школу, не прошедшему положенного Испытания и не подтвердившему своего мастерства. Говоря коротко – для гражданина несовершеннолетнего.

Правда, запрещено это лишь официально. Как оказалось, уйти за стены можно множеством разных способов, хотя законопослушному и лояльному горожанину очень непросто свыкнуться с мыслью, что есть и *другие* выходы, и входы, нежели тщательно охраняемые Стражами Врата Старейшин.

Еще совсем недавно Вирр была в числе тех самых лояльных, и, по чести сказать, весьма наивных несовершеннолетних, имеющих о городской топографии исключительно неверное представление. Однако тесное (*слишком* тесное, по мнению матери) общение с учениками Школы Лазутчиков оказало на Вирр поистине магическое действие, сходное с излечением врожденной слепоты. И помогло поверить, что *План* вполне выполним.

Несколько лет назад это был *Замысел* - с большой буквы. И не стало бы преувеличением назвать его *Заговором* – ведь заговорщиков, помимо самой Виеринраэ, тогда было трое.

А прежде их было девять.

Девять мальчиков и девочек из эльфов Крови, не смирившихся с поражением, потерей и – что бы там эти взрослые не говорили – с тем, что сами сочли своим позором.

Но все взрослеют, даже долгоживущие. И тринадцать лет, как оказалось, слишком большой срок для Клятвы, принесенной в суматохе бегства во временном лесном убежище, в год нашествия Плетей. Срок вполне достаточный для некоторых, чтобы счесть и саму Клятву, и тем более причину ее – всего лишь *детскими глупостями*, не стоящими риска и неизбежного наказания.

Виеринраэ последние пару лет утешала себя тем, что все могло быть куда хуже. Отступившиеся ведь могли и рассказать обо всем своим родителям. Или - ее матери. Или отцу – случись это в те редкие дни, когда он бывал дома, а не в экспедициях в Запределье. Последствия были бы не просто ужасны – они были бы необратимы: тогда уже не сбежишь.

По той же, традиции (*чтоб ее Артас повстречал!*), а теперь, после Войны, еще и в силу

близости к городу Пути Плети, охранный полог накладывался в каждом уважающем себя доме еженощно: и на пороги, и на окна, и на балконы. В распространенном и наиболее привычном исполнении он только препятствовал незваному вторжению. Однако Вирр достаточно хорошо знала свою мать - в таком непростом вопросе, как воспитание дочери-подростка, одними традициями почтенная Кориаль себя не ограничивала. И потому сторожевое заклинание в их доме, без сомнения поднимет тревогу и в том случае, если в неурочный час кто-то попытается выбраться наружу.

Еще недавно домашний охранный полог за препятствие Вирр не считала: последний из Верных Клятве заединщиков - небесталанная мальчишка-маг из Школы с уклоном в Ледяную Магию, клялся до последнего, что оглушить домашнее заклятье - дело для него простое. Вот просто проще копченых педипальп, "*как две льдинки скастовать*". Вирр вздохнула. Увы, теперь уж и не узнать – правду ли он говорил, врал ли для впечатления и в расчете на *благосклонность*, или просто надеялся, что справится. Теперь у Снежного Ширри – простите, у *бывшего* Снежного Ширри, Повелителя (тоже бывшего) Снеговиков и Сосулек, а ныне многообещающего абитуриента Королевской Лаборатории, гордости дома Летящих-к-Солнцу и примера для городской молодежи - совсем иные интересы и заботы. И вообще - он помолвлен с четвероюродной праправнучкой Лор'темара Терона, Правителя-Регента. Так говорят.

Вирр мотнула головой, прогоняя прочь разочарования, обиды, предателей, изменщиков, мальчишек-врунов, правителей, регентов, их дочек, внушек и всю их девичью родню до тридцать седьмого колена. Сама справится. Должна. Она застегнула перевязь и полюбовалась на свое отражение. А потом - на отражение Рилля. Тигр нетерпеливо бил хвостом, смотрел предвкушающе, коротая время за уминанием лапами стянутых с кровати подушек. Почуяв, как всегда, настроение своей Охотницы, он чуть мотнул мордой и сказал негромкое *rrrrru*, мол, все это ерунда – сами справимся, сами прорвемся и нам же больше достанется.

В последнем Вирр нисколько не сомневалась. Вопрос был не в том, достанется ли, а в том, *насколько сильно* достанется. Но этот вопрос она искренне полагала несущественным: нет смысла размышлять о неизбежном – тут, как ни странно, и взрослые, и к ним примкнувшие совершенно правы. Сейчас важно ничего не забыть. Вирр мысленно (и руками) прошла по снаряжению: сумочка со снадобьями – на поясе, рюкзачок (с только вчера обновленным заклятьем от промокания) – на спине, запасные наконечники – в рюкзачке, карты (*театр действий* выучен наизусть, хоть спросонья вспоминай, хоть по памяти рисуй, но - пусть будут) – в нем же, всяческая необходимая в походе мелочь – здесь же, походные пайки – там же. Пайков совсем немного - на самый крайний случай; как говорил Учитель, везде найдется нечто (или *некто*), что (или кого) можно съесть. Ну а если тебя занесло туда, где ничего и никого съедобного не водится, значит там тебе подобным и не жить вовсе, посему о еде уже можно не волноваться. Он знал, что говорил: во времена, когда Орда была еще врагом, старый(3) Охотник - оставшись единственным выжившим из своего отряда - пробирался через Пустоши(4), где единственным возможным блюдом в меню были только выслеживавшие его ор'анорэ(5). Королевская Инспекция Школ, посещая его уроки, не раз пеняла на *политически несвоевременные* примеры, на что Учитель всегда – и, против обыкновения, без подначки - отвечал, что лично он против зеленокожих варваров в частности, как и против всех прочих низших рас в целом, ничего не имеет; но сегодня - союзники, завтра - враги, послезавтра – снова друзья; и кто на сей день эльфам Крови друг, а кто враг – решать лишь Высокому Совету(6) и самому Регенту (да правит он вечно!), а вот случись что - кого и как приготовить, юные Охотники знать должны всегда, ибо обстоятельства

всякие бывают. Инспекция неизменно удалялась ни с чем, тем более, что подавляющее большинство семей учеников отзывались о кулинарных воспоминаниях *Полторауха* весьма похвально и с немалой благодарностью. Секрет был прост: после выживальческих откровений старого ветерана будущие Охотники младших групп, не заставшие Года Лишений(7) (или не помнившие его), привередничали за семейными трапезами значительно реже.

Вирр оглядела разложенные вещи: вроде ничего не забыла - а забыть *кого-то* (а точнее, Рилля) было не то что немисливо, а просто невозможно (Рилль бы такого не допустил).

Девочка пристегнула клинки: достаточно длинные, чтобы уже не считаться кинжалами, но достаточно короткие, чтобы не ограничивать скорость и подвижность. Вообще-то, новомодные веяния (идушие от Закатных Странников и поддерживаемые их немалым среди Охотников авторитетом) гласили, что "*клинки для Охотника – ересь, а верного лука достаточно*". Но Учитель Полтораух - в силу возраста, вредного характера и склонности к пренебрежению любыми авторитетами (кроме своего) - стоял за былые стандарты. Странников он критиковал *крайне* резко (расширяя познания юных Учеников и Учениц в определенных глагольно-прилагательных конструкциях настолько, что те на полном серьезе полагали эти краткие монологи – от края до края насыщенные идиомами народов и сопредельных, и неблизких - вполне полноценными этно-лингвистическими факультативами; и совершенно не стеснялись провоцировать их повторение – ну мало ли куда занесут судьба, служба и задание?), а в силу опыта еще и веско добавлял, что "*чем и как убил – совершь потом, а в бою бей всем, что под рукой*".

Ну вот, спохватилась Вирр, чуть не оставила запасную тетиву!

По опять-таки устоявшимся традициям, *классовому* оружию членов семьи, пребывающих дома, надлежало стоять в прихожей, на почетной стойке у парадного входа. И то, что ночью стойка тоже накрывалась сторожащим заклятьем, было даже для Вирр не остодемонившим правилом, и не привычным родительским произволом (взрослые так быстро забывают, что ночь – самое интересное и таинственное время, просто-таки созданное для приключений и затей!) а банальной предосторожностью, с которой не поспоришь. И магию эту быстро и без шума не обойти. К счастью, Вирр хорошо знала пределы своих возможностей и себе никогда не льстила. Ну, по крайней мере, старалась.

"Верный лук" - да, все еще ученический, *детский*, хоть и штучной работы (награда за зачетное задание в прошлую весну) – был ею сегодня предусмотрительно "забыт" вместе с тулом(8) в школьном тренировочном зале; строгий материнский нагоняй за разгильдяйство, неуважение к вурдалак-их-пожри-традициям и *вопиющее* небрежение семейной честью был уже отмерен, выдан и *отставки-матери-и-позора-своей-семье-желающей* дочерью получен. Теперь Вирр оставалось лишь выбраться из дома (хорошо бы тихо), доскакать до закоулка Лазутчиков (желательно быстро) и забрать ожидающиеся ее оружие из тайничка в стене, за облицовочной плиткой (*скрытка* немудреная, но до срока продержаться должна). Ах, да – и при том надеяться, что учащийся ступенью младше *шустрик* свое слово сдержит: уходя с тренировки ее лук *прибщит* и в оговоренное место спрячет. Увы, пришлось расстаться с подарком отца, статуэткой кал'дорай с раскопок в Азшаре - эльфийка, расчесывающая волосы после купания; даже Вирр - с ее более чем раскованным воображением - было сложно угледеть в фигурке что-то *фривольное*, но, судя по выражению горящих вожделением глаз ее нового владельца, Вирр предстояло еще немало узнать о тонкостях мужской психологии(9).

Удостоверившись, что поясные сумочки пристегнуты надежно и при грядущих

сотрясениях, рывках и опасных маневрах не сорвутся, а рюкзачок со спиной не ведут меж собой беспредметный спор "кто под кого должен подстроиться"; уточнив - подпрыгнув и мягко приземлившись - что все болтающееся не шумит, а все висящее не звенит (Рилль сопроводил ее заинтересованным взглядом - где прыжки, там скоро будет весело и занятно), Вирр немного обреченно вздохнула. В каком-то смысле, выбор был прост: что откровенной глупостью, что бездумной смелостью девочка никогда не отличалась, но сейчас она куда больше боялась не погибнуть (что вероятно), и не получить наказание (что непременно - если выживет), а после приятного и спокойного сна в любимой постели, привычной утренней ванны с ароматами и завтрака любимыми хрустящими паучьими лапками, прийти в Школу и посмотреть в глаза всем тем, кого, не пощадив дружбы и не выбирая слов, осудила; и с кем не разговаривала – с иными месяца три, а с другими уже годы. Она посмотрела на тигра.

- Ты готов? - прошептала она. – Помнишь, что делать?

Рилль был всегда готов. Как юный Паладин. Или, с поправкой на размеры - как гвардеец Регента.

* * *

Была ночь, и было время второй стражи, и улица *должна* была пустовать, но Вирр, по накрепко вбитой на занятиях привычке, проверила еще раз: вышла – медленно, пригибаясь - на балкон, и, стараясь не задеть охранный полог, огляделась.

Никого. Ни прохожих эльфов, ни кошек, ни механических Стражей. Последних стоило опасаться особо – выгадать путь, которым они следуют по Городу, и понять, в каком часу пройдут по конкретной улице, оказалось невозможным. В книжках об этом не упоминалось, но Вирр, наблюдая и мучаясь расчетами целый год, и сама догадалась - маги-механики, поддерживающие в сияющих големах подобие жизни, меняли им схемы дозора постоянно. Или само путеводное их заклятье было невероятно сложным и перестраивало само себя каждую стражу. Тут приходилось полагаться на удачу, хоть и ворчал не раз Полтораух, что на нее, родимую, полагаются или лентяи, или глупцы.

Вирр вернулась в спальню, по пути сорвав занавески, чтобы не помешали; Рилль уже ждал ее наготове, подальше от балкона – у противоположной дверной арки. Она подошла к зверю, и он приник к полу, так, чтобы девушке было удобно его оседлать. Оказавшись на тигриной спине, Вирр прижалась к нему, сжала его бока бедрами, обхватила руками толстую, мохнатую шею, и прошептала:

- Скачи! Как ветер!

Короткий разбег - и девочка-тигр, слившись в одну полосатую тень, исчезли за перилами балкона. Спустя пару мгновений тишину нарушил лишь мягкий звук четырех приземлившихся на мостовую лап.

Сторожевой полог, как и рассчитывала юная Охотница, заметил только тигра.

* * *

Мать была строга; а по мнению тех же взрослых-соседей – порой даже чрезмерно, но до жестокости, тем более к зверям, никогда не доходила; не *хум'аноре* же какая-нибудь краткоживущая! Да и *коллеги не поймут*. И почтенной Кориаль – второму местоблюстителю главы Третьей Лаборатории Магии Аркана, неизменному младшему

члену Городского Совета – и в мимолетном помрачении души не пришла бы мысль запретить домашнему тигру покидать дом по тем или иным ночным тигриным надобностям. Опасности добрым гражданам от зверя-Спутника, само собой, нет и не может быть; ну а закогтит лазутчика-другого – тут и благодарности от властей, и кормить утром не надо. Потому охранное заклятье его, Рилля, за посягателя не считало – в чем Вирр с Риллем на пару убедились, оставаясь одни и экспериментируя втихую; как пелось в песенке "Вождей Тауренов" - рок-труппы, обожаемой юнцами всех народов Орды - и правда:

*Родители из дома –
Час веселья и погрома!*

Рилль несся по улицам, как и просили – точно ветер; а на достаточно длинных и прямых аллеях и того быстрее - только хвост в струнку, да уши Вирр трепетали, как два выпела. Опасаясь за них, девочка даже решила недавно освоенное волшебство Звериной Прыти пока приберечь – до случая.

Направлять тигра было излишне – город он знал хорошо, а правильный путь - такой, чтобы случайных зрителей поменьше, а дорога покороче - Вирр показала ему на недавних прогулках, шепча в уши разъяснения и слушая в ответ понимающие приглушенные порывания; оба явно чувствовали себя взаправдашними заговорщиками и бесконечно гордились друг другом.

...Иногда Вирр задавалась вопросом: как живут те, кто в силу Класса и призвания не имеет связанного с ним *Спутника* – ну хотя бы такого, как варлочки демоны? Наверное, если бы Рилль мог говорить по-талассийски, он бы непременно ответил – "Скучно и печально!". А вот Вирр ответа не находила.

* * *

До закоулка со *скрыткой* скакать оставалось лишь чуть, или того меньше, когда Рилль, упершись лапами, затормозил, скользя по плитке и гася скорость: из-за угла нарастало красно-золотистое сияние.

Страж...

Бежать или прятаться было бессмысленно: порождения магии и механики в прямой видимости не нуждались, постоянно осязая пространство вокруг – в поисках явных нарушителей, пробравшейся в город нежити или незримых чужаков - и на весьма приличном расстоянии. По знаку Вирр, Рилль перешел на шаг – не быстрый, не, упаси Колодец, крадущийся – простой и ровный шаг, как и пристало припозднившейся, но законопослушной гражданке Элунарана(10) . Вирр загадала: если они с тигром свернут первыми– все у нее получится; а вот если Страж...

На углу они оказались одновременно.

Массивная фигура в золотистой броне - точно силача-огра заковали в латы Паладина – выглядела неповоротливой, неуклюжей. Сама мысль, что эта статуя – эта груда кованых лат и магических камней, причудой чарователей и механиков-кузнецов получившая сходство с разумным двуногим - может не просто двигаться, но и в случае нужды (Вирр сама никогда не видела, но знала из тех же книжек) быть ловкой, подвижной и стремительной, быстрее эльфа или зверя; подобная мысль при взгляде на Стража казалась даже не смешной – странной и неуместной. Был он на вид – со всеми

своими огоньками, кристаллами сочленений и полированной броней – скорее, красив, чем опасен; за огоньки эти все детское население города звало Стражей не иначе, как *Фонариками*. Или - *Зеленоглазками* (понятное дело, за глаза).

Но это только на вид. Дети постарше шепотом пересказывали друг другу, что Стражи делают с враждебными шпионами и преступниками; и не все эти страшилки были выдумками.

Не останавливаясь, но и не прибавляя шаг, Рилль и его всадница продолжали двигаться в прежнем направлении, пройдя со Стражем почти впритирку. Он чуть развернулся – покатая массивная голова не имела шеи, и сама по себе была неподвижна - зеленоватый свет из глазниц вспыхнул ярче, по телу Вирр прошла неприятная волна распознающих чар; Рилль глухо, низко, зарычал, обозначив клыки – такую магию он тоже не жаловал. Вирр сжалась, ожидая. Ночные прогулки по городу не осуждались и под запретом не были; только в Год Вторжения, выжившим горожанам было *рекомендовано* оставаться в уцелевших домах и не покидать их без надобности. Стражи же задерживают только чужих и пребывающих в розыске. Вроде бы. Однако, давно уже ходили среди учеников слухи, что власти собираются ввести запретные часы для несовершеннолетних - по просьбам некоторых родителей и почтенных граждан, недовольных ночными проказами. Как будто они дневными довольны...

- СОБЛЮДАЙ ПОРЯДОК, ГРАЖДАНИН... - механический голос, вроде бы и негромкий, но доставал чуть не до костей. Голем двинулся дальше, продолжая свой обход.

- Слава Регенту... - сглотнув, ответила Вирр, провожая Стража взглядом. Рилль же каким-либо ответом пренебрег. Он давно уже был не котенок, и хорошо понимал, что пред ним такое, для чего оно, и каких неприятностей от него можно ожидать. Но в глубине своей тигриной души все равно воспринимал Стражей как просто *вещи*, странные и опасные, по своей прихоти разгуливающие по улицам, вместо того, чтобы лежать или стоять на одном месте в ожидании, пока о них не почешут спинку или не поставят метку - как крупным бездушным предметам и положено. Рыча коротко, с точки зрения тигров - полный беспорядок и потрясение основ.

Свет Стража – не потребность, а дань временам, когда непременно инструментом, признаком и символом тогда еще живых Стражей был ночной фонарь – удалялся слишком медленно, а время поджимало, уходило и его было нужно нагонять. Девочка шепнула, и тигр перешел на быстрый шаг, потом на очень быстрый, а потом и на вовсе "как ветер".

Примечание к части

- (1) В Азероте все виды тигров саблезубы - за крайне редким исключением
- (2) Охотники своих зверей полагают своими Спутниками; у зверей же – а уж у котов, тем более – на этот счет особое мнение;
- (3) Для долгоживущего народа, «старый» - всегда в значении «очень опытный»
- (4) Desolace – пустынная солончаковая местность в северной половине Кадимдора; воды нет, еды нет, населена демонами;
- (5) Or'anore – орки; Hum'anore - люди (талассийск.)
- (6) The Convocation of Silvermoon (иначе Council of Silvermoon или Silver Circle) – правящий орган кель'дорай, помимо Короля (а позднее, Регента)
- (7) Город был частично разрушен нежитью Плети. Усилиями магистра Роммата и его сподвижников окрестные леса и часть города были восстановлены, но в условиях

крайнего магического голода того времени на это пришлось бросить все силы и всю магию, что была доступна выжившим, пожертвовав привычными для эльфов удобством и бытовой роскошью

(8) То же, что и «колчан».

(9) Нагота у эльфов не табуирована, а вот личный туалет и наведение красоты – процесс строго интимный, а потому, для противоположного пола, возбуждающе-привлекательный.

(10) Elune'aran – Город Серебряной Луны (талассийск.), столица син'дорай («Луносвет» в русской версии)

«Три плюс одна.»

Хвала Белоре(11), все было на месте - вымогатель статуэтки, *ким'джаэль*(12) хитрый и вредный, оказался на удивление честным. Вирр, взмахом ладони отменяя иллюзию (между прочим, очень тщательно выполненную и хорошо наведенную! Не меньше, чем на зачет по предмету; жаль, что Охотники не сдают *глазоврание*), извлекла из трещины лук и тул со стрелами и, прижимая к груди, опустилась на колено – почитая оружие (*не все традиции она считала глупостью*) и прося прощения за то, что оставила его без присмотра – на целых полдня! - да еще доверила чужим рукам. Рилль уважительно ждал. Или терпеливо - котов не всегда поймешь.

Она выпрямилась и посмотрела на звезды – судя по ним, с того мига, как она покинула дом, прошло не более четверти часа. Все шло по плану, без задержки и в точности по ее расчетам, но хвалить удачу или благодарить светило было преждевременно. Полдела позади, но предстояло нечто, значительно более сложное, а по сути – куда более опасное, чем невинные ночные скачки по городу.

Вирр еще когда поняла: пытаться выйти через Врата Старейшин – способ завершить приключение, едва к нему приступив и чуть ли не лучший из возможных. Еще бессмысленней – тратить время, измышляя, как сделать это незаметно. Заклятья Врат - сторожевые, распознающие, удерживающие и (не стоит о них забывать!) поражающие – наложены не учениками Школ Трех Направлений, и даже не взрослыми Магами, давно завершившими обучение, а лучшими боевыми чародеями Города; хорошо если не самим магистром Ромматом. И подразумевались они, эти заклинья, отнюдь не против Охотницы-недоучки, у которой – если жизнь не в радость и скуку навеивает - могли найтись куда менее болезненные и несравненно более простые способы получить возможность, как сказал поэт эпохи Дат'Ремара, *взглянуть на близких и родных с изнанки Мироздания*

Говоря коротко и прозой – плохая идея.

Но, как гласит мудрость Лазутчиков (щедро разделенная с Вирр тремя юными адептами хитрой науки оказываться там, куда не звали и находить то, что никем не потеряно), *"в любом доме больше одной двери"*. А другая добавляет – *"любой забор не без шаткой доски"*.

Тринадцать лет назад армия Короля-Лича (будь он проклят навек!), вторгнувшись в Леса Вечной Песни и пройдя выдвинутые наспех заслоны эльфов Крови как игла занавеску (по вине, всем известно, предателя), ворвалась в Город. Беснующаяся нежить истребила всех, кто не успел бежать и, разрушив множество прекрасных зданий, помнивших еще зарю Королевства, покинула оскверненную столицу, стремясь дальше, на полночь – к Солнечному Колодцу, священному для каждого син'дорай. Позже Магистр Роммат и вдохновленные им маги из выживших, невероятным трудом и напряжением всех магических (теперь, после Катастрофы, уже не столь великих) сил, без малого год восстанавливали утерянное и разрушенное. Их подвиг, несомненно, будет помнить каждый эльф Крови, горожанин ли столицы, или житель дальней заставы, но магия избежавших гибели была не всесильна: многое все еще лежало в руинах до сих пор. Почти половина Города Серебряной Луны – к закату от Дворца Ярости Солнца – была необитаема, заброшена и к посещению запрещена.

Впрочем, наскоро возведенные еще в первые годы стены и заглушки, отсекавшие живую часть города от мертвой, служили скорее не для того, чтобы помешать кому-то на ту сторону выйти. Они не давали кое-кому с той стороны войти.

Об этом знали все.

Говорить об этом было не принято. И сильнее наказания удерживал от нарушения *страх* – страх перед тем, что может случиться с каждым. С любимым – от торговца на Рынке до самого Правителя-Регента. Наверное, это тоже было не последней причиной приказа - забыть.

Тринадцать лет назад дом семьи Вирр стоял на *той* стороне. Эльфы, даже юные, плохо привыкают к новым для себя местам – и дарованное властью жилье, пусть вовсе не хуже, а в чем-то и богаче прежнего, так и не стал для девочки *ее домом*. Этого она тоже не простила Плетю.

Но жизнь – как урок Алхимии; то, что несет смерть или причиняет боль, способно нести как исцеление, так и надежду. А еще и возможность: прежние, главные, истинно парадные Врата, были снесены Плетью, но именно они вели в Запретные кварталы. Или *из них* – зависело от точки зрения и намеченных целей.

Главную угрозу Городу несла Тропа Мертвых – след, оставленный Плетью - выжженная полоса мертвой земли, берущая начало в Призрачных Лесах и тянувшаяся к обломкам ворот, проходя насквозь руины; по ней с неотвратимой регулярностью приходила из полуденных лесов свежезарожденная нежить - хвала Белоре, теперь уже малыми редкими стаями. Ее перехватывали патрули Стражи и летучие отряды охотников на нежить Джаэлы, но ни те, ни другие не дежурили у развалин - по крайней мере, постоянно. Найдись тот (или *та*), кто, потеряв благоразумие, отыщет путь из Города в Мертвые кварталы - миновать разрушенную стену и, сохранив толику терпения, скрыться в лесах, никого не встретив, ему (или *ей*) будет нетрудно.

Если, конечно, в тех же Кварталах не останется.

* * *

Вероятно, все мальчишки обожают строить (или находить) "потаенные" убежища, логова и всяческие тому подобные пристанища ("вероятно" - потому что Вирр, все-таки, со *всеми* на свете мальчишками перезнакомиться не успела, но предполагала, что дело обстоит именно так). Ученики Школы Лазутчиков, были, пожалуй, единственными на свете представителями этого племени, которым искать и создавать "скрытые приюты" просто-таки вменялось в обязанность, а неумение скрывать свои *захоронки* не поощрялось. Интересоваться тонкостями чужой Школы без крайней надобности было не принято, но Вирр как-то раз своими глазами видела, как некий наставник Лазутчиков, что называется, *выковыривал* подопечных из с немалым старанием *заиллюженного* убежища, устроенного *внахалку* прямо в ветках старого разлапистого дерева, растущего на краю Базарной Площади.

Шестеренка, Шустрик и Шестик не были исключением. Но в отличие от упомянутых незадачливых надревесных собратьев по будущему ремеслу, они мудрости и афоризмы Школы (мудрость третья: "*Лазутчика губит жадность и самонадеянность*") не просто заучивали, но и явно старались осмыслить. Свое убежище, как оказалось, эта веселая троица отыскала еще учась на первой ступени Школы, уделив при том внимание не возможности при случае им *козырнуть*, а надежности и неприметности.

Вирр познакомилась с мальчишками совсем недавно – чуть менее года назад, при обстоятельствах, столь же неожиданных для себя самой, сколь и романтических; вполне

достойных книжных баллад древних авторов-кель'дорай, но не из тех, о которых стоит знать родителям.

Настоящих имен этих будущих Лазутчиков Вирр так и не узнала - они, *естественно*, не говорили, а она, *конечно же*, не спрашивала - уважая неписанный закон чужой Школы и не желая обижать новых друзей, чувствуя к ним искреннюю симпатию. То, что друзья отвечали ей взаимностью, она поняла на следующий же день – вся троица щеголяла синяками и ссадинами, выглядела немного смущенно и по многим прочим прямым и косвенным признакам было видно, что вчера друзья явно выясняли промеж собой, кому из них она, Вирр, симпатична *больше*.

Хотя позже – когда мать, откуда-то прознав о знакомствах дочери, стала поучать ее на предмет *допустимых границ и надлежащей дистанции* - Вирр стала подозревать, что дело было не только в одной верности школьным правилам пролаз. Тогда она представилась первой, и мальчишки, сразу поняв, что Вирр из более Старшей фамилии, могли скрыть свои имена просто из опасения потерять ее дружбу. Хоть и объявил Регент в первый же год спустя Катастрофы, что нет больше Старших и Младших семей, нет высородных и среднеродных – слишком много погибло син'дорай, и потому каждый из живых - бесценен; подчиняясь воле Правителя внешне, а зачастую и вполне искренне, многие не могли на деле переступить привычки и традиции, укоренившееся за тысячелетия. Но тут Вирр была полностью согласна с Регентом: считаться прошлым в настоящем, рискуя общим будущим – еще та глупость. *Традиционная*.

Любой *взрослый* эльф Крови несомненно скажет: какой-то год – что без малого, что с небольшим – срок для искренней дружбы совершенно недостаточный и несерьезный. Но это лишь потому, что долгоживущие, вырастая, забывают свое детство и себя в нем, точно так же, как и "однодневки". И надо сказать – порой куда надежнее последних.

Для самих же Лазутчиков и Охотницы то, что уже через месяц первые доверили тайну своего убежища последней, было совершенно естественным и ожидаемым ходом вещей.

Судя по всему, подвальчик (а точнее, то, что от него сохранилось – одно небольшое помещение) и некогда венчавший его дом были заложены еще во времена первых королей династии Солнечных Скитальцев(13) . Но пришли иные времена, а с ними и Плеть, и здание было разрушено. Восстанавливавший его Маг – то ли по усталости, то ли с умыслом – воздвигнув новые стены на месте руин, вниманием подвал обошел; и новый дом, и старинный подвал были сами по себе, друг с другом никак не соединяясь. Вот только попасть в подземный реликт былой истории теперь было куда сложнее, чем в дни его молодости; не говоря уже о том, что сперва его надо было найти.

Вирр пришла в неумный восторг, услышав из уст мальчишек нарочито скромный рассказ о поисках и находке: оказалось, троица не просто ползала по обещающим *занорикам* - наудачу, а раздобыв старые карты (то было отдельное приключение!), сверяли их с современной застройкой жилой части Города. Повесть о совершенно заправдашной *археологической экспедиции* растянулась на два дня с подробностями, сблизив знакомцев и скрепив дружбу еще больше: мальчишки обрели в лице Вирр благодарного слушателя их походов, а Вирр в душе признала право мужской половины народа Крови считаться носителями разума по-настоящему и без оговорок (до того счастливым исключением был лишь отец).

Мальчишки, восхищаясь редким Вирркиным зверем (талассианские тигры в Лесах Вечной Песни, как ни странно, стаями не бродят) и обожая с ним играть, к присутствию Рилля в подвальчике первоначально отнеслись с некоторым сомнением: небольшое помещение было хорошо для троих, годилось для четверых, а заполненное мальчишками,

девочкой и тигром напоминало борьбу в сундуке с меховым одеялом.

Вирр все понимала, но убедилась ребята самую малость потерпеть, зная, что котам проще уступить *хотелку* сразу – наиграется и забудет – чем пытаться убедить, что "это" котам не нужно. Так и случилось: пару раз умявшись в тесную подвальную комнатушку вместе с четверкой подростков (процесс упихивания в узкую щель и обратно - быстро-быстро, пока невидимость не сошла! - занял отдельную полку избранных воспоминаний у всех пятерых), Рилль в дальнейшем снисходительно соглашался отпускать свою Охотницу на прогулки с тайными посиделками, не обижаясь и нисколько не ревнуя. Но очень огорчился, если его слишком долго не приглашали на гулянки на свежем воздухе, где *покатушки-на-тигре* сменялись более чем шумными играми: трио мальчишек изображали стаю вурдалаков (и надо сказать, это были опасные и непростые противники!) штурмующих Элунаран, судьба которого вновь висела на волоске, завися исключительно от беззаветной доблести некой сильно помолодевшей и на удивление *живой* Сильваны...

...Воспоминаний как раз хватило на весь путь до искомого тупичка с заветной стенкой. Рилль остановился, *сгрузил* наездницу и уселся, отворотив морду от стены, всем своим видом показывая, что никогда и ни за что в обозримом Азероте он не станет *еще раз* лезть в эту тесную, совершенно не предназначенную для тигров дыру, *и еще раз* подвергать свою шкуру и великолепный мех незаслуженному поношению. Вирр знала, что это всего лишь игра, котовьи вредности, и Рилль знал, что она знала, но котам надо оказывать уважение – даже когда кажется, что времени в обрез. Иначе ходи с дракондором(14) .

- Хороший мой, - погладила его Вирр, - понимаю, там тесно, неприятно, но времени совсем нет, ты же умный зверь, ты все и сам понимаешь - нам надо торопиться.

Рилль повернулся, мазнув усами ей по лицу и осторожно (Вирр все равно покачнулась) ткнулся мордой ей в щеку. Потом длинно фыркнул (что означало попытку протяжно вздохнуть) и стал протискиваться в пролом. Иллюзии он, как и все коты, презирал, то есть попросту не видел (или замечать не хотел). Вирр же пришлось сперва прикоснуться к нужному участку стены – заклинанию нужно было распознать входящего, прежде чем открыть ему проход.

* * *

Подвальчик, конечно, был мал и обстановкой более чем скромнен. Сидениями служили три ящика из-под фруктов, а столом притворялся ящик чуть побольше – из-под неведомого содержимого, но с остатками надписи на гоблинском: "... погребов принца Галливикса"; в стенках, вбитые и всунутые между старых, потемневших кирпичей, торчали крюки, костыли и гвозди, поддерживающие учебное оружие, *археологические* трофеи и трофеи *вообще*, а также хитрые безделушки (мальчишки разъяснили – меж групп учеников Лазутчиков было принято не только искать убежища друг друга, но и в знак удачного проникновения уносить *реликвии* соперников, а также придумывать, изготавливать и хранить эти "реликвии" в количестве – иначе что же соперникам похищать?). А еще вдоль стенки - напротив того, что проще назвать "входом" - располагалась узкая лежанка (на случай – вдруг кому-то надо будет *скрыться с поверхности и залечь на дно*) – и больше тут не было ничего. Ни шелковых обоев с занавесками, ни уютных ванн с фонтанчиками, ничего такого, но подвальчик - несмотря на эти явные недостатки – был предметом гордости мальчишек и, по мнению Вирр, чудо

как хорош для поедания утащенных из дома вкусностей, рассказа историй, зачитывания книг, планирования приключений - и все это при полном неприсутствии родителей, наставников и вообще всех старше возраста совершеннолетия (а некоторое время спустя Вирр убедилась, что подвальчик – в силу последнего условия - был хорош и вполне удобен и для *других* забав).

Вирр перелезла через искренне пытавшегося стать меньше и вжимающегося в угол Рилля (все ящики-сиденья, он, как всегда, снес; и ящик-столик, разумеется, опрокинул; тигр – он большой, а тут еще лапы и, опять же - хвост) и, огибая зверя, добралась до стены, с которой заблаговременно были сняты все трофеи и диковинки. Там она раскинула руки, широко, как могла (взрослые делали, и для взрослых), коснулась стены в хорошо заученных местах и произнесла: - *Штаны из рысьей шкуры!*

Тихо-тихо, едва слышно - точно шепот у самых ушей – послышался хорошо знакомый голос Шестеренки: *Удачи, что бы ты ни задумала*

По кирпичам пошла рябь, отрывая наклонный проход; сильно запахло плесенью; одновременно Вирр за пазухой под сорочкой, прямо в ямочке между ключиц ощутила что-то, чего раньше там не было. Она осторожно расстегнула ворот и в руки ей упал цветок огнелилии – точно такой ей приглянулся в цветочном ряду, когда они с мальчишками гуляли по Базарной площади. Вирр улыбнулась: основное волшебство Лазутчиков - заставлять предметы исчезать у хозяев и появляться в руках колдующего - могло служить и обратному; если, конечно, Лазутчик того желал. Девочка скинула рюкзачок, достала свиток карт и бережно вложила цветок внутрь. Затем вернула рюкзачок на спину.

- Идем, - прошептала она тигру и, начаровав маленький путевой огонек, стала спускаться вниз по истертым ступенькам. Рилль (уже без капризов; время для кошачьих привередностей закончилось) двинулся за ней.

* * *

Она так и не посвятила новых друзей в свои планы до конца.

Тому было много причин. Это была не их месть и не их долг – мальчишки учились на год младше и в *тот самый* заезд в лагерь, тринадцать лет назад, не попали. Нет, Вирр знала: расскажи она им все, что задумала – они бы не оставили ее. У каждого *должен* быть выбор, но во имя Солнечного! *какой* выбор у трех мальчишек, которым предложат опасное, смертельное предприятие, где вероятность выжить мала, а испортить себе жизнь и грядущую службу - в случае этой самой, невероятной вероятности – несомненна? Захотят, а не откажутся; струсят (а кто бы не струсил?), так не признаются. Это как просто взять и погубить - с друзьями так не поступают.

А главная причина, о которой девочке не хотелось даже лишний раз думать, скорее всего, была иной и куда более простой, проще ловли маназмея – она боялась, что Шестеренка, Шестик и Шустрик (не верилось, но вдруг?) тоже решат, что она спятила (и у бесшабашности Лазутчиков есть свои границы) и станут отговаривать. И попытаются удержать. А то и вовсе помешать. И этих чудесных друзей она тоже потеряет.

Лучше уж идти одной. Куда проще отвечать лишь за себя.

Однако, сохранить свои тайны полностью не вышло. Как-то раз, под конец приятно проведенного вечера, стали рассказывать истории, в том числе, разумеется, о Мертвых Кварталах - что запретно, то интересно. Тогда и узнала Вирр, что древний подвал был не прост: от него шел ход на ту сторону. Мальчишки были уверены, что подземный путь

служил контрабандистам, доставлявшим – кто бы сомневался! - запретную до Катастрофы кровопийку(15).

Взвесив все за и против, девочка попросила друзей показать ей проход, надеясь, что те примут ее интерес за простое любопытство. К сожалению, знакомство Вирр со сценическим искусством начиналось чтением древних пьес – и на нем же и закончилось. Шестик закусил губу, Шустрик помянул каких-то демонов (явно не из школьного курса), а Шестеренка, покачал головой:

- Слушай, мы запечатали дверь. Шутки-шутками, но туда не просто так запрещают. Нас трое было, но мы едва *схлынули*. – Шустрик коротко глянул на товарища, и тот, поморщившись, добавил: - Ну да, мы тогда совсем мелкие были, мало что умели, и зверя твоего замечательного у нас не водилось, но... - он снова покачал головой, не отрывая от Вирр взгляда. – Не думай, что мы трусим, но если тебе что надо оттуда – вместе пойдём.

- Понятное дело, – кивнул Шестик, - мы помним: ты рассказывала, что вы раньше там жили, до заварухи с Плетью. Что-то дорогое осталось, да? Вместе попробуем.

Как же тогда не хотелось врать. Другьям не лгут.

- Я... - Вирр постаралась говорить твердо. – Я должна одна. И мне не в Кварталы нужно. Через них можно из Города выйти – мимо Стражи. Мне надо.

Мальчишки снова переглянулись.

- Дело мести? – озвучил за всех Шустрик.

Вирр кивнула.

Ребята насупились; месть – дело святое для каждого син'дорай, и отговаривать – себя позорить. Как и собравшегося мстить.

Шестеренка судорожно вздохнул, выдохнул. Сказал за всех троих:

- *На упор* решилась?

Девочка кивнула.

- Все не расскажешь, а *уши винтить* тоже не хочешь?

Вирр покачала головой

- Когда пойдешь? – спросил Шестик.

Вирр против воли напряглась. Слишком уж привыкла, что в этом деле намерения и, тем более, сроки называть опасно.

- Ты пойми, - объяснил Шестеренка, - нам ведь подготовить все надо. Распечатать, заново наложить, *слово* на тебя перекинуть. Стенку, - он кивнул за спину, - зачистить, *хруньё* убрать.

- Мне подготовиться нужно. Не думала, что способ найдется. Давайте дня через три.

- Уговор, – кивнул Шестеренка. - И все-таки ты сумасшедшая...

- Ты вернешься? – это Шестик и Шустрик произнесли хором.

Вирр постаралась улыбнуться.

- Очень бы хотелось.

* * *

Тоннель оказался относительно коротким – шагов с полста или чуть больше, пустым, лишенным всяческих декораций – зловещих останков, магических ловушек и вообще чего-либо страшного и ужасного, совершенно неведомого, но в душе ожидаемого. Рилль тоже ничего такого не чувствовал, только принюхивался, пару раз фыркнул и чихнул – сырость под лапами ему не нравилась.

Вирр, уже с первых шагов изготавившаяся к отчаянной схватке с половиной чудищ,

поминаемых в страшилках о Кварталах, чувствовала себя немного обманутой. Или той, которую еще только *пытаются* обмануть, заставив поверить и потерять бдительность. В общем, расслабляться всяко не стоило, с какой стороны ни глянь.

Когда пол пошел на подъем, Вирр погасила огонек - не стоит заявлять о себе, не зная наперед, кто тебя встречает – и дала знак Риллю. Тот подался вперед, шевельнул вибриссами, потянул воздух; затем глядя на Вирр, мотнул головой – никого. Вирр потянула из ножен клинки: впереди - помещение, на улицу еще надо выйти, а в комнатах из лука стреляют только в пьесах, да и то – разве что, в классических. Рилль р-рыкнул, ободряя свою Охотницу и свидетельствуя готовность.

Они двинулись наверх.

Примечание к части

(11) Belore – Солнце (талассийск.)

(12) Kim'jael – маленькая крыса (талассийск.)

(13) То есть, в эпоху Дат'Ремара

(14) Крылатое существо, сочетающее в себе признаки птицы и ящера, повсеместно обитающее в лесах Вечной Песни, традиционно служит у син'дорай первым (учебным) зверем для юных Охотников; выражение «ходи с д.», «приручи д.» у детей эльфов Крови аналогично привычному для читателя «нос не дорос»

(15) Кровопийка – однолетнее растение, растущее только в местах, где происходят случайные выбросы магической энергии, или где часто практикуется магия эльфов Крови. Употребление ее позволяет син'дорай временно усилить творимое заклинание; употребляющий же часто и бесконтрольно рискует наркотической зависимостью. До Вторжения Плети в Королевстве Син'дорай была запрещена, как и прочие наркотические средства, но после Катастрофы и утери главных источников магии, новый Городской Совет во главе с Регентом отменили древний запрет, сославшись на необходимость извлекать магию и силу любым способом, чтобы не остаться безоружными и не допустить повторения трагедии. Единственное ограничение – несовершеннолетним употребление рекомендуется исключительно под контролем наставников и в более малых дозах.

«То, о чем не говорят.» Часть первая.

Если глядеть только вверх, то разницы и не заметишь; точно ты по-прежнему в городе живых: и небо, и звезды – все те же. Вот разве что ветер, не сдерживаемый стенами редких уцелевших зданий, здесь сильнее. И голову надо запрокинуть как следует, чтобы не видеть ветви мертвых деревьев, искаженных колдовством Плети.

Вирр неплохо помнила *свой*, довоенный Город, но все равно затруднялась сказать, куда именно их с Риллем вывел подземный ход. Если довериться его длине и направлению, то беглецы, выйдя на поверхность, должны были оказаться где-то на улице Нумизматов, в Торговом квартале. Но Вирр ничего не узнавала вокруг. Зрение эльфов совершенней, чем у прочих, и скудный свет ночного, пусть и безлунного, но ясного неба, позволял дочери Старшего народа здесь, на поверхности, обойтись без путевого огонька. Но даже призвав его, она бы вряд ли поняла, что тут было раньше.

Окна были пусты, хрусталь стекол разбит – нежитью, а быть может, ветром и непогодой; сколько сезонов уже никто не защищает эти места, не подчиняет стихии и не отводит ненастья? Ярких, многоцветных вывесок, менявших свой облик ежечасно – дети помладше любили глазеть на них, споря о фантазии замысла и превосходстве исполнения – как и не было. Порождения иллюзорной магии, хоть какие-то из них должны были пережить и штурм, и враждебную городу природу – как и домашние светильники; но – ни огонька, ни вспышки, ни блеска, только голые стены, где еще целые, где частью обрушенные, а где и вовсе груды щебня и обломков. Точно не город син'дорай – тогда еще кель'дорай! – а поселение иного, дикого и не владеющего магией племени.

Разве что городские деревья – чьи ростки были тысячи лет назад привезены Основателями из закатных земель надменных эльфов Ночи, закоснелых в своей добровольной слепоте из страха перед мощью истинной Магии, ополчившихся на лучших из своих сыновей и дочерей, завидуя их Искусству и отваге – стволы и кроны, каких не увидишь больше нигде в Азероте, все еще свидетельствовали силу Древних. Все растущее, хоть и не избежало искажающих чар Плети, по большей части выжило: и сады, и парки, и величественные одиночки, украшавшие площади и даровавшие опору древним башням. Чудо из чудес, равно и рукотворное, и порожденное волшебством, являвшее всему Азероту мощь сплетенной воли архитекторов и магов кель'дорай; высокие – превыше шпилей нового Элунарана – они, оставшиеся лишь в памяти народа Крови, да на картинках сберегаемых книг, теперь рассыпались пылью и осколками по покинутым улицам. Даже Магистр Роммат, маг величайший среди живущих, не смог их воссоздать.

Звезды не только освещали путь, но и помогали держать направление на полдень – туда, где должны быть Врата – точнее то, что от них осталось. Вирр справедливо решила не вынимать из рюкзака план старого города, полагаясь на память: все одно – старая карта не годилась. Девочка двигалась медленно, держа лук наготове. Рилль крался справа и чуть сзади, прикрывая фланг, арьергард и вообще *все*. Ведь двуногие – что син'дорай, что просто *дичь* – слишком мало замечают; свою Охотницу надо охранять, что бы она о себе ни думала.

Неторопливость была скорее вынужденной: как ни хотелось побыстрее миновать Кварталы, но приходилось идти осторожно – местность незнакома, да и узорные плиты, некогда украшавшие улицы, вздыблены, расколоты, сломаны; точно множество неведомых тварей пробрались под землей, подкопались и вылезли уже в городе – прямо сквозь мостовую. Быть может, так и случилось – о подробностях Штурма син'дорай знали немного: никто из защитников не выжил. А о том, что творилось в мертвом городе сейчас, спустя годы, в Школах не рассказывали. Ходили слухи – это преподают лишь тем, кто

поступает в Стражу, да еще Жрецам и Рыцарям Крови; но и будущие Стражники, и Ученики обоих Классов в ответ на расспросы молчали.

Даже отец Вирр, участвовавший в поисковых отрядах первых послевоенных лет, только и рассказал, что дом их семьи разрушен полностью и искать там что-либо бесполезно. В те годы переселяемым в живую часть города разрешали (в сопровождении и под охраной, конечно) последний раз навестить дома и взять самое необходимое - или самое дорогое, и Вирр до последнего надеялась, что удастся спасти хотя бы книги, ну, если не все, то хотя бы любимое с колыбели «Описание лесов»(16).

Вирр смиряла нетерпение, убеждая себя, что торопиться уже не нужно – до утра еще далеко, а даже если ее исчезновение и обнаружено (что наверняка), мать вряд ли станет сообщать Страже или как-либо еще *терять лицо* раньше, чем убедится: всё гораздо серьезнее, нежели просто запретные ночные прогулки. Но и в случае, если Вирр знала мать хуже, чем полагала, и Стража, не иначе как по наитию предков, сразу решит ее искать именно *здесь*, все равно – на получение разрешения властей распечатать проход и послать поисковый отряд уйдет немало времени. И это если вообще рискнут. Ни в перечитанных городских хрониках послевоенных лет, ни в осторожно собираемых устных историях Вирр ни разу не нашла случаев, когда кого-то искали и спасали из Мертвых Кварталов. *Туда* отправляли – случалось; хотя в записи не заносили, только говорили, да и то лишь шепотом да намеками.

Хотя, если не впадать в наивность, все могло раскрыться и куда быстрее: когда пропадает кто-то из *маланорэ*(17), дознаватели всегда начинают поиски с расспросов друзей пропавшего и соучеников по Школе. В те времена, когда все девять «заговорщиков» были едины и тверды на клятву, они сразу решили: если кто не сможет покинуть город, или будет пойман сразу, то пусть говорит свободно; разве поупиравшись для виду (сколько получится), выгадывая время друзьям – даже дети знают: с *шала'зарам*(18) шутки плохи. А в том, что бывлые товарищи по замыслу теперь не станут даже упираться (кляня себя, что не донесли еще в прошлом году, полагаясь на Вирркино благоразумие), она нисколько не сомневалась.

* * *

Где-то через час они с Риллем наткнулись на труп.

* * *

Без малого восемь тысяч лет кель'дорай доводили Науку Трех Магий до совершенства, невысказанного для иных народов, не ограничивая себя ни в замыслах, ни в возможностях. Где бы ни жили Высшие – от столицы до малого поселка - не только знати, но и последнему из среднеродных были доступны роскошь, удобство, изобилие; а низкородных среди Высших не бывает. Все это давала магия древнего народа; магию же даровал Солнечный колодец. Источник неисчерпаемой силы, укрытый в цитадели на острове Кель'Данас, был и святыней, и величайшей драгоценностью Королевства. Изобилие магии уже давно не воспринималось кель'дорай как дар, скорее - как повседневная данность, та что была, есть и пребудет всегда.

За десятки сотен лет расцвета легко забыть, что ничто в Азероте не вечно, и сам он - не вечен.

Когда пал Элунаран, Колодец стал следующей жертвой Короля-Лича.

Те, кто выжили, скрываясь в лесах, пещерах и дальних, нетронутых войной поселениях, ощутили потерю в одночасье. Привычная, как свет Белоре, неиссякаемая как воздух и столь же повсеместная, магическая сила стала стремительно убывать, покидая земли Кель'Таласа. Простые заклинания стали для каждого непривычно трудны, сложные – для большинства недоступны; казалось бы – что может быть страшнее для народа, потерпевшего поражение в войне, и старающегося выжить? Но, как показало время, главная беда была еще впереди.

Едва наступила ночь, Высоких эльфов – где бы они ни оказались - настигла немочь, до того знакомая лишь немногим целителям, из личной прихоти (или по дипломатической нужде) иногда помогавшим Младшим народам. Кто-то мучился необъяснимой тоской, иные страдали кошмарами, а многие – от телесных мук, не поддававшихся простым снадобьям; а средства непростые, магические, перестали помогать. Менее всех страдали дети. Хуже всего было тем, кто успел в атмосфере, насыщенной магией, провести не одну сотню лет – не все из них пережили ту ночь. Некоторые кель'дорай, не вынеся непривычных страданий, впадали в безумие и с упорством и настойчивостью, очень быстро переходящей в жестокость, искали любые вещи, устройства и строения, сохранившие в себе магию - чтобы поглотить ее. Своими собратьями – если чуяли в них хоть крохи Силы – они тоже не брезговали. Но если это и помогало им избавиться от мучений, то лишь на время. Все быстрее теряя сходство с Разумными, *Презренные* стали для выживших, но разрозненных и, к тому же, истощенных магическим голодом кель'дорай, едва ли не опасней нежити Плети.

К тому времени, когда из Запределья вернулся магистр Роммат со сподвижниками, большинство Презренных, скрывавшихся в лесах, стянулось к опустевшему Элунарану, чуя слабые, но многочисленные источники магической силы. В следующую пару лет, прозванных в народе Годами Лишений, множество опасных безумцев было уничтожено – но не все. Они затаились в руинах – и в Мертвых Кварталах, и в окрестностях Города; поговаривали - речной порт и верфь все еще в руках обезумевших стай, но власти неизменно это опровергали, определив слухи враждебными.

После очищения Колодца, казалось бы, угроза страшного недуга осталась в прошлом, но Сила обновленного источника была иной, не той, что прежде. Даже спустя десятилетие все еще находишь те, чье тело и дух - за долгую жизнь свыкшиеся с магией, куда более изобильной – восставали против воли. По-прежнему, хоть и редко, но случались приступы магического голода, переходившие в крайнюю стадию, ведущую к безумию. Были и те, кто не внимая советам магов-медиков, потреблял кровопийку в пределах, далеких от разумных, надеясь хоть ненадолго испытать былое изобилие – их глупость заканчивалась тем же.

Иногда таких успевали излечить. Порой, они умудрялись бежать, присоединяясь к Презренным вне Города.

О них старались не помнить.

О самом недуге было не принято говорить.

* * *

Не считая шрамов, давних ссадин и прочих свидетельств нецивилизованного существования, иссушенное тело Презренного казалось неповрежденным. Казалось, смерть его была спокойной, если бы не искаженное, странного пепельного оттенка лицо.

И рука – тянущаяся к детской самодвижущейся игрушке, теперь уже мертвой и погасшей – застыла в судороге, со скрюченными пальцами. Вирр наскоро осмотрела тело и обрывки одежды (пока Рилль *лежал* на страже, озирая окрестности), надеясь найти хоть какие-то знаки имени и семьи погибшего, но без успеха. Только грязные, спутанные в колтуны волосы цвета солнечного золота (*Высокородный*, подумала Вирр) свидетельствовали о прошлом покойного безумца.

Сама Вирр не сильно боялась Недуга. Те, кто родились после Катастрофы, с самого начала жили в сиянии нового Колодца; родившиеся же незадолго до Третьей Войны почти не успели привыкнуть к щедрому потоку магии Колодца прежнего, в силу малых сил и возраста не практикуя магию в полной мере, приобщаясь к Силе Источника лишь в виде ее конечных даров, созданных взрослыми. И потом – Охотники не столь зависят от магии; главная их сила - Зверь-Спутник, собственная ловкость и быстрота. И верный лук, конечно. Колдовство – бесполезно и востребовано всегда, но для Охоты не критично и в больших запасах Силы не нуждается. Не злоупотребляй стимуляторами, не используй Силу понапрасну – и Недуг для тебя останется лишь страшной сказкой у костра или одной из досужих сплетен. Магам Двух Стихий и Трех Направлений, было, конечно, куда труднее. Как и тем, чье положение и должность позволяли многое.

Мысли Вирр вернулись к найденному трупу. Что-то тут было не так. Ведь и Презренные должны питаться – вряд ли все они помнили, или хотя бы изначально умели творить то, что не только выглядит съедобным, но и таковым является. Рылись в развалинах? Возможно. Следопыты, исследовавшие руины, выносили отсюда в первую очередь ценное и важное, но вряд ли съедобное. Но много ли сохранилось? Вирр хорошо помнила: свежая изысканная еда – привезенная торговцами или сотворенная магами – всегда была в Городе в изобилии; долгохранимого просто не могло остаться слишком много. Так что это может быть – совершенно доступный источник пищи, и при том нетронутый?

По уму, там, где много крыс и нечем питаться – во всяком смысле этого слова – рано или поздно останется *одна крыса*, но *очень* большая и пострашнее прочих.

Встречаться с такой не хотелось.

- Ну и что же ты тут делаешь, скажи мне на милость? – раздался за спиной спокойный мужской голос.

* * *

Многолетние тренировки не пропали даром: еще не отзвучали на чистом талассийском произнесенные слова, а Вирр – прыжок в сторону (уход с возможной линии атаки), стрела наложена – уже целилась на звук, исходивший, судя по всему, от сломанной колонны. Рилль, возмущенный, что кто-то посмел подкрасться, да еще так незаметно, атаковал с лежки - на слух, надеясь выбить неведомого, о себе возомнившего, из невидимости, но шмякнувшись о незримую сферу защиты, взмякнул, сполз на землю и тут же отпрыгнул, готовясь зайти по новой.

- Уйми, своего зверя, девочка, *будь так добра*, – сказал неведомый маг. Из невидимости он, несмотря на прямой контакт с Риллем, так и не вышел.

- Сперва покажись! – опускать лук Вирр не собиралась, но Рилля *отсвистнула*.

- Молодежь... надежда Королевства... никаких манер. - Вирр могла присягнуть на статуях Старейшин, что скрытый невидимостью некто при этом покачал головой.

Ночной воздух рядом с колонной затрепетал, очерчивая таинственного собеседника.

Высокий эльф со сложной прической по старой моде; серый, выдавший виды плащ невзрачен, но под ним – яркое платье с традиционным красно-золотым шитьем и как бы не ручной работы. Точно маг – ни Воин, ни Охотник в здравом уме робу мага не наденет (впрочем, отдельные обладатели сомнительного чувства юмора иногда находились). Вполне нормальный син'дорай. (*Или выглядит как син'дорай* – произнес в голове Вирр привычно-въедливый голос Полторауха.) Вокруг мага на поверхности невидимого шара то и дело появлялись и исчезали искры – защиту он так и не снял. *Опасается*, с некоторой гордостью подумала Вирр.

Вирр рассматривала мага; маг, не шевелясь рассматривал Вирр и Рилля. Наконец, *предположительно син'дорай* с неким вопросительным ожиданием приподнял бровь.

Вирр вспомнила приличия и, кивком головы обозначив почтение, сообразила произнести приветствие:

- Приятная встреча...
- Вот уж не добавить и не убавить, - не стал спорить Маг.
- Вы – призрак? – спросила Вирр.

Маг закатил глаза к небу - на мгновение напомнив Вирр гравюру из букваря начальной ступени: «Дат'Ремар пытается объяснить правителям кал'дорай(19) преимущества магии над друидизмом» - и с непередаваемой, но так хорошо знакомой Вирр по Школе учительской интонацией, переспросил: - Привидение, *колдующее Сферу Отражения*? Призрак, *непроницаемый для живых, твердых объектов*? Девочка, - вздохнул он, - кто твой наставник?

Примечание к части

(16) «Описание лесов Кель'Таласа а также тварей и существ, в них обитающих» - анонимное творение, приписывается Охотникам клана Ветрокрылых.

(17) Malanore – изначально «путник»; в современном языке син'дорай используется в значении «ученик», «послушник» (у Жрецов и Паладинов); здесь – «юнец».

(18) Zaram – «лезвие топора», и в том числе – «защитник», shala – безопасность (талассийск); – т.е. лица, хранящие безопасность Королевства; в общем, «щит и меч страны, броня и секира нации» - как и везде, как и всегда.

(19) Кал'дорай - Ночные эльфы; не путать с «кель'дорай» (Высшие эльфы)

«То, о чем не говорят.» Часть вторая.

- Впрочем, - продолжал эльф, - наверное, мне лучше этого не знать. В былые времена Учитель, чей Ученик выказывал знания *подобного* уровня, добровольно оставлял практику и удалялся в изгнание. А что, если твоего Учителя обучал я?.. - его лицо, жесты – чуть ли не каждая складка одежд выражала скорбь такой непереносимой тяжести, что Вирр уже не знала, куда и глаза девать, мечтая провалиться под землю (увы, такого заклинания не проходили) и почти всерьез сожалея, что вместо мага ей не встретился тот же «крысиный король» или просто пяток голодных Презренных. Или Король-Лич.

Вот же сглупила, подумала Вирр, *от неожиданности, наверное.* «Живой и твердый объект» сердито сопел рядом – призраком или живым, маг ему все равно не нравился. Рилль не любил проигрывать. И потом – он чувствовал смущение Спутницы.

- А ну-ка! – тон скорбящего «учителя учителей» сменился быстрее, чем погода ранней весной в Тирисфале. – Три признака стандартной нетелесной нежити? Стан-дарт-ной! – строго подчеркнул он, воздев указательный палец.

Вирр привычно запаниковала, страшась ответить неверно и тем самым посрамить Полторауха еще сильнее (свою репутацию она сочла уже окончательно мертвой и к зомбификации непригодной), но именно некоторая схожесть манер мага с таковыми любимого учителя подстегнула школьные рефлексы и слова посыпались как бы сами собой – без участия сознания.

- Игнорирование материальности окружающего! Иммуитет к немагическому оружию! Владение только ментальной магией!.. – когда Вирр остановилась, она обнаружила, что лук уже за плечами, стрела в туле, а сама она стоит в классической позиции «Ученик почтительно отвечает Учителю», и Рилль косится на нее с тревогой.

- Что ж, - кивнул маг, - не все так безнадежно.

Он немного помолчал, снова разглядывая Вирр – как бы заново.

- Я так понимаю, имени своего ты мне не скажешь?

Вирр опустила глаза. С такого явно сильного и немало прожившего мага станется *прочсть ее* и не спрашивая.

- Не бойся, твои тайны мне без надобности, – успокоил маг. - Не сочти за насмешку, но у тебя все написано на лице - а подробности не столь существенны. Ты ведь возжелала подвигов?

- Нет, – коротко сказала Вирр.

Маг не сразу ответил, раздумывая.

- Тебе удалось меня удивить, девочка. Что ж, позволь, я закончу то, ради чего сюда пришел, и мы с тобой побеседуем – в более подходящей обстановке.

- Вы меня вернете в Город? – с тоской спросила Вирр.

- По чести говоря, - улыбнулся маг, - я *должен* был бы так поступить – как сознательный гражданин; как кель'дорай, равнодушный к судьбе младшего; как... впрочем, и перечисленного достаточно. Но вот незадача: если я сейчас просто перенесу тебя на ту сторону, ты ведь снова сбежишь?

У Вирр мелькнула недостойная мысль наобещать пять связок маназмеев, а потом испытать судьбу снова, но... Это было бы и правда недостойно. Да и обманывать стоящего перед ней могло оказаться очень плохой идеей. Полтораух постоянно твердил: *«Не знаешь, кто или что перед тобой – не считай себя заранее сильнее. Или умнее»*. А маг – несмотря на добродушие и явные учительские замашки – был очень неясен. Это его «кель'дорай» в отношении себя – давно, с самой войны Вирр не слышала, чтобы хоть кто-то из соплеменников так себя называл. И – «сейчас перенесу». Искусство телепортации

не было чем-то уникальным, но требовало немалого запаса Силы и, что куда более важно, отличной памяти и способностям к счету высшей сложности. А перенестись самому или перенести другого, а уж тем более создать стабильный портал — *вот прямо сейчас* - без способности производить все нужные вычисления в уме было просто невозможно. Именно поэтому *портунов* среди Магов всегда было мало; все, какие ни есть, были востребованы (даже тратящие часы на подготовку и расчеты), в средствах они не нуждались и имена их знали наперечет. За мыслью недостойной последовала мысль откровенно паническая: уж не на самого ли магистра Роммата они с Риллем только что *подняли хвост?* – но Вирр вовремя припомнила, что Великого Магистра сейчас не то что в Элунарране, но и в его окрестностях быть просто не должно - если, конечно власти не врут.

- Сбегу! – отважно призналась девочка.

- Верно, - продолжал маг, - а сдать тебя властям или на руки твоей почтенной матушке я, к сожалению, не в силах. Для Города я... как бы умер. Меня просто нет, и появляться там – по крайней мере, официально - я не могу.

Беседуя с Вирр, маг одновременно, не теряя времени, занимался трупом. Без каких-либо заметных заклинаний – даже в форме жеста – тело Презренного истаяло дымом, который через мгновение-другое сгустился в прозрачную урну – прямо в руке мага. Еще движение – и урна исчезла под его плащом.

Маг подошел к Вирр (та, дала знак Риллю – «*пока свой*»; по уму – хотел бы убить, так не тянул бы), включая ее и тигра в защитную сферу, и сказал:

- Идем. Здесь недалеко, – и, убедившись, что девочка и тигр следуют за ним, двинулся, как ни странно, на полдень – куда Вирр изначально и направлялась.

- К слову, - заговорил маг снова, - чтобы ты не чувствовала себя неучливой, своего имени я тоже не назову. Зови меня, - он усмехнулся, - Отшельником.

Вирр кивнула. Он шла за магом, поглаживая холку Рилля - успокаивая и убеждая, что все (*пока!*) хорошо; и просто потому, что любила его наглаживать при любой возможности (Рилль это тоже любил). Она, представляя карту, пыталась угадать: где может быть убежище Отшельника? Вирр припоминала все сказанное им, и, перебирая фразы собеседника, вдруг сбилась с шага, обмирая от собственной глупости. Нет, не зря Учитель всегда укорял ее за невнимательность! И как она сразу не заметила эти слова – «на руки *твоей почтенной матушке*»!

Он сказал лишь о матери – не о родителях.

И он даже не упомянул об отце, который уже месяцев пять в составе экспедиции Реликвария(20), пребывал весьма далеко от Азерота.

Маг прекрасно знал, кто она такая.

Все, обреченно подумала Вирр, сдаст.

И на мироцвете не гадай.

* * *

Они миновали развалины Королевской Библиотеки, свернули на улицу Новых Архивов (или, правильной сказать - на то, что от нее осталось), и Вирр сообразила, куда они идут – к Королевской Научной Академии. Или к ее лабораториям. Она вежливо, как могла, спросила: отчего маг не перенес их сразу, куда нужно - если здесь, и вправду, опасно; а если не очень опасно – зачем Сфера? На что Отшельник – столь же учтиво – ответил, что магия здесь потребна для множества иных задач, и ее надлежит расходовать мудро.

- А как же Сфера? – Вирр решила, что собеседник настроен благожелательно, и стоит его расспросить подробнее.

- Они давно не нападают на меня – по многим причинам. Но все может случиться. Ты и твой зверь – чужие для них.

Дорогу преградил обрушившийся кусок стены и маг, видимо, не рискуя выпускать из сферы девочку и тигра – а по-другому обломок не перелезть – просто сдвинул его в сторону. И снова - без слова или движения.

- А что вы здесь делаете?

- Я почувствовал, что в наблюдаемых мной пределах появился некто новый, незнакомый мне – и решил удовлетворить любопытство. И потом, я еще второго дня собирался похоронить этого несчастного.

- Нет, отчего вы вообще здесь? - обвела рукой местность Вирр, решив пока не обращать внимание на «несчастном» применительно к Презренному. – Вы же не... - она осеклась, не в силах преодолеть въевшуюся с детства привычку не поминать вслух все связанное с Недугом и Кварталами; по крайней мере – с недавними знакомыми. – Вас ведь не могли изгнать!

- Но я мог уйти сам, верно?

- А который Ученик подвел вас? – Вирр понемногу обретала привычную уверенность, что выразилось в невозможности удержаться от невинной лукавой подначки.

Маг тонко улыбнулся.

- С моей стороны назвать тебе его имя будет непедагогично, – а затем добавил, подпустив в голос нарочитого, почти театрального шепота: - Не говоря уже о вопиющем подрыве авторитета властей.

Вирр, полагая себя опытной столичной жительницей, намек оценила, и расспросы в этом направлении решила попридержать – до времени.

Здание Академии было полностью разрушено – Плеть постаралась не оставить ни одной целой стены; о светоче науки континента напоминала лишь чудом сохранившаяся стела – одна из двух, некогда украшавших вход – и гора щебня и мусора на месте прекрасного некогда строения. Где тут могло быть убежище – или потаенный вход в (допустим) сохранившиеся подвальные уровни, Вирр строить догадки не рискнула.

Отшельник направился прямо к одному из обломков здания и, не сбавляя шага – только обернулся на миг, убедившись, что его спутники по-прежнему следуют за ним – безо всякого заклинания просто пересек каменную поверхность и исчез в ней. Вирр решила, что снаружи в любом случае опаснее; Рилль держался той же мысли – и оба не стали мешкать.

Девочка так и не поняла – был ли тот кусок стены ключом постоянного портала, или все нагромождение останков здания было иллюзией, скрывающей уцелевшее строение – мгновенно, без задержки и без каких-либо ощущений свойственных переносу, они с Риллем оказались в довольно непривычном на вид, некогда просторном помещении, ныне сочетающим в себе признаки лаборатории мага, лавки торговца книжными раритетами, приемного покоя алхимика-целителя, оранжереи экспериментирующего ботаника, и, если присмотреться к стенам, маленького филиала Пинакотекки Анастериана(21)(что случилось с самой пинакотеккой и ее собранием, Вирр старалась не думать). Книги лежали повсюду, стопками и вперемешку с кристаллами, как пустыми, так и сияющими переполнявшей их магией; странные растения оплетали стены, вазоны с незнакомыми Вирр цветами где стояли вдоль стен, а где парили, медленно путешествуя по остаткам свободного пространства; большую часть стола в середине зала занимали лабораторные средства постижения, перегонные кубы и арканские ловушки малой и средней силы –

некоторая их часть была соединена меж собой в некую совершенно немыслимую на непросвещенный взгляд девочки совокупность, но, тем не менее, очевидно, работающую; в дальнем углу, из-за окружавших ее груд книг и непонятных устройств напоминая дальний форпост в глубокой обороне, располагалась собранная из всяческого хлама с поверхности кровати – узкая и неудобная даже на взгляд Вирр (привыкшей обходиться в поле голой землей, но совершенно не понимавшей, зачем себя лишать приятных удобств в постоянном жилище); в довершение всего, у стены стоял Магический Страж старой, довоенной работы (девочка его заметила, лишь когда обернулась) – неподвижный, но явно активный и с *оранжевым* светом в глазницах.

- Приветствую вас! – Вирр привычно вздрогнула, но голос Стража был, на удивление, не грозно-пробирающий, а куда более схожий с эльфийским и обладал приятным тембром. – Я – Магический Секретарь моего хозяина – рад приветствовать новых гостей!

- Ты какой чай любишь? – спросил Отшельник у Вирр.

Примечание к части

(20) Реликварий – организация, подчиненная Королевской Академии, занимающаяся изучением прошлого и поиском магических артефактов древности.

(21) Анастериан Солнечный Скиталец – последний король Кель’Таласа.

«То, о чем не говорят.» Часть третья.

Пока маг готовил напиток – к удивлению Охотницы, способом простым, совершенно немагическим и знакомым ей больше по старинным книгам (если, конечно, не вспоминать *то лето*) – Вирр, пользуясь возможностью, попробовала разговорить Секретаря, строя беседу так, чтобы он неизбежно упомянул имя своего владельца. Неизбежность так и осталась в Вирркиных мечтах, на деле обернувшись полной недосыгаемостью. Золотистый голем в речах был на удивление увертлив - почище лисы из лесов Гилнеаса. Отшельника он был склонен не упоминать вовсе, а когда Вирр припирала его хитрым построением фраз, именовал исключительно «Хозяином»; на прямой же вопрос «Как зовут твоего хозяина?» неколебимо отвечал «Хозяин». Вирр через некоторое время отчаялась, помянула про себя Внешних Демонов и изощряться в вопросах перестала, решив, что душа голема, скорее, родня не лисам полуденных лесов хум'аноре, а каменным элементалям. Маг, продолжая заваривать чай, допросу не препятствовал, лишь ехидно посмеивался.

Когда незнакомый, но приятный аромат стал ощутим и всеприсущ, Отшельник, пригласил Вирр к столу (справедливее сказать – к его маленькому свободному краешку) молча указывая на один из двух узорных стульев (девочка могла поклясться, что изначально их в убежище не было). Маг не забыл и тигра: перед началом чаепития Рилль был трактован сотворенным, внушительных статей куском оленьего мяса. Вирр кивнула Риллю – *можно!* - и зверь как бы нехотя отведал угощение, всей своей мордой демонстрируя недоверие к мясу, появляющемуся из воздуха, а не добытому лично им или его Охотницей; и - отчасти снисходительное тигриное одобрение.

Вирр приняла чашку с чаем(22) – тонкого зеленоватого стекла, оплетенного накладным золотым узором в старом кель'дорайском стиле «листья и травы», переходящим в удобную ручку; в сумраке убежища (светильников тут было очень мало) стеклянная часть светилась слабым, но вполне заметным зеленым же сиянием.

- Их перестали делать полторы тысячи лет назад, - маг пригубил чай и поставил чашку рядом с чашкой девочки. – Ториумные рудники в Кель'Таласе истощились, а без *лучистого* камня такое стекло естественным, немагическим образом создать невозможно. Но магия дала слишком много возможностей, и немало мастеров, сменив инструменты на волшебство и соревнуясь друг с другом фантазией, очень быстро растеряли чувство меры...

- Я думала, что больше таких не увижу. – позабыв о чае, Вирр коснулась золотого переплета.

- Признаюсь, удивлен, что ты уже успела подобное где-то увидеть. Впрочем, рассуждая последовательно, у дочери одного из лучших археологов Королевского Реликвария возможностей больше, чем у иных маланорэ.

Вирр улыбнулась и покачала головой:

- Вы не угадали, *шан'дор*(23) . Моя *пара*(24) пригласила меня в свой дом – я видела у них три бокала такой работы.

Отшельник улыбнулся в ответ и спросил – с прищуром:

- А что, дети семьи Парящих-с-Ветром по-прежнему любят дразнить сверстников искусством... - он сделал нарочитую паузу, - старых мастеров?

И подмигнул.

Вирр, чтобы скрыть смущение, уделила внимание остывающему чаю.

- Сударь, вы что же - знаете всех син'дорай в Азероте?

- Если ты проживешь с мое, - неожиданно серьезно ответил маг, - ты тоже будешь

знать очень многих. А еще больше – помнить. О, прости, с моей стороны забыть о чем-то к чаю было неподобающе...

На столе рядом с чаем образовалась коробочка с полупрозрачными кубиками... ну, наверное, сладостей.

Некоторое время, отдавая должное чаю и прочему, они молчали. Потом маг, убедившись, что гости насытились (Вирр поблагодарила, а Рилль значительно поглядывал на мага, наводя на мысль, что *неправильное мясо* он не распробовал и его требуется *повторить*), продолжил начатые на поверхности расспросы.

- Ты сказала, что сбежала из дома не ради подвигов. Но вряд ли ты собралась на вечеринку в Легкий Ветерок...

- А вдруг? – проснулся у Вирр дух противоречия.

- Не спорю, - кивнул Отшельник, - есть девушки, способные не только сбежать от строгих родителей, но и бросить вызов многому, и преодолеть немало - ради того, чтобы повеселиться на празднике; но я еще не слышал, чтобы кто-то ради танцев с угощениями рискнул пройти через Старый Город. Что возвращает нас к исходному – ты уверена, что тебе действительно надо туда, куда ты собралась?

- Надо, – выдохнула Вирр.

Маг посмотрел на нее в упор, как бы разглядывая нечто, на беглый взгляд незаметное, потом медленно кивнул.

- *Ану'тори*(25) ... - произнес он нараспев, точно пробуя слово на вкус. – Мстить будешь всей Плети, до безрассудного дитя Менетиллов(26) включительно? Тогда поторопись – а не то, боюсь, человеческое упрямство и врожденная склонность действовать прежде, чем думать, неизбежно погубит мальчика куда раньше, чем все мстители Азерота.

- Да как вы ... можете так о НЕМ говорить?! – Вирр вспыхнула, как праздничная петарда, лишь в последнее мгновение удержавшись от слов, непозволительных и немислимых в отношении шан'дор, кем бы он ни был. – Вы... оправдываете его?!

Рилль вскочил, почуяв ярость своей Охотницы; Вирр успокоила его торопливым жестом.

- Я никогда никого не оправдывал. И уже очень давно никого не осуждаю, – Маг точно не заметил ни дерзости Вирр, ни тигриной боеготовности; он говорил тихо и спокойно, разве что немного печально – или, быть может, устало? – Это вам он кажется тем злом, страшнее которого не было и не будет. Были до него потрясатели Мира, будут и после.

- Кому это – нам? – с некоторой обидой и недоумением спросила девочка, но собеседник как будто не заметил ее последних слов. Его взгляд затуманился, он чуть повернулся голову, словно к чему-то прислушиваясь.

- До рассвета уже не так далеко, - сказал маг пару-тройку мгновений спустя, - и коль скоро ты все решила бесповоротно, полагаю, не стоит тебя задерживать излишне. Непосредственно сейчас мне нужно сделать нечто необходимое – дело, которое, к моему сожалению, я не могу отложить. Но это не займет много времени. А после я немедля провожу тебя к выходу из Старого Города – к Восходным Вратам. Мне это только кажется, или ты и правда этому не рада?

Вирр была скорее удивлена.

- Отчего вы помогаете мне, шан'дор? Раз вы считаете мое намерение...

- Я? Помогаю тебе? – удивление Мага было *таким* искренним, что девочка заподозрила его, ко всему прочему, в пристрастии к игре на театре. В молодости. – Я всего лишь не препятствую, да и отчего бы? Ты сама приняла решение, сама выбираешь свою судьбу. Кто я, по-твоему, такой, чтобы мешать тебе или, напротив, делать все это за

тебя?

Не найдя достойного ответа, Вирр поинтересовалась более насущным:

- Нам остаться здесь?

- Ты можешь сопровождать меня. Так даже лучше – мне не придется за тобой возвращаться. Но обещай: что бы ты ни видела - ты останешься спокойной и ничего не будешь предпринимать - как и твой полосатый друг. Никакой враждебности; никаких резких движений, внезапных рыков, прыжков и скачков – с вашей стороны. Говорить со мной можно, но тихо. Ты хорошо меня поняла?

Вирр кивнула.

- Как бы тебя ни поразило увиденное, помни, девочка: со мной вам ничто не угрожает.

- Да, шан'дор, – девочка решила, что если вновь ограничится кивком, наставлениям не будет конца.

- Разумеется, - не преминул добавить маг, собирая со стола кристаллы – судя по сиянию, заряженные – и пряча их под плащ, - если только ты будешь следовать моим указаниям.

- Да, шан'дор... - вздохнула Вирр.

* * *

Едва все трое оказались снаружи, Отшельник внимательно оглядевшись и сказав: «От меня ни на шаг», вновь обратился к кулинарной магии. Под удивленными взглядами Вирр и Рилля маг прямо на земле наскоро сотворил еду, простую – фрукты, хлеб и несколько походных емкостей с питьевой водой – но в количестве, явно предназначенном не для одного или двух, а куда побольше (дивилась, скорее Вирр, а Рилль смотрел с явным осуждением: среди созданных «яств» не было ни кусочка мяса). Затем маг, а за ним и Охотница с тигром, отошли в сторону - шагов на шесть-семь.

- Теперь мы ждем, - сказал Отшельник, достав из складок одежд взятые в убежище кристаллы. – Как я сказал – это недолго.

Вирр так и не узнала, какой именно срок подразумевал почтенный шан'дор под словом «недолго»: те, для кого маг приготовил незамысловатое угощение и невероятно роскошные - по нынешним временам - магические дары, вероятно понимали это как «прямо сейчас и сразу» - шорох осыпающегося каменного мусора послышался, едва Отшельник замолчал. Гостей было и впрямь больше одного, и прибывали они с разных сторон. Помня прямые наказания мага, девочка, положив на всякий случай ладонь на спину Рилля, *осторожно* повернула голову в одном из направлений – и чуть не ахнула. Потом быстро огляделась – слева двое, справа трое, а, нет, спереди еще один! – на пикник, устроенный Отшельником собрались *шесть* Презренных и довольными или сытыми они не выглядели.

Вирр тут же приняла твердое и окончательное решение: беспокоя просьбами Белоре, в своих тайных молениях сердца быть чуточку осмотрительней – для Короля-Лича трапеза была явно скромновата.

Все шестеро гостей, на взгляд Охотницы, казались неотличимыми от виденного ранее мертвого Презренного – спутанные волосы, почти скрывающие лица; сероватая кожа – и между собой различались разве что остатками одежды. Твари передвигались странно, непривычно – то медленно, сильно сутулясь, как бы не шагая, а подтягивая за собой ноги; то вдруг быстро, почти стремительно, перебегая на короткие расстояния, при этом

зачастую опираясь и на руки. Вирр не могла понять, что заставляло ее ощущать страх больше: явная угроза, исходящая от них - или осознание, во что может превратиться некогда разумное существо. Мелькнула мысль, внезапная догадка: не только из-за страха стать такими же их изгоняли Правитель и члены Совета; не из-за страха их убивали в первые годы; и запрещалось гражданам обсуждать подобное даже шепотом уж никак не ради сохранения лица перед послами союзных народов – как верно Варлоки говорят – *«демона в храме не утаишь»*. Девочка смотрела на тех, кто некогда были Высшими, *благословенными Солнцем*, и почти наяву слышала мысли син'дорай, впервые увидевших, во что обратились их друзья, соседи, родные и с обреченной решимостью осознавших – *никто из Младших народов не должен это увидеть*

Презренные собрались у приготовленной для них пищи, но, казалось, не замечали ее, молча глядя на мага – только на него, точно ни Вирр, ни Рилля для них не существовало; одни стояли, наклонившись и безвольно опустив покачивающиеся руки (казалось, их колышет ветер); другие присели, упирая исцарапанные пальцы в каменную крошку.

Отшельник поднял перед собой руку с кристаллами в горсти – наполненные магической силой самоцветы взлетели из его ладони и, разойдясь в воздухе мерцающим веером, скользнули к безумным эльфам – по одному к каждому - в жадно протянутые руки.

- Отчего я ушел из Города, ты отчасти уже знаешь, – негромко сказал маг, чуть повернув голову к Вирр. – Но любому поступку есть немало причин. Вот тебе еще одна – я был не согласен с такими мерами противодействия Недугу. Мало того, что поступать так со своими собратьями недостойно; но на сей раз все куда хуже, чем недостойно – это просто бессмысленно. Недуг не передается от эльфа к эльфу, это же не Северная чума или лихорадка джунглей Тернистой. И со временем может пройти. Одна из бед первых дней Катастрофы для кель'дорай была в том, что ментальная магия с легкостью исцеляет безумие, насланное той же магией; но долго... очень долго мы не знали болезней разума, порождаемых слишком сильным страданием.

- Вы были целителем? – шепотом спросила Вирр, наблюдая, как Презренные выпивают силу из кристаллов, при этом злобно косясь друг на друга.

- Кем я только не был, - маг смотрел на Презренных; насытив свой магический Голод, те, наконец-то вспомнили про обыденную еду.

- Идем, - сказал Отшельник, отрывая взгляд от жадного, торопливого пиршества. – Они обойдутся и без нас.

* * *

Когда они удалились от развалин Академии – достаточно, чтобы шум, крики и резкие взвизги Презренных были уже не слышны, Вирр рискнула прерывать размышления мага – с того момента, как они втроем покинули место кормления, Отшельник не проронил ни слова; девочка боялась, что они дойдут до Ворот раньше, чем она успеет задать все родившиеся у нее вопросы.

- Шан'дор, вы позволите... - тихо позвала его Вирр.

- Спрашивай, – коротко разрешил маг.

- А что случилось с тем, которого мы с Риллем нашли?

- Все время, пока не спят, они роются в руинах - ищут безделушки, светильники, устройства - любые предметы, в которых еще осталось хоть бы капля прежнего магического заряда. Иногда они что-то находят. Крупницы от былого, но... Если на тот

момент рядом окажется еще один, вдвоем они могут находку не поделить. Я стараюсь заботиться о них, даю им пищу всех трех форм, достаточно, чтобы у них не было повода охотиться друг на друга. Но иногда подобное все же случается.

- И вы не вмешиваетесь?

- Я печалюсь о судьбе каждого из братьев. Но *свою* судьбу они способны выбирать сами – даже сейчас.

- Но ведь они умирают. Раз вы жалеете их...

Маг покачал головой.

- Все рождаются. Все умирают – пусть и каждый в свой срок. И все рождаются снова. Даже будь я Титаном предначальных времен, я не смогу это изменить.

Он молчал шагов, быть может, десять, а потом добавил:

- Если уж не всегда получается изменить даже то, что изменить возможно...

- Вы об изгнании През... больных? Отчего же вы не объяснили...

- Я пытался. Да и скажи на милость, что надо было объяснять? Причина Недуга вполне определена давно, и всем известна – всем, не только целителям. Я пробовал убеждать... - маг замолчал.

- И ваш Ученик к вам не прислушался? – осторожно спросила Вирр.

- И не только в этом. И не только он один. Почти все, кто могут что-то решать, сочли, что так проще. И удобнее.

- И вы ушли?

- И я ушел. Видишь ли, иногда мне начинает казаться, что где бы я ни жил, меня всегда окружают исключительно безумцы...- он искоса глянул на девочку, - не говоря, конечно, об отважных, сообразительных, но недоучившихся маланорэ. В этот раз я всего лишь сменил одних безумцев на других. Но, по крайней мере, *эти* мне куда менее отвратительны.

До самого конца пути они молчали.

* * *

Чем ближе к бывшим Главным Воротам, тем меньше было уцелевших зданий: именно здесь защитники попытались остановить прорвавшуюся в город Плеть в первый и последний раз. Теперь Ворота уже ничто не загромождало; их обломки Вирр уже видела – но только снаружи, со стороны окружающего Город леса, во время классовых практик и школьных экскурсий. Вероятно, девочка была одной из очень немногих син'дорай, и, несомненно, единственной среди своих сверстников (и как бы не всех маланорэ), кто видел Ворота со всех двух сторон.

Понимая, что они вот-вот расстанутся, Вирр торопливо вспоминала, что еще хотела бы сказать Отшельнику и о чем забыла спросить. Но все казалось или глупым, или уже несвоевременным; в голове царил, что называется, Внешний Хаос.

- И все-таки, шан'дор, со всем уважением к вам, но скажу – вы напрасно покинули Город, – девочка решила хоть напоследок вспомнить о приличествующем юной син'дорай отчизнолюбии, - Именно сейчас вы, с вашим опытом, как никто другой могли бы очень помочь Королевству!

Маг криво усмехнулся и пробормотал что-то, на языке, вроде и непонятном Вирр, но смутно ей знакомом.

- Судя по всему, там, – он кивнул в сторону Нового Города, переходя на внятный талассийский, - неплохо справляются и без меня. И это неудивительно - всегда есть кому

печалиться о судьбах королевств. Ты, верно, не поверишь, сколь много и как скоро находятся желающие в этих судьбах поучаствовать.

У самих Ворот Маг остановился, ясно давая понять, что расставаться они будут именно здесь. Вирр, неожиданно для себя испытала некоторое огорчение – она ничуть не собиралась отступить, но беседовать с Отшельником было крайне познавательно.

- В ближайший час, - сказал маг, - здесь и поодаль не будет ни одного патруля. Если не станешь мешкать, то еще через час - или около того - окажешься в окрестностях Легкого Ветерка. Поселение хорошо охраняется Стражей, но если тебя заметят – не пытайся сбежать, иди уверенно: ты – просто Ученица местной Школы, торопись на заре исполнить полученное вечером задание. Хотя помни: не исключено, что что среди стражников окажется кто-то из этих мест, хорошо знающий своих соседей. Посему – лучше просто будь внимательна.

Вирр кивнула.

- Выбирать путь тебе, но я бы советовал держаться подалеже от старого причала – там сейчас небезопасно...

- Так слухи верны? – не выдержала Вирр.

- Они и половины не описывают. То же скажу о Выжженной Роце – не сомневаюсь, что вы, в конце концов ее пройдете, но это потребует много сил, и, что для тебя более важно – времени.

Дождавшись очередного кивка Вирр (та решила больше помалкивать, чтобы перед расставанием не испортить о себе впечатление), маг продолжал:

- Надеюсь, что ты и сама понимаешь, что тебе лучше даже не пробовать пробираться в Призрачные земли вплотную к Восходным предгорьям – тебя и так очень скоро найдется, кому ловить; требовать внимания еще и бродячих банд троллей с твоей стороны будет, вежливо говоря, избыточной нескромностью...

- Так значит, вы и так знали, куда я иду?!

Маг снова, как при встрече, закатил глаза:

- Виеринраэ из семьи Солнечных Бликов, *прошу, не разочаровывай меня!* – оказалось, голос Отшельника, даже не повышаясь, мог пробирать не хуже, чем у Стражей-големов; даже Рилль, против обыкновения, не зарычал, а попробовал ужаться до давно позабытых размеров. - Чтобы понять куда ты идешь, не нужно читать твои мысли; не потребен ни опыт, ни навык дознавателя - мне всего лишь нужно было тебя слушать, а тебе – побольше говорить. Ты сама упомянула, что учишься с младшей из Парящих-с-Ветром, значит ты – как и вся ваша группа - были в Призрачных, в те дни, когда Плеть оказалась там, где ее не ждали и сломала оборону. Определенно, что-то там случилось - помимо общеизвестного - с тобой или с кем-то, тебе безразличным. И яснее вод Источника, что это *что-то* – нечто особенное, иначе бы ты - ненавидя Плеть, желая сражаться за свой народ, или просто отводя душу за испытанный страх, не суть! – ты бы всего-навсего дождалась своего совершеннолетия и вступила бы в Следопыты. Или попросилась бы в гарнизон Транквилла. Но тебе очень, очень нужно успеть исполнить то, что ты задумала *именно до Церемонии Возраста* – и догадаться об этом, конечно, столь же невероятно сложно, как и заметить пик Черной Годы без магии Острога Взгляда! Помни об этом по пути к своей цели, и поменьше... - он помолчал, явно выбирая слова помягче, – ...*говори* с теми, кого встретишь. Ты *все* поняла?

Вирр, споря цветом с запредельскими демонами, не нашла в себе силы даже кивнуть. Но Отшельнику было достаточно и ее молчания.

- Итак, касательно Призрачных... - ровным тоном продолжил он.

Точно лекцию в Академии читал.

Примечание к части

(22) Подразумевается, конечно, не привычный читателю Earl Grey, не пуэр с улуном, и, тем более, не "чай-со-слоном"; в данном случае это просто травяной отвар, загадочного для нас состава. Да – кровопийка в него, скорее всего, не входит.

(23) Shan'dor – «Уважаемый учитель» (талассийск.); обычно – обращение к Учителю или наставнику, но в данном случае использовано в значении «Старший» - обращение со знаком уважения и признания превосходства в возрасте, опыте и знаниях;

(24) «моя пара» - тот или та, с кем ученик чаще всего отрабатывает упражнения и задания, требующие сотрудничества, но недостаточно сложные для большой группы; наиболее близкая для читателей по смыслу аналогия – «соседка по парте»;

(25) Aпу'Thorig – возмездие, месть (талассийск.); месть в процессе свершения (но еще не завершённая)

(26) Т.е. до Артаса, Короля-Лича

«До реки напрямик.»

План, подсказанный таинственным магом и его советы Вирр соблюдала, сколько могла. На рассвете Легкий Ветерок благополучно остался позади: патрули, оберегающие поселение от возможной одиночной нежити, она обошла (они с Риллем, как-никак, были умнее нежити) и даже умудрилась не потревожить ни одного прыголапа. Последним она гордилась куда больше; да и кто бы не гордился?

* * *

История с прыголапами(27) была уже давняя, но неизменно потрясала воображение Учеников самых младших ступеней и вызывала невольные улыбки Учеников постарше, несмотря на то, что и те, и другие давно потеряли счет, сколько именно раз они ее слышали и пересказывали. Местные же наставники при слове «прыголап» невольно кривились; многим из Столицы за тот случай крепко *прилетело*. Начало было совершенно безынтрижным и где-то даже обыденным: кто-то из Учеников не закрыл должным образом клетку с детенышами в зверинце при Школе Охотников. Котята, предназначенные для обучения младших Учеников навыкам Приручения, недолго думали и к утренним занятиям были уже где угодно, только не в школьном виварии. На этом все бы и закончилось, и происшествие не вошло бы в ученические изустные сборники удачных шалостей (и не вызывало бы неприятные воспоминания Учителей), если бы о нем не пришлось вспомнить уже менее чем через год.

Первую пищу слухам дали жители Легкого Ветерка: из кладовок стали пропадать колбасы, окорока и прочие съедобности мясного рода; подобное случалось и раньше, но тогда мародерствующее лесное зверье хотя бы замечали. На сей раз воришки были не просто неуловимы, но и поразительно удачливы; заподозрили уже двуногих шалунов – поначалу своих и несовершеннолетних, а по мере приближения продовольственной катастрофы в отдельно рассматриваемом поселении – иноземных и вполне взрослых; происходящее в глазах ответственных син'дорай вполне тянуло на изощренную диверсию Альянса.

Версия с враждебными лазутчиками, падкими на местные копчености, продержалась недолго – ровно до случая на вилле семьи Блеск-На-Волне, чьи владения, в силу удаленности от основных мест сражений не пострадали от Плети. Нынешний глава рода, *Высокородный* Салтерил, не служил, не управлял, не воевал и войск не водил, не постигал тайны магии или секреты мироздания, но был слишком родовит и состоятелен, чтобы даже в суровые времена правления Регента именоваться бездельником не за глаза. Его карнавалы, вечеринки и званые застолья, вожделенные для молодежи, не избалованной в послевоенное время развлечениями, были известны как в Кель'Таласе, так и за его пределами. Знатоки городских сплетен утверждали, что Регент попускает подобные разлагающие безобразия лишь по особой просьбе высокопоставленных шала'зарам, находящих эти разнузданные торжества пусть и совершенно неподобающими в трудные времена, но исключительно полезными и удобными. Например, для наблюдения за недовольными. Или для шантажа иноземных посланников с последующим принуждением к сотрудничеству.

Редкие вечера у Салтериала обходились без забавных, шумных, а порой и откровенно скандальных происшествий, но в тот раз источником шума и скандала случился сам жизнелюбивый хозяин. Когда одним, как оказалось, не самым приятным утром Салтерил,

проснувшись и осторожно освободившись от объятий двух составлявших ему на минувшую ночь компанию юных барышень, встал и потянулся к халату, он обнаружил не только халат, но и все остальные сброшенные одежды располосованными на неаккуратные ленточки, а лично его роскошную обувь – предмет зависти и вожделения столичных модников - цитируя его жалобу в Совет, «оскверненной и пришедшей в полную негодность». Ужас, возмущение и горечь по безвозвратно погибшим бесценным облачениям вылились в невообразимый, а описанию и вовсе не поддающийся вопль, не только пробудивший любительниц любовных утех и поведавший всем прочим гостям виллы о трагедии, но и до смерти перепугавший «варваров и осквернителей», как оказалось, все еще не покинувших место преступления и примерявшихся к затейливо запеченным с фруктами дракондорьим крылышкам. Вероятно, это был первый случай в истории магической практики, когда кого-то выбили из невидимости истерическим визгом.

Прыголапами в окрестностях Ветерка никого не удивишь – обитали они там всегда и с удобством. Особой опасности они никогда не представляли – любой, хоть сколько-то обученный Ученик любого Класса, даже самой первой ступени легко мог защитить себя, не говоря уже о опытном взрослом. Однако внезапное и необъяснимое обретение кистеухими лесными котами способности к долговременной и практически совершенной невидимости было новостью, вызвавшей, обращаясь к древней классике, *изрядное сфер потрясение*, ибо обещало значительно более тяжелые последствия, чем угроза окрестным кладовкам, гардеробам и лично тапочкам Высокородного Салтерила; и, по мнению столичных властей, куда более походило на враждебную диверсию. Неудивительно, что дознавателей в Ветерок отправили немедля - на жалобе пострадавшего чернила просохнуть не успели.

С побега рысят из вивария прошел без малого год, и следствие шло, как говорят Следопыты, *по замытым следам*, но дознаватели старались как могли. То, что Городской Совет не ограничивал их ни в средствах, ни в поддержке - помогало; ежедневно растущее нетерпение членов Совета – подстегивало; а *личный* присмотр за ходом дела самого Регента (с семьей Салтерила он ссориться полагал более чем преждевременным) – мотивировал лучше любых возможных поощрений.

Исторической правды ради стоит заметить – все эти полезные и эффективные для следствия обстоятельства в немалой степени уравнивались стараниями самого Высокородного Салтерила, возжаждавшего активного соучастия и раздававшего личные указания на местах. Сдержанности знатока Веселых Наук хватило лишь на обращение в Городской Совет, и с дознавателями он уже себя ни в чем не стеснял, откровенно потеряв лицо (из допустимых в обществе и приличествующих положению слов в его речах были разве что: «Какого...», «Что за...» и «Доколе?!»), вызывая у старшего из расследующих жгучее, но, увы, неисполнимое желание записать высокогородного любителя развлечений в резиденты альянсовской разведки и плавно подвести к допросу шестой степени, минуя все предшествующие.

Несмотря на все препоны, выяснить удалось немало. В том числе и то, что за свои способности (включавшие в себя не только сокрытие от глаз, но и неестественно высокую плодовитость и скорость роста) лесные хищники должны благодарить не простофилю, позабывшего как замки закрывают, а некоего другого Ученика, так и оставшегося неизвестным, которому было место – по мнению дознавателей, преподавателей, жителей Ветерка и большинства членов Совета - явно не в Школе, а в карцере дальней заставы Внутренних земель (сам же Высокородный Салтерил настаивал на возвращении смертной казни(28)). Это если судить по последствиям

содеянного. А если по сложности поставленной задачи (не говоря об удачном исполнении), то таинственного «наглеца» следовало с позором выгнать из Школы Охотников и, с почетом приняв в Школу Магов, с нетерпением ожидать на факультете Изысканий Аркана в Даларанской Академии у расстеленной парадной ковровой дорожки.

Не найдя виноватого, власти перешли к борьбе с последствиями. Маги изыскивали способы держать лихих рысей подальше от поселений; несовершеннолетним или не обладающим навыками Охотников и Следопытов было предписано ходить в окрестные леса не менее, чем по двое; чтобы хоть как-то удержать численность незримого лесного агрессора, за шкурки прыголапов неизменно выплачивалась награда (взрослым, конечно; Ученикам полагались словесные поощрения, нарядный томик поучений Регента и прочие *полезные в учебе* подарки). А куртки и штаны из рысьих шкурок надолго вошли в местную моду.

* * *

Согласно наставлениям, Вирр надлежало выйти к Тропе Мертвых со стороны Ветерка (но не доходя до поселковых застав Следопытов!), терпеливо дожидаться подходящего момента – то есть довольно длительного промежутка между волнами нежити; перейти на восходную от Тропы сторону (путевая примета – заброшенное, так и не восстановленное святилище) и по узкой кромке между дорогой мертвецов и лесом быстро, без остановок (это маг подчеркнул особо) и напрямик дойти до реки Элрендар, и хорошо бы до середины дня. Отшельник справедливо полагал, что даже если отвечающие за удачу боги и богини всех известных и неописанных народов решат приглядывать за девочкой (в чем он лично *очень* сомневался, опираясь на личный опыт и именуя всех богов «еще теми растяпами, похуже иных Учеников»), то обеспечить большее промедление ее матушки, а затем и Стражи они, эти боги и богини, не смогут даже вскладчину. По той же причине переходить реку по мосту маг тоже не советовал – в своей обычной, мягкой и ненастойчивой манере («Ты же не настолько наивна, полагая, что там тебя пропустят и не задержат до разъяснения?»). Не только возле моста, но и на всем протяжении – там, где она служит границей между Лесами и Призрачными - река спокойна и неглубока, и переплыть ее несложно. И вот тут, выбирая место переправы, уже стоило забирать немного к восходу – чтобы стража на мосту не углядела.

Как ни удивительно, немалую часть своего времени вне города Охотник проводит в засаде или скрывается от таковой (если, конечно, не бегает по лесам и зарослям). «В засаде» звучит гордо, завораживающе и всех заинтересованных или невольных слушателей сразу наводит на мысль о всяческих приключениях и о чем-то таком героическом. А вот кому-нибудь скажи - «сидит в кустах» («в яме», «в грязи», «в болоте» – выбрать в соответствии) - и впечатление будет *совсем* иным. Хотя и куда более точным.

Вирр (сосредоточенная) и Рилль (недовольный) уже полтора часа сидели в засаде у Реки – в довольно грязной яме от вывернутого дерева, поросшей кустарником (болота рядом не случилось). Недовольство тигра объяснялось просто – он очень не любил лежать неподвижно, когда ему этого не хотелось (разумеется, если обстоятельства требовали мчаться со всех лап, желание завалиться на бок – желательно плотно перед тем закусив – тут же проявляло себя во всей своей притягательности; что бы об этом ни говорили эльфы, далекие от ремесла Охотников, в подобном поведении не было никакой потаенной мистической причины, астральной зависимости или влияния линий леи(29):

просто все коты делают так). Вирр же было не до недовольств, своих или тигриных – она, чуть подрагивая наостренными ушками, внимательно вслушивалась и старалась понять, *отцеживая* совершенно лишние шелест листвы за спиной и шепот речки впереди: нет ли погони сзади или кого-то (вернее, с учетом особенностей Призрачных земель, чего-то) впереди, с голодным восторгом ожидающего беглецов. Вероятность последнего была мала – в Школе учили, что нежить *стараются* близкой воды избегать, но как любил повторять обожаемый учениками Полтораух, *всё когда-нибудь случается в первый раз, и это всё - не всегда приятное.*

По всему выходило, что поблизости - помимо одной безрассудной син'дорай и одного несвойственного местным лесам кота – никого не наблюдалось и не слышалось. Либо вероятные враги лучше умели прятаться, чем Охотница – их находить. Но тут уж ничего не поделаешь - продолжать *засидку* дольше было и бессмысленно, и откровенно опасно. Или рискуй и перебирайся на тот берег - или возвращайся и сдавайся патрулям. Вирр тронула Рилля, привлекая его внимание; тот, прекратив приноживаться, посмотрел на девочку и, чуть мотнув мордой, тихим фырком подтвердил – никого, достойного внимания (то есть, кого можно съесть, или кто сам может съесть). Вирр кивнула и стала быстро и тихо раздеваться; если обстоятельства благоволят, лучше не бегать в мокрой одежде по лесу, тем более, Призрачному. А на привалы с костром и сушкой возможности может и не быть. Вирр закрутила волосы на затылке, затем сложила поясные сумочки в рюкзак, отпустила лямки и надела его на спину бесконечно печальному, страдающему от роли вьючного кодо(30) Риллю, как следует затянув. Умяла одежду в комок, перетянула рукавами; под рукава просунула тул. Потом взяла узел в руку, свободными пальцами перехватила лук с оставленной стрелой, приноровилась – удобно ли (придется все время плыть, держа груз высоко) - и пошла к воде, слыша сзади привычно-ободряющее, с нотками недовольства сопение – тихое, с кошачьей тщательностью выверенное; чтобы только Спутница и слышала. Дно понижалось быстро; зайдя в воду по пояс, Вирр по привычке обернулась. Рилль осторожно трогал лапой воду – больше для позерства и самоуважения ради; плавать и плескаться он любил, что выяснилось еще в первые годы, когда он залез в ванну к юной Вирр, вызывая у нее восторженный смех, у отца Вирр удивленно поднятые брови, а у почтенной Кориаль неизменное «что скажут соседи». Тигр поймал Вирркин взгляд (она скорчила нетерпеливую гримаску) и, смирив обыкновение плюхаться с прыжком и брызгами, аккуратно, почти бесшумно, вошел в воду.

* * *

Вирр было трудно смотреть вверх, да и выпускать берег из виду было небезопасно, но соблазн все же был: казалось, что свет в глазах тускнеет, точно кто-то медленно, но неумолимо гасил небесное светило. Чем ближе к берегу, тем труднее было убедить себя, что все еще день.

Раньше Вирр всегда любила ночь. Это полагалось не то чтобы запретным или неприличным; скорее, молчаливо не одобрялось среди кель'дорай и, чуть позже, среди не отказавшихся от солнечной веры син'дорай (но, разумеется, считалось не переменным, прямо-таки обязательным среди большинства Учеников – кроме, разве что, чересчур смирных и послушных). Но теперь, своими глазами увидев эту, известную ей ранее лишь по школьным урокам мгновенную смену полдня на поздние сумерки, она невольно вздрогнула.

Точной причины явления не знали до сих пор. Лишь предполагали, что источником ему служит главный оплот Плети на закатном полудне Призрачных Лесов - бывшие закрытые лаборатории. Ведь затемнение началось не сразу, а спустя немногим меньше года; именно тогда поползли слухи, впоследствии подтвердившиеся, что *предавший* выжил и создал там, в Десхольме, неприступное убежище. Происходящее в нем оставалось тайной – в попытках ее раскрыть расстались с жизнью многие Следопыты. Поговаривали, что шала'зарам вместе с лидерами армий уже не первый год сочиняют планы, готовя дерзкий налет на эту цитадель нежити; но чего только о тайной службе не рассказывают?

На берегу от ветерка мокрому телу было зябко, точно и правда был не летний день, а ночь, и при том осенняя; но одеваться девочка не торопилась, а снова ждала и вслушивалась – Рилль понимающе замер на отмели, стараясь не тревожить воду – ловя любые звуки, кроме речных и лесных. И только потом медленно прошла по песку на траву, бледную, выцветшую, точно ненастоящую, но, тем не менее, определенно живую и колышущуюся, вперемешку с засохшей прошлогодней. Пожалуй, именно эти сухие стебли красноречивей Затемнения говорили о торжестве врага в этих землях, где до Вторжения - как и повсюду в Кель'Таласе - силой магов-син'дорай тысячи лет царила нескончаемая весна.

Рилль выбрался из речки и торопливо отряхнулся. У него с Вирр был давний уговор: делать это *до того*, как Вирр начнет вытираться – или просто подождать, пока она отойдет подальше.

Последние звуки разлетающихся брызг и сочного тигриного чихания слились с тихим мягким звуком рассекаемого воздуха слева от Вирр. Она тут же отбросила узел с одеждой и развернулась, наложив стрелу и натягивая тетиву. Крупный, не менее шести локтей от кончика до кончика крыльев зверь быстро скользил от края леса, торопясь вцепиться в показавшуюся ему беззащитной жертву до того, как подоспеет его извечный, пусть и странного, непривычного вида и окраса соперник в этих лесах – большой клыкастый кот.

«Привыкни так: сперва стреляй, а трусь уже потом...»

Яростный визг (хорошо, хоть предсмертный и неприцельный) упавшего хищного летуна, вероятно, был услышан и в Транквилле, и в Десхольме, и как бы не в самом Элунаране, но выхода не было: даже обычный нетопырь этих земель, еще тринадцать лет назад именовавшихся Чернолесьем, запросто сбивал с налета взрослого мужчину-син'дорай, а при удаче - и неприятно ранил. Искаженный же чарами Плети до неприличных размеров крылатый хищник вполне мог сломать шею легкой в кости Вирр и, возможно, нашел бы силы унести добычу с собой. Окажись тигр поближе - сбил бы нетопыря в прыжке, тот бы и не пискнул, но Рилль никак не успевал; да и притороченный рюкзак легкости прыжков не способствовал. Охотница быстро достала из тула еще две стрелы и с первой же быстро добила неохотно помирающее порождение Чумы.

И выдохнула.

Хорошо еще, что нетопырь не *кричал* – чуял, что две цели зараз ему не поразить и понадеялся на внезапность и бесшумность, решив ограничиться одной Вирр. Она почувствовала мокрую шерсть у живота - подошедший тигр виновато ткнулся мордой, переживая: уже второй раз за день он оказался не у дел, и, по его мнения, откровенно не на высоте.

- Ну ладно тебе... - Вирр присела на корточки и свободной рукой (лук с зажатой стрелой она не выпустила) обняла Рилля. – Ну подумаешь, ну решил он, дурак летучий, что я симпатичнее. Что бы он в котках понимал! Привык к своим местным рысям...

Тигр как бы недоверчиво поднял голову.

- Да, - кивнула девочка, - ты у меня молодец. И хороший кот. Мы еще найдем с кем подраться. Кто следующий – тот твой, да. Вот честно!

Рилль смущенно рыкнул.

- Слушай, я все-таки оденусь, ладно? – она потянулась к брошенному узелку. – Тебе то хорошо, а у меня мех только на голове и всему остальному, сам понимаешь, холодновато.

Вытираясь и растирая тело запасной рубашкой, Вирр невольно улыбнулась, вспоминая смешную историю, рассказанную Учителем в походе у костра. В юности Полтораху, начинавшего Следопытом, случилось выслеживать объявившуюся в окрестностях руин Зул'Амана шайку зель'анорэ(31) совместно с егерями Лордерона. Выследив и истребив бродячую банду, Следопыты и егеря остановились лагерем у реки и свободные от дозора не удержались от соблазна – лето было исключительно жарким. Вскоре охранение подняло тревогу (как выяснилось, банда была истреблена не полностью), и купальщики выбрались на берег, торопясь под доносящиеся боевые крики разбойников племени Амани и звуки рога дозорных присоединиться к сражению на краю леса. В том бою Учитель чуть не получил первую в своей жизни по-настоящему серьезную рану – то, что большинство купавшихся поодаль от кель'дорай хум'аноре первым делом схватились не за оружие, как эльфы, а *за свои штаны*, показалось ему настолько смешным, что он не переставал хихикать даже во время схватки. Как оказалось, и спустя многие годы эта история не потеряла ни остроты, ни злободневности – смех Учеников не стихал до утра, то замирая, то вспыхивая вновь, порой препятствуя рассказу прочих историй и традиционных охотничьих «однажды в лесу...»; девочки делали смелые предположения о причинах такой стеснительности короткоживущих перед соратниками и противниками, а мальчики недоумевали - как при таких странных обычаях хум'аноре не пали перед врагами еще до основания Семи Королевств или даже раньше. Конечно, у всех народов свои странности, подумала Вирр, да и наши традиции не все, скажем мягко, удобны, но у некоторых племен они еще и поразительно смешные.

Припомнив упражнения «поднимись и снаряжись на время», Вирр торопливо оделась, прицепила сумочки и, к плохому скрываемому счастью Рилля, освободила его от рюкзака. Воспрянув духом, тигр стал присматриваться к поверженному крылану, но девочка сказала: «*Не трогай*» - крылья привычных нетопырей были, если приготовить с умением, весьма хороши; но, как говорил школьный наставник по Алхимии, кровь любого искаженного злой магией зверя была хорошо если просто ядовита. Последствия случались *очень* разные.

- Я готова, - прошептала Вирр, скорее самой себе, чем Риллю. – Теперь совсем немного.

Примечание к части

(27) Местные рыси, эндемики Лесов Вечной Песни

(28) После Катастрофы Регент отменил смертную казнь для син'дорай; преступивших отправляли на кордоны, сдерживающие Плеть.

(29) Линии леи — незримые энергетические потоки Азерота, силовые линии, переносящие магию. Считается, что они находятся под поверхностью земли. Линии леи расположены по всему миру, переплетаются между собой в сложную сеть и варьируются по мощности. Узлы линий леи обладают большим магическим потенциалом, часто проявляющем себя в сверхъестественных явлениях.

(30) Kodo - Крупное парнокопытное, используемое в Азероте для верховой езды и перевозки грузов (в основном на Западном Континенте). Одомашнены тауринами.

(Подробнее - <http://wowwiki.wikia.com/wiki/Kodo>)

(31) Zel'anore – тролли (таласийск.)

«Те, кто остались.»

Воплощение державы – Элунаран, Столица Высших.

Остров Кель'Данас – оплот их магической силы.

Так было, и так будет, кто бы ни бросил вызов народу, благословленному Солнцем.

А Чернолесье, Леса Полудня – его история и память.

Книги, знакомые всем Ученикам, гласят: семь тысяч восемьсот тридцать три года назад к закату берегу Восходного континента(32) пристали корабли первых кель'дорай. Не изгнанников, как лживо именуют их искаженные летописи Ночных – а основателей государства, талантливых и умелых зачинателей величайших Школ Магии, без страха перед будущим отвергнувших косное и примитивное учение друидов Ночи. Величайший среди Высших, Дат'Ремар первым ступил на обретенные земли, до той поры еще безымянные; ведь каждому известно - лишь старшие народы дают всему имена. Первый *истинный* маг Азерота, сломавший свой посох друида и показавший верный путь всем ищущим Знания; отрешившись от предавшей его родни и принявший новое родовое имя – Солнечный Скиталец; без сожаления оставивший за океаном лжеучение добровольно избравших невежество жалких кал'дорай; он обещал своему юному народу, детям Белоре, силу, славу, величие и вечность.

И слово свое он сдержал – хоть это и оказалось непросто.

Новые земли оказались захвачены дикими племенами – жестокими, жадными и коварными троллями Зул'Амана. Подобно неразумным лесным зверям, они были крепки и сильны; были многочисленны, превосходя Основателей числом более чем десятикратно; и в довершении к тому обладали врожденным свойством легко восстанавливать пораженную плоть и даже возвращать утерянные части – что роднило их с низшими из неразумных. Летописи кель'дорай признают – не было у Высших до тех дней опаснее и страшнее врага, чем зеленокожие орды лесов Чернолесья. Потребовались долгие годы, немало горьких поражений и тяжелых потерь, прежде чем кровожадные варвары были оттеснены к горам, разбиты и большей частью истреблены, а их кровавые капища повержены. На долгий, даже по меркам долгоживущих, срок – на четыре тысячи лет – в лесах Кель'Таласа воцарился мир.

Каждый син'дорай теперь знает: не до конца истребленный враг о себе непременно напомнит. Занятые созданием своего королевства, строительством и искусством, погруженные в сокровенные тайны мироздания, отдавая все силы поиску истины и мощи во благо своего народа, Основатели-кель'дорай в доброте своей проявили мягкость, не трудясь преследовать выживших Амани. Сказано на заре времен: доброта не остается без ответа. И отвечать пришлось - но уже не Основателям, а их потомкам во времена Тролльских Войн.

И вновь полыхали леса Чернолесья – спустившиеся с гор тролли проникнуть за Элрэндар не рискнули, справедливо опасаясь магии защитных рунных камней. Снова неисчислимые зеленокожие орды осаждали поселения кель'дорай, не ждавших вероломного вторжения позабытого врага. Угроза нависла над всем Северным Лордероном - в тот год жадные до крови разумных зеленокожие твари грозили не только Королевству Высших, но и племенам хум'аноре, за поразительно короткий срок миновавших дикость и, как тогда казалось, стремившихся к цивилизации и просвещению. Осознавая свой долг Высших перед Младшими, скорбя о слабости и беспомощности народа, не овладевшего магией, перед мощью шаманов Амани, кель'дорай предложили короткоживущим союз, помощь и наставничество в познании Сил. И пусть главная битва, навсегда положившая конец тролльской угрозе континенту, случилась в предгорьях

Альтерака, каждый гражданин Кель'Таласа с детства знает и помнит: победа объединённых армий кель'дорай и хум'аноре ковалась здесь, в Чернолесье, покрасневшем от пролитой крови Высших.

Полуденные леса эльфийской державы - ее память и прошлое; но еще и будущее.

Спустя четыреста семьдесят лет после Тролльских Войн в Чернолесье попечением рода Ветрокрылых был основан первый учебный лагерь.

* * *

До Вторжения Плети Вирр успела пожить в детском городке всего два *заселения*, но побывала со своим отрядом почти в каждом уголке Полуденного Леса (разумеется, куда пускали и где разрешали), а уж исходить окрестности *своей* «Солнечной Короны» - в одиночку(33) или с парой - вдоль, поперек и во всех направлениях было для девочки (как, впрочем, и для любого юного Охотника) просто-таки *недварфским долгом*. Соревнования с отрядами двух других лагерей - вне зависимости от результатов - неизменно приводили к взаимным визитам (когда дружеским, а когда и с диверсионными подначками), так что местность вокруг «Златосолнечной дымки» и «Лагеря Ветрокрылых» для Вирр была тоже не чужой. Можно сказать, что бывшее Чернолесье она за два сезона *учебы в поле* узнала куда лучше, чем за последующие тринадцать лет окрестности околостолличных лесов, куда Учеников теперь выпускали исключительно группой или пятерками, и всегда под надзором Учителя или наставников в предметах.

Давно известно: никакое описание не передаст увиденного другими. Но сколько ни повторяй про себя старую истину, как ни тверди себе десять лет и еще три года, что нет теперь знакомого и привычного, как своя спальня, Чернолесья – есть Призрачные земли, все одно: где-то в душе своей ты ожидаешь увидеть нечто неизменно-прежнее. Вирр, готовясь к походу весь этот немалый для маленькой син'дорай срок, перечитала в библиотеке Школы и в открытых городских архивах все, что хоть как-то было связано с Призрачными; сотни раз она представляла, как будет пробираться к «Короне» из любого возможного места побережья пограничной реки, пытаюсь по изученным и чуть ли не наизусть вызубренным записям учесть все привнесенное в ее любимый уголок скверной Плети и проклятьями Предателя. И все же – выбирая путь и придерживаясь в чаще направления, ей приходилось более доверять Великому Белоре и его положению в сумеречном небе, нежели собственной безупречной эльфийской памяти.

Большие овраги и лощины, конечно, никуда не делись; старые знакомцы - редкие россыпи камней-валунов по-прежнему ждали девочку на своих привычных местах (уже множество поколений эльфийских детей считали их обломками древних тролльих алтарей, шепча по ночам страшные сказки о плотоядных *унганах* и *бокорах*(34) Амани; иные из подобных историй были чуть ли не старше самих городков); но на том старые приметы и кончались. Лес изменился, но не так, как меняются земли и леса за тысячелетия - словно все живое или жившее исчезло, как его и не было, а на опустевшей, голой поверхности за без малого полтора десятка лет проросла совсем иная жизнь, точно занесенная недоброй волей из чуждого, далекого, ни на что не похожего мира.

Девочка и тигр шли медленно, часто замирая, пытаюсь научиться слушать эту незнакомую местность. Вирр поглядывала на своего зверя с легкой тревогой; Риллю тоже было непривычно и непросто – слишком много было вокруг запахов, не просто новых, но и по сути своей непонятных; их владельцев он не мог распознать и откровенно нервничал. Должно быть, слишком сильно всюду *чуялось* нежитью, но не привычными

тигру учебными зомби с зачетных заданий, а нежитью совсем отличной природы и невнятных свойств.

Чем больше Вирр углублялась в лес – и все ближе к «Короне», тем больше ее настораживало отсутствие хоть какого-то ни было зверья - хоть обычного, хоть Искаженного. Вокруг были только странно изломанные деревья с матово-черной раздутой корой и белесыми листьями, и – насекомые. Последние встречались в избытке – непривычно крупные, не менее чем в ладонь взрослого син'дорай и каждый раз новые; казалось, что двух похожих и вовсе не найти. Вирр, как и все в Школе Охотников, конечно, читала доклад магов местного гарнизона «О многообразии видов бывшего Чернолесья», но только теперь, отпихивая с пути всякие сомнительные помеси мокриц с муравьями, смутно догадывалась, что свое представление о *многом* ей предстоит пересмотреть.

Рилль беззверье тоже не одобрял: отсутствие любой живности сообразительнее многоногих членистых тварей внятно намекало о присутствии хищников-конкурентов. Или тех хищников, с которыми встречаться не стоит в принципе. Вирр с тигриными чуйками соглашалась; мысль о том, что зверей распугали свои же син'дорай казалось спорной – насколько ей было известно, гарнизоны стояли в Транквилле, в старом Святилище Солнца и в лагере Следопытов на берегу озера. Бывшие же детские городки в глазах командования стратегической ценностью не обладали. Как ни печально было об этом думать, но оно и к лучшему; сейчас Вирр бы скорее предпочла столкнуться с каким-нибудь злобным монстром, чем отвечать на вопросы военных или Следопытов «Чья ты дочь и какого демона ты тут делаешь?»

Как надежда и ободряющий привет из прошлого в траве показалась знакомая тропинка; как ни старался лес-захватчик все изменить вокруг и искорежить, но с дорожками, протоптанными за бесчисленные годы детскими ногами (в сапожках и без), он справиться не смог. По крайней мере, эта еще держалась. Вирр сочла тропинку добрым знаком и пошла по ней; Рилль тоже предпочел держаться рядом.

Они остановились на краю леса, не покидая кустарника; тигр залег, а девочка, опустившись на колени, внимательно разглядывала любимый городок в свете тусклого местного светила, чем-то похожего на яркую, странно-гладкую луну. Издалека и на первый взгляд все здания были целы; всё выглядело точно так, как и ровно тринадцать лет назад, когда дети, немногие Учителя и редкие выжившие с полуденных границ в спешке бежали отсюда. Разве что некогда снежно-белые стены строений – в потеках от дождей, местами заросшие цепкой вьющейся мерзостью - свидетельствовали о том, что здесь уже никто не живет; по крайней мере, из тех, кого бы заботили красота и порядок. Но кто-то тут быть все же должен – Вирр не забывала о пустых окрестностях; кто-то все-таки накрепко распугал местную живность – и хорошо, если это просто какой-то Искаженный зверь или рыщущая нежить Плети. Эти опаснее, но с ними хоть знаешь, что делать.

На уроках говорили: там, где случилось множество смертей заразы, тем более, смертей насильственных и жестоких, даже без усердий некромага(35) обязательно появятся призраки. И от очень многих, не всегда до конца ясных тонкостей зависит - останутся ли они там, где погибли, или их потянет к ближайшему привычному или важному для них при жизни месту. Призраки защитников в Мертвых Кварталах, по всем правилам упокоенные еще в конце первого года (если верить учебникам), до того оставались там же, где и поднялись, и живых в другой части Города визитами не тревожили. Но кто знает, что бы случилось, оставь их неприкаянно бродить тринадцать лет?

Вирр не обманывала себя: одно дело метать стрелы в учебных искусственных зомби,

имеющих имена и прозвища лишь старанием смешливых Учеников (вроде того же Фелендрена-Вечно-Посылаемого); а вот уничтожить *настоящего* призрака, стереть из мира последнюю тень того, с кем вместе училась, играла и делилась секретами и первыми сердечными тайнами, или того хуже - кто тебя учил и наставлял... Это будет уже не так легко. Девочка помнила – к переправе, не дав собраться и заставив бросить все (даже то, что оставлять нельзя и немыслимо!), отправили всех младших, а большинство старших и почти все учителя остались – прикрыть бегущих и задержать прорвавшихся. Их больше не видели. Из тех же, кто покинул в тот день «Солнечную», вышли к реке не все. Из отряда Вирр, считая и ее, в живых осталось только девять. Девять - из тридцати.

* * *

Страшно.

Ярко, точно насмешка над всеми сказками и страшилками о том, что нежить придет за тобой лишь ночью, светит солнце.

Шелест кустов вокруг, хруст веток под ногами. Непривычно для тебя, всегда – с того дня, как решила стать Охотницей - учившейся и ходить, и бегать по лесу тихо-тихо; но всем сказали - скорость важнее. Быстрее, изо всех сил, потерпите, надо успеть.

Тяжелое дыхание справа, слева – вокруг; не от усталости – от страха.

Страх перед нежитью. И страх куда больший – от невозможного, немыслимого, но все же, вопреки всему, происходящего: враг не просто вторгся (где же были хранители границ? разведчики и послы в королевствах хум'аноре?), враг не просто прорвал все заслоны меньше, чем за день (как?! ведь с колыбели знаешь - воины и маги кель'дорай непобедимы!), но и вот-вот (сегодня, сейчас, через мгновение?) будет здесь.

Враг самый страшный, не признающий правил войны, подписанных договоров и неписанных законов. Враг, перед которым ты бессильней, чем те, кто уже погиб, защищая тебя, и те, кто еще неизбежно погибнет – потому что ты еще так мала и почти совсем ничего не умеешь. Враг, не оставляющий позади себя никого – даже мертвых и растерзанных; твой труп *поднимут* и ты, без памяти и без чувств – лишь ярость и голод – присоединишься к дикой стае. И встретив отца или мать, друзей или подруг, или – страшно подумать - Учителя (он остался, но он выживет, он же не может умереть!) не вспомнишь и не узнаешь, а лишь вопьешься в них своей мертвецкой пастью.

Вот это и правда страшно.

Так не бывает и так не должно быть; а как же - «*Спи спокойно! Мощь Королевства с тобой, дитя*» - над каждой кроватью?

Но все так и есть, и все наяву.

Пока все живы, и быть может, еще живы те, кто остался, чтобы дать тебе и прочим хоть капельку надежды – успеть. Ты тоже хотела остаться, было страшно - до слабости, до дрожи в спине и влажных рук - но ты твердила (и голос *почти* не дрожал), что уже стреляешь лучше многих в отряде и школьной группе, и что каждый лук на счету, и что недостойно... Но бледные, сосредоточенные взрослые - Учителя, наставники, воспитатели самых младших, случайные родители - тебя и тебе подобных не слушали и даже не ругали; молча прогнали со всеми - к реке. И сейчас, на бегу, невыносимо стыдно за то, что ты даже рада тому, что остаться тебе не позволили.

Нельзя об этом - ненавидеть и презирать себя ты будешь потом, а теперь надо думать о других – с тобой и твой отряд, и совсем младшие (без них быстрее, но ведь не

бросишь!) – следи, чтобы никто не отстал, не отклонился, не споткнулся и не затерялся - взрослых всего трое, они охраняют – как могут.

Сказали: что бы ни случилось – не останавливаться, бежать к реке.

Слева, рядом – Эньен, Варлок, младше Вирр на четыре года – приехала к брату похвалиться первым призванным бесенком(36). Растрепанные волосы, хромает – один сапожок где-то потеряла. Ей проще – боится не за себя, а за Спутника; несет его, прижимая к себе (а другой рукой держится за Вирр), бесенок тот и сам бы скакал с ней наравне. Он гневно пищит - хочет защищать хозяйку, еще чуть - и полетят огненные шарики; но что может маленький демоненок против Плети? То же, что и Вирр с учебным луком – ничего...

Справа, чуть позади – Илкиль; из ее отряда, ровесник. Хочет стать Воином, как его мать и отец. Все лето он поддразнивал Вирр, сочиняя на лету ехидные стишки-трехстрочки, а на празднике Последнего Турнира подарил самодельные сережки. Сейчас губа закушена, смотрит только вперед, часто моргает; родители – стражи полуденной границы... были. Военный, организовывавший отход, сказал - никто не успел отступить. Да не и пытался...

Впереди - Ширри, лучший ледяной Маг в отряде; ему тоже страшно, но держится лучше всех (а уж тем более, лучше Вирр!) на каждой руке – по готовому заклятью; нежить ими не убьешь – «лучший», не значит «сильный и взрослый» - но хоть задержишь... Девочки в спальне говорили, что он грозился доказать, что магия сильнее меча и поэзии, посулив Илкилю что-то подморозить. Наверное, меч?..

Взгляд вперед, поверх голов – вроде все, кто там были, тут. Назад не смотреть – собьешься с шага; дай-то Белоре, что и там никто не потерялся! Река уже близко.

...Вирр тогда сразу и не поняла, что за звук раздался слева и сзади, нагоняя и приближаясь – точно стая дракондоров, простуженных, охрипших и набив сверх того зоб мороженым, пытается курлыкать. Крик «*Вперед все бегом!*» слился с грохотом огненного шара охранявшей тыл магички; Ширри, взвизгнув, пустил с каждой руки по Снежному Вееру в лес - туда, где уже мелькали оскаленные морды вурдалаков; бежавший от головы колонны наставник Начертания ухватил маленького мага за шиворот и толкнул, почти отшвырнул в сторону уже видневшегося просвета, рывкнув «*Я сказал - бегом, м-маланорэ!*». Вирр, не чуя от страха ног, припустила за Ширри и теми, кто уже бежал к реке, стараясь не слышать позади треск пламени, рев нежити и детские крики.

Уже потом, на том берегу, когда ее и прочих, забившихся в какой-то бурелом, нашла горстка выживших в столкновениях с Плетью (к тому времени, уже штурмовавшей столицу) Следопытов, Вирр, отчасти придя в себя и оглядывая спасшихся, поняла – Эньен и Илкиля среди них нет.

И только на следующий день она вспомнила, что вчера должна была приручить своего первого зверя.

* * *

Вирр мотнула ушами, прогоняя из головы то, что сейчас было совсем некстати. За прошедшие годы не было, наверное, и дня, чтобы она не вспоминала всех тех, кого оставила на этом берегу. И если все получится, если она выживет – вспомнит еще раз, на Элунаранском кладбище, всех – пусть их могилы и пусты; теперь уже вспомнит с честью и безо всякого стыда.

Что бы ей за побег ни *прилетело*, на сколько сотен лет бы ее ни заперли и чего бы ни

лишили, но почтить память погибших ей запретить не посмеют!

Она вздрогнула, почувствовав на коленке тяжесть тигриной лапы – Рилль, возможно, не зная и не до конца понимая причины грусти Спутницы, утешал ее – тихо и не отводя морды от городка; по-своему напоминал, что он – тут и рядом; что она не одна. И что если прилетит – так уж обоим. Вирр нащупала Риллеву лапу – на достойные и взаимоприятные нежности, увы, не было ни места, ни времени. *Растекаться* тоже некогда – надо действовать. Может, тут никого и нет, а может – есть, но отлучился. Поесть, например; или к кому в гости – кто сказал, что монстры меж собой не дружат? Учебники умалчивают – вот сейчас и узнаем.

Вирр привлекла внимание Рилля, жестами скомандовала – *«Вперед, будь-слева-сзади, бди»* и осторожно вышла на открытое место. Дойти, найти, забрать, исчезнуть. Как гласит девиз Следопытов, негласный, но известный всем юным син’дорай – *«Обстреляй и убегай!»*

Примечание к части

(32) Нижайшая просьба к искушенным в истории син’дорай, но нетерпеливым читателям - не торопиться с опровержением сего «исторического факта»; далее будет дано неременное объяснение.

(33) Под фразой «в одиночку» подразумевается, конечно, «...и со своим Спутником»; Охотника и его Зверя (как и Варлока с Демоном) считают за нечто единое и в обиходной речи не разделяют.

(34) Унган – жрец вуду, бокор – колдун вуду;

(35) Именно так: некроМАНТ это тот, кто общается с потусторонним миром мертвых, получает от них знания и предсказания (это следует из названия); тот же, кто владеет магией смерти, способен создавать нежить – некроМАГ; и довольно уже идти на поводу всяких полуграмотных авторов-десантников.

(36) Варлоки, в силу специфики природы своих Спутников, получают их не по достижению возрастных физических кондиций, а по мере развития способностей разума и успехов в магии контроля. Случаются и вундеркинды.

«Обстреляй и убегай»

Каждый детский городок был построен по единой задумке – и «Солнечная Корона», и «Золотистая дымка», основанные позже «Лагеря Ветрокрылых», почти ничем от последнего не отличались. Дом Наставников: спальни Учителей и воспитателей, библиотека, кабинет управляющей и всякие сопутствующие любому делу письмоводства – в середине городка; два Дома Старших – на окраинах, восходной и закатной (подальше от взрослых; ясное дело – должны приучаться к самостоятельности и свободе); Домики Младших – на полдень и полночь, поближе к воспитателям, чтобы проще приходиться к ним с горестями и сомнениями; разной степени уединенности беседки – сразу за пределом городка, по кругу; и студии, лаборатории и всякие хозяйственные постройки – в прочих свободных местах.

Вирр рассчитывала подойти к «Солнечной» как раз со стороны заката, но коварный вражий лес, укрыв знакомые места и перепутав все приметы, вывел к окраине чуть ли не строго противоположной – полночно-восходной. И теперь у девочки было два выбора – или обходить городок по дуге, перебираясь от беседки к беседке, теряя время и рискуя все-таки дожждаться нежеланного внимания нежити и окрестного зверья; или – рискнуть и пройти к *своему* домику через городок напрямик. Тринадцать лет назад уютный городок, пересекаемый маленькой Вирр исключительно вприпрыжку и бегом (а как иначе? столько интересных дел и мест каждый день!) казался ей небольшим, уютным, а порой даже довольно тесным; теперь же, мысленно проवेशивая путь – по стеночкам, от строения к строению, а где и по уши в мертвой белесой *зомботраве*, будь-она-неладна – Охотница подвергла размеры поселения и удачность планировки суровому и пристрастному разному.

Вирр, пригибаясь, подобралась к ближайшей постройке – внушительная вывеска-табличка, каждый год неизменно поражавшая новичков (не иллюзорно-магическая, а нарочито массивная, вырезанная на малахитовой пластине) треснула; осколки скрыла трава, но часть надписи: «...дел Ювелирных и Тонкого Литья» – еще напоминала о сломанных ногтях, обожженных по неумелости пальцах и своими руками сплетённом медном колечке. Многие девочки, вне зависимости от Класса, хотели по первости стать ювелирами, да не у всех получалось.

Рилль держался рядом; крался так, как это умеют коты: вроде бы и ползком, как бы неторопливо, а вот же: был он вон там, ты только на миг отвернулась – а он уже весь тут и в ожидании приключений хвостом постукивает; судя по всему, уже освоился и к новому окружению прировнялся.

Где медленно, где замирая и выжидая, а где и быстрыми перебежками, они миновали лабораторию юных Алхимиков – с пробитой крышей, следами огня и разлетевшимися кусками стены (то ли реактивы без должного присмотра перезнакомились, то ли кто-то им помог – нежить или страдавшие от магического голода безумцы); Домик для Гостей с примыкающей верандой для праздничных пиршеств, крытой тонким ажурным навесом – не для защиты от дождя (кто бы ему в те времена позволил нарушать детское веселье?), а для красоты; Дом для самых Младших – конечно, уже без забавных колдовских многоцветных огоньков и перемигивающихся портретов персонажей сказок и легенд.

Теперь, добравшись до центральной части городка, и взглянув на нее изнутри, Вирр заметила нечто, ускользнувшее от ее взгляда раньше – некоторые стены зданий около Дома Наставников, да и сам Дом, были покрыты как будто плотной паутиной. В чаще или в заброшенном жилище в ней не было бы ничего неожиданного или странного: окрестные леса и раньше населяли несколько видов пауков – одни помельче жаб, другие покрупнее

кошки, и сомнительно, что Искажение заставило бы их покинуть привычные места; но вот то, как *именно* эта паутина расположена... Вирр рассматривала ее и так, и этак, но не могла поверить глазам – привычная ловчая снасть восьминогих охотников не висела врасстяжку между кустами или деревьями, не перегораживала проходы и не укрывала коконы – в ней не было ни малейшего смысла, а ведь животным, особенно неприрученным, а уже тем более низшим, бессмысленность не свойственна. Вирр попробовала отвлечься от очевидного, но единственным сходством и уподоблением, пришедшим ей на ум (это если забыть, кто обычно плетет такие сети), были драпировка и шелковые обои – если бы, конечно, нашлись столь странные ценители уюта, украшающие дома не внутри, а снаружи. Или если только сами пауки Призрачных, придя в полное расстройство с огорчением от творившегося вокруг последние годы некробезобразия, не обрели внезапно разум. Но эту гипотезу, несмотря на всю ее познавательную заманчивость (даже Старшие народы не знали, как тот или иной вид обрел способность мыслить, довольствуясь легендами о Титанах и Древних Богах) рассматривать совершенно не хотелось – по крайней мере, находясь прямо в паучьем логове. Вирр вздохнула. Хорошо еще, что нужный дом уже близко. И, если повезет, обыскивать его не придется – девочка хорошо помнила, где и в какой комнате хранилась отрядная Книга Заклинаний.

* * *

Дат'Ремар-Основатель еще тысячи лет назад заповедал своему народу - стремление к знаниям, бесстрашие в поиске и жажду смелых экспериментов следует пробуждать и укреплять с детства; о том, что внушать преданность королевству с ранних лет тоже можно, и *даже стоит*, его потомки догадались уже сами. Неудивительно, что некий Магкель'дорай - острого ума, государственной складки, с хорошей памятью о собственных детских годах и поразительной личной скромностью (имя его не сохранилось) – придумал, едва был воздвигнут первый детский городок, как совместить обе державные потребности без допущения юных эльфов до настоящих (и довольно уязвимых к детскому любопытству и передовым новшествам) святынь Кель'Таласа.

Магия – суть жизни Высших и ее основа; она же - нить, связующая все стороны бытия. Как грубо, но по существу верно говорят, погрязая в бессильной зависти, варварские и нецивилизованные Младшие народы - «эльф без магии и есть не сядет»(37). Волшебству в Кель'Таласе учат юных едва ли не с колыбели: Сила зачастую проявляет себя рано и брать ее под родительский контроль (а немного спустя и наставлять в нем же своего ребенка) *гораздо проще*, чем впоследствии радоваться множеству мелких бытовых неожиданностей и сюрпризам разной степени сомнительности. Только годам к десяти (исключения допускаются, но в редких случаях несомненного раннего таланта) маленьких син'дорай начинают побуждать к самостоятельным поискам в этой области; одновременно внушая на практике мысль, что команда исследователей-Магов добьется куда большего, чем экспериментатор-одиночка. И хотя каждому ребенку наперечет известны все имена великих Высших (подчас именно одаренных одиночек), идея совместной работы становится близка почти каждому маланорэ – увы, даже у кель'дорай гении рождаются не всегда.

Именно в детском городке переросшие младенчество юные эльфы впервые пробуют (сперва, разумеется, под присмотром наставников) самостоятельно искать, открывать и изучать заклятья, прежде им неведомые; всех(38) сторон и направлений – и полезные в своем Класе, и пригодные в будущих ремеслах, и – будем честными – нелишние в

относительно безобидных проказах и взаимных шутках и подначках. Все найденное, придуманное и открытое детьми одного отряда торжественно и с гордостью заносится в нарочитую книгу, пополняемую год от года.

Взрослые – в большинстве своем – искренне верят в детское неведение; в неспособность понимать простые вещи, догадаться об очевидном или проникнуть в нестарательно прикрытые родительские замыслы. Исключение, пожалуй, составляют те взрослые, кто прожили не одну и не две сотни лет – оставаться столь наивными (или продолжать успешно обманывать самих себя) лет пятьсот или более взрослым уже сложнее, как они ни старайся. Хотя, как утверждают задорные детские рассказы, не иссякающие уже немало поколений, *некоторым* это удается.

И потому, конечно, юные Высшие прекрасно понимали, для чего и почему им предложен свой, *детский символ* магического могущества; зачастую, они о этом узнавали еще до первого заезда - чаще от друзей, куда реже – от старших братьев и сестер(39) . И ни для кого не секрет, что многому из записанного в их Книге (да что там – почти всему!) их могли быстро и легко научить наставники и Учителя, всего лишь просто рассказав - или вручив нужный учебник. Но что с того? Ведь все узнавать самим и мечтать открыть нечто, что, быть может, упустили взрослые *так* интересно! Да и всякое случилось – за две с половиной тысячи лет накопилось немало детских имен, неожиданных магических открытий и поразительных деяний, память о которых хранили не только ребячьи предания, но даже труды взрослых Магов. Потому неудивительно, что маланорэ относились к своей Книге едва ли с меньшим почтением, чем взрослые-армейские к своим штандартам, а все жители Кель'Таласа - к Солнечному Колодцу. Книгами гордились, ими соперничали; стать Хранителем Книги было непросто - это требовалось заслужить. Тронуть Книгу другого отряда, а уж тем более *умыкнуть* или спрятать ради насмешки или ответной расплаты за каверзу, полагалось немислимым; детские легенды о таком не помнили.

Взрослые всегда поощряли и укрепляли подобное отношение у своих детей. Одни, романтики – помня свое детство; другие, сознательные – заботясь о будущем Королевства и его магической науки. А третьи – просто понимая, что без этой учебной традиции и почитания отрядной Книги, сокрушительно-тлетворных и безнадзорных магических шалостей (навроде того же случая с прыголапами) будет гораздо больше.

* * *

Подобравшись к заветному входу (то есть, достигнув цели стратегической), Вирр озадачилась вопросами тактики: оставить Рилля на страже или взять с собой в домик? И то, и другое решение имело свои недостатки и достоинства; а которое неудачнее - понять наверняка можно будет лишь задним числом (если успеешь). Пока Вирр наскоро решала, что хуже – засада пауков-декораторов в какой-нибудь комнате, или героическая оборона любимого домика от них же, но вернувшихся в городок не ко времени, Рилль принял решение за нее – отодвинул мордой полусорванную дверную створку и протиснул все остальное, оставив снаружи лишь подергивающийся хвост: что-то внутри показалось тигру крайне интересным. Вирр, не дожидаясь, когда хвост и все прочее, к нему прилегающее, освободят ей дорогу, быстро отворила вторую створку и заглянула внутрь, в гостиную отряда, которую она вместе с прочими покинула в тот страшный день, полагая, что в самом худшем случае вернется уже следующим летом.

Понимая, что в заброшенном городке неизбежно либо нежить порезвилась, либо

жертвы Голода первых дней перевернули все в жажде магии, девочка была, как ей казалось, готова к любым зрелищам разрухи и запустения (да и пропавшую защиту от стихий не стоит забывать). Но, видимо, все-таки, недостаточно. Рилль же, далекий от Вирркиной тоски и лишенный ее воспоминаний, напротив, обозревал перевернутую и поломанную обстановку с совершенно котеночьим восторгом и явным одобрением – устроить хоть раз в их с Вирр городском доме подобный раздрай, тарарам и Первозданный Хаос он мечтал, возвышенно и безнадежно, с самого первого дня. И потому запасался впечатлениями впрок; лишь иногда бросал взгляд на Вирр, не понимая причин ее настроения и волнуясь за свою Спутницу.

Напомнив себе, что она уже *почти* взрослая и на боевом задании (уже без всяких там «почти»), Вирр перешагнула треснувший сундучок с настольной игрой, обогнув чьи-то позабытые недособранные, частью распотрошенные пожитки, подошла к пандусу, плавно огибавшему большую общую комнату и ведущему наверх – к спальням. Рилль, с сожалением оторвавшись от греющего душу любого кота зрелища, двинулся за Охотницей – пандус был широкий и крепкий, рассчитанный даже не на вполне себе взрослых тигров с почти взрослыми девочками, а на целую кучу мальчиков и девочек, имевших обыкновение подниматься и спускаться, когда в одиночку, а когда и оравой, но исключительно бегом и, по большей части, прыжками.

Поднимаясь, Вирр старалась на гостиную лишней раз не смотреть – лишь краем глаз ловя возможное в проеме движение; но оказавшись перед аркой, ведущей на второй этаж, невольно бросила взгляд вниз – и неожиданно для себя улыбнулась, вспомнив былые проделки потерянных друзей. Юные будущие Маги, постигшие науку левитации хотя бы в первом приближении (то есть, «еще не летать, но падать уже медленно»), старались демонстрировать свое высокородное презрение к низменному тяготению где только возможно (точнее, где хватало еще невеликих сил), ну а уж спрыгнуть с верхней части пандуса прямо на головы сидящих на уютных диванчиках в гостиной – это сам Основатель велел!

Наверху царил все тот же беспорядок и разорение – брошенные впопыхах вещи и опустошенные безумцами некогда магические предметы, игрушки и несданные пособия. За сохранность Книги Вирр, в общем-то, не боялась: магии на почитаемом томике было наложено лишь чуть – несерьезной и бытовой, для пущей прочности, сохранности и радующей глаз торжественности. Вряд ли Презренные стали бы ее рвать и потрошить – у них были совсем иные заботы; *выпили* те крохи, что есть, и бросили, где взяли. Так что все должно быть просто – вот нужное крыло, вот спальня Хранительницы и ее соседок (странно: дверь оцарапана, но аккуратно прикрыта), а вот и шкафчик над кроватью...

Книги не было. Вирр, старательно избегая паники (так и должно быть, раз хоть капля волшебства в ней была, *ты к этому готова и этого ждала, ничего страшного... пока*), попросила Рилля переместить лапы, хвост и все прочее в коридор (вы когда-нибудь пробовали что-то искать в относительно небольшой, перевернутой вверх дном комнате, когда вам усердно помогает обожающий вас талассианский тигр? Нет? Ну и слава Белоре) и быстро, но аккуратно и последовательно (зря, что ли, читала пьесы о дознавателях-шала'зарам, тех, что *всегда-начеку?*) стала разгребать лежащие повсюду вещи, осматривать шкафчики и полки, стараясь не отвлекаться на всякое памятное и знакомое... Вроде этого гребешка; его хозяйка за неделю до Катастрофы поделилась с подружками (и с Вирр) потрясающей новостью: у «нашей Айиэнь» и мальчика из «Золотистой Дымки» случилась невероятно романтическая («*совсем-совсем как в стихах Илгона-Сочинителя!*») та самая детская любовь, полная страсти и огня – «*точно вулканы Унгоро*»; причем многие ступени в Науке Весенних Радостей счастливой парой уже

пройденны, и «она даже позволяет ему расчесывать свои волосы!» Вирр мимолетно улыбнулась, вспомнив свое тогдашнее смущение и заалевшие от подобной новости уши; и спрятала гребешок за отворот курточки – на память. И продолжила поиски.

Но Книги в комнате не было.

Вирр перестала метаться по комнате и сосредоточилась. Их Хранительницей была Сервэль из Утренних Лучей, а Опорой Хранителя – Ширри. Но Вэлли странным образом пропала где-то за день-два до Вторжения (по словам Учителей и наставников – небывалый уже полторы тысячи лет случай) и найти ее, или даже узнать, что с ней случилось просто не успели. Однако, утром того дня Книга была на месте. А Ширри, пока не оказался на том берегу, о ней и не вспомнил (да, не позволила себе соврать Вирр, как и все прочие и некоторые из присутствующих). Взять же ее кто-то из своих никак не мог – Вирр бы знала обязательно, такое не скроешь. Взрослым, перед их последним боем, было явно не до того. Значит, Книга в любом случае должна быть в городке. Презренные?

Хорошо, она – сошедшее с ума, терзаемое Голодом, думающее только о магии и фанатично *вычиивающее* любой источник Силы существо (даже после общения с Отшельником, даже в мыслях, Вирр было трудно назвать тех бедняг эльфами или Высшими). Вот она забрела в детский городок – забрела не первая, иначе бы бросилась к вещам и устройствам куда более... питательным. Вот она - по совсем слабой ауре, но обостренным от вынужденного воздержания чутьем – нашла ничтожный, малый, но все же источник. Пищу, как сказал бы таинственный Маг, *третьей формы*. Что она сделает? Опять же – где найдет, там и поглотит, причем сразу. А выпив - бросит и пойдет искать дальше. А отчего не бросила?

Вирр припомнила рассказы Отшельника и поняла - вероятный ответ один; существу помешали ему подобные - жаждущих магии в первые месяцы тут хватало с избытком, не то что сейчас. Вот она схватилась с другим Презренным; бросит она книгу или к себе прижмет? Для колдовства, вроде бы, и одной руки достаточно, но то от Школы зависит и от личных возможностей. Тут не поймешь – настолько вжиться в безумца пытаться не ей, а кому-нибудь из опытных магистров Аркана с уклоном в ментальную магию. А если по уму, но без безумия? Где схватка закончилась, там Книга и лежит – и вряд ли за пределами домика.

Где-то совсем рядом.

Прихватив пристроенный на давно пустовавшую стойку лук, Вирр вышла из комнаты, к радости истомившегося в скучном коридоре Рилля, огляделась, прикидывая возможный сюжет яростной схватки. И снова посмотрела на дверь за спиной.

Дверь ни в какой сюжет не влезала. Царапины можно было объяснить по-разному, но то, что она была прикрыта – точно последний уходящий был вменяем, воспитан и никуда не торопился – нарушало весь *рисунок*; тут и на дознавателя учиться излишне. Кто-то из Следопытов? Вполне возможно, но Следопыты, осматривая брошенные поселения и заставы в поисках бродячей нежити или чего-то важного, либо не обратили бы внимание на детские ценности, либо – а отчего бы и нет? – принесли Книгу в Транквилл; а там и в Школу переправили. Непонятно.

За отсутствием идей Вирр стала осматривать пол коридора и заглядывать в соседние комнаты. Рилль, без слов, жестов и отпихиваний, по одному настрою Охотницы сообразив, что помогать сейчас было бы совсем некстати, по своему почину решил сходить в конец коридора и выглянуть на первый этаж; видимо, волновался, не стремится ли неведомый, но возможный враг нарушить всю красоту и навести там порядок - на манер почтенной Кориаль. Ее тигр побаивался куда больше нежити.

На всякий случай Вирр заглянула и в душевую, которой, несмотря на почти столичное

обустройство, на ее памяти почти никто и не пользовался - зачем, когда вокруг столько чудесных прудов и маленьких уютных озер, не считая фонтанов в самом городке?

Время шло, спальни закончились, а ни Книги, ни следов ее или останков девочка так и не нашла – слабая надежда пребывала в состоянии «раненый еще жив, но это ненадолго», а упрямая логика требовала продолжать поиски и в гостиной. Например, сквозняком вынесло. Или Искажение постаралось.

Наверное, именно растущее отчаяние и страх Вирр, что все старания, вся подготовка за не так уж мало лет, все ссоры с выжившими друзьями и взаимные обиды могут оказаться напрасными, обострили ее охотничье чутье. А быть может ей просто повезло, когда она – так, наугад, без всякого расчета и раздумий - едва сойдя вниз, сразу направилась, в самый дальний от входа угол(40) к перевернутой и явно пережившей сильный удар треснувшей посередине софе. За ней, у подножия стены рядом с большим проломом и лежала, знакомым до слез переплетом вверх, подмяв страницы – точно кто-то швырнул ее в стенку – отрядная Книга. Вирр, не веря счастью, протянула к ней руку и на мгновение-другое замерла – касаться святыни отряда и открывать ее в любой момент и по своей воле мог лишь тот или та, кому было доверено ее беречь. Но бедная Сервэль, скорее всего, давно мертва, если не хуже; а Ширри – трус и отступник, а значит, право свое он потерял. Что ж, по вполне писанным правилам, в случае опасности или событий попросту непредвиденных, любой другой маланорэ спасти Книгу не просто может, но и попросту *обязан*.

Вирр хорошо понимала, что теперь-то уж точно нельзя медлить; что искушать и дальше местную более чем сомнительную живность и *неживность*, кем бы она ни была, хуже, чем опасно: если они с Риллем попадутся кому-то в когти-лапы-жвалы именно сейчас, будет попросту глупо, глупее некуда – но устоять она не могла. Вместо того, чтобы быстро отряхнуть от мусора Книгу, засунуть ее в рюкзачок и бежать со всех шести ног и лап к Реке, а там, на той стороне сдать ее первому же патрулю или посту Стражи, она бережно отерла переплет, поправив смятые страницы. Да, оттиснутые на обложке строки уже не переливались зеленоватыми искрами, и по касающимся Книги рукам не пробегала завораживающе-приятная волна, и по широким полям перелистываемых страниц не распускали свой красный узор сказочные цветы и травы – да, ни капельки детской магии больше не было в этом многократно мокнувшем и высохавшем томике, все страницы пожелтели, а некоторые повреждены, но это все же была Она. Даже стило с «вечным» грифелем на шелковом шнурке сохранилось... почти. Вирр шмыгнула, протерла глаза и пригляделась. Сам корпус стила был смят и чуть погнут, а грифель – стерт до конца или сломан. Девочка искала последнюю страницу и вмиг позабыла про живность, Реку, Стражу и весь Кель'Талас с Элунараном. На развороте, большими корявыми рунами - так ведь даже до Школы не пишут! - кто-то (если судить по изуродованному стилю и почерку – некий владевший талассийским огр) с трудом вывел два слова.

ВСЁ ВРАНЬЁ

Над плечом нависла Риллева морда – тигру тоже было интересно; но если он, втайне от Спутницы, и научился читать, то, как упорно скрывал это раньше, так ничем не выдал себя и теперь. Вирр даже не шелохнулась, пытаясь осмыслить и прочтенное, и сопутствующее. Версия с неестественно грамотным огром никуда не годилась – если только детство свое он не провел среди сверстников-син'дорай.

*Эти враки
Застят свет.
Все вранье,
А правды нет.*

Эту дразнилку Вирр знала с самых ранних лет, и знал любой ребенок в Кель'Таласе – разве что с вариациями, но и они разнились в малом: столичная детвора так и говорила – «все вранье», а в окраинных поселениях и дальних заставах дети предпочитали клеймить рифмой вранье, которое «сплошь» ...

Низкий негромкий вибрирующий рык прямо над правым ухом прервал размышления с удивлениями – Рилль оскалившись, поднял голову и, чуть припав к полу, смотрел прямо на пролом в стене. Вирр, со стуком захлопнув Книгу, стала, не глядя, судорожно запихивать ее в рюкзачок, не отрывая глаз от пролома. Снаружи слышался шелест, легкий трест и странное, ни на что не похожее клацанье. *Кажется, дотянула... Дождалась, дура прекраснодушная.*

Затянуть рюкзак она успела. И даже закинуть на спину. И ухватить лук. А вот броситься с Риллем к выходу – уже нет.

В гостиной сразу стало темнее: в дверной проем просунулось нечто щетинисто-мохнатое и восьмиглазое, с растопыренными хелицерами, побольше любых паучьих, известных Вирр по старым атласам или новейшим гарнизонным отпискам, да и не паук это был – существо, несмотря на паучью морду, напоминало скорее ставшего на дыбки гигантского муравья(41), покрытого густой шерстью; задними, сколько-бы-их-там-ни-было, лапами опираясь, передними, раздвоенными на концах оно с легкостью выламывало остатки створок, расширяя проход.

Монстр оказался внутри на удивление быстро для такой массивной и высокой туши, но Вирр успела выпустить две стрелы; одна воткнулась куда-то в пасть (чудовище, не снисходя до мелочей, молча ее скусило), другая бессильно отскочила от... вероятно, груди. Девочка схватилась за клинки - стрелы бесполезны, а если они с Риллем выживут, то еще пригодятся; но отчетливо понимала – дело плохо. Противника она узнала, но откуда он тут взялся – реликт седой, даже для ее народа, древности, сохранившейся лишь на полярном континенте – она не понимала, да и было откровенно не до того. Рилль, после неудач со стрелами, тоже зря не геройствовал: пятился, рыча, пробуя свое природное тигриное оружие – очень низкий, почти неслышный для многих звук, наводящий на большинство животных, даже крупных, страх и неуверенность. Одно жаль – действовало это только на *живых*. А эта тварь, похоже, таковой не была.

Вирр и Рилль уклонялись от лап некрочудища - все больше оттесняющего их и от входа, и от дыры в стене - пытаюсь попеременно отвлекать его друг от друга. *Интересно, неожиданно спокойно подумала Вирр, пытаюсь в очередной раз достать противника, не подставляясь под когтистые лапы, если запрыгнуть на пандус и убежать наверх, он пролезет за нами? И если нет - пролезет ли Рилль потом в окно?*

Способности тигров и некронерубов(42), как и пропускные возможности маленьких окон спален так и остались тайной. Чужое смачное хаканье, жужжание, свист – и в затылок недобрым чудом сохранившегося осколка армии Плети откуда-то со стороны входа врезался топор. Чудовище покачнулось и неуверенно стало разворачиваться, сметая опорными лапами остатки мебели и всякий прочий мусор. Треск, хруст, клацанье и тигриные взрыки дополнились хриплым воплем на общем языке Орды:

- Быстро в дыру, дура!

Примечания (в "Комментарий к части", увы, не поместилось):

(37) Разумеется, это очень литературный перевод оригинальной фразы.

(38) «Всех» - это, конечно, с оговорками; например, ту же некромагию ранее (до Катастрофы) не позволялось практиковать даже профессиональным магам. Теперь же, в правление Регента, ее разрешено изучать (не то чтобы ставить эксперименты) с детства лишь Варлокам, да и то под строгим контролем старших; прочие син'дорай могут изучать науку Смерти лишь после достижения совершеннолетия, подтверждения первого классового уровня (экспериментировать с ней – после второго) и исключительно в правительственных лабораториях.

(39) Низкая деторождаемость – всегда обратная сторона долгой и цивилизованной жизни; редкая семья кель'дорай (особенно, до последней войны) имела больше одного ребенка; рождение близнецов – и вовсе уникальное явление.

Примечание к части

(40) «Угол» в строениях «дачного типа» кель'дорай/син'дорай понятие весьма условное – они строятся на манер широких низких круглых башен, а детская гостиная в упоминаемом домике занимала весь первый этаж.

(41) Правильнее было бы сказать – богомола; но в на двух известных Вирр континентах богомолы (mantis) не водятся, а сведения о новооткрытой Пандарии до широких слоев населения еще не дошли.

(42) В незапамятные времена Древние Боги породили в Азероте народ разумных членистоногих Аквир (Aqir), создавших со временем свою культуру и цивилизацию в юго-восточных пустынях материка Калимдор, известную по древнейшим преданиям троллей как Империя Азж'Аквир (Azj'Aqir). Более шестнадцати тысяч лет назад тролли в непрерывных войнах с аквир одержали победу; Азж'Аквир была уничтожена, а выжившие аквир мигрировали на далекий юг Калимдора, на Пандарию (континент в южном полушарии) и на северный континент (Нордскол), за истекшие тысячелетия эволюционировав в народы Кираж (qiraji), Мантид (mantid) и Нерубов (nerubians) соответственно. До вторжения в Кель'Талас и штурма Элунарана, Артас покорила Азжол-Неруб (Azjol-Nerub), королевство нерубов Севера; выживших поработил, а павших присоединил к своему Войску Мертвых – Плети. Некоторое количество некронерубов участвовали в войне Артаса против кель'дорай.

«СВЯТЫНИ И СОЮЗНИКИ»

В какой-то момент Вирр поняла, что они, наконец, оторвались, и исполнение второй части девиза Следопытов можно считать выполненным. И в который уже раз за время бегства от настойчивых дохлых нерубов, примчавшихся на выручку к товарищу, с досадой подумала, что будь она одна с Риллем, то ушла бы от погони быстрее – уж никак не ора'норе наравне с син'дорай по лесу носиться. И не стае некроарахнидов – догонять. Но бросать позади того, кто тебе помог – последнее дело, кем бы он ни был. Недостойно и Высшим не подобает. Вот и приходилось всю дорогу оглядываться, то на тигра, то на эту зеленую дикарку, и беспокоиться, чтобы один не ускакал слишком далеко, а вторая – не отстала. Ужас какой-то – что там Плеть и зомби реликтовых разумных видов!

Тяжело быть Высшей, подумала Вирр.

- Дура! Ну вот как есть - дура! - Орчица, тяжело дыша, подошла к девочке (Вирр с гордостью отметила, что сама почти не запыхалась). – Ну че тебе там – намазано было? С какого тебя туда понесло и заклинило? Ты бы еще *палаточку* там разложила! - «Палаточку» она произнесла уже на талассийском, но с интонациями, совершенно непередаваемыми: как нечто среднее между «позор семьи» и чем-то уж и вовсе ничтожным, бессмысленным и презираемым. – Ну, чего смотришь? Я, между прочим, на тебя с твоей кошкой цельный топор истратила! Что мне теперь, с бубном обоеручь отмахиваться?

На поясе нежданной зеленокожей соратницы неясного для Вирр возраста (кто их поймет, краткоживущих? умирать от старости, вроде бы, прямо сейчас не собирается...) и правда висел какой-то варварский инструмент, расписанный орочьими кривыми рунами – по большей части, Вирр незнакомыми (что поделать, изучение языков и культур Орды ввели совсем недавно). Шаманка?

- Я, Виеринраэ из Солнечных Бликов, благодарю тебя за помощь в бою, – церемонно, как могла, сказала Вирр на орочьем (вот же язык, никакой возможности сказать что-то по-настоящему достойное и вежливое; даже формы уважительного обращения нет). – Когда мы встретим наших воинов или прибудем в местный гарнизон, тебя отблагодарят и подберут оружие. – На этом походящие к случаю школьные рекомендации по общению с пока еще не слишком знакомым народом у Вирр закончились, и она добавила то, что ей хотелось сказать еще в городке:

- Вообще-то, я бы и сама справилась!

Орчица, не прерывая попыток отдышаться, недоверчиво ухмыльнулась.

- И Рилль не кошка, а *тигр!* – продолжала девочка возвращать словесные долги уже на талассийском. «Дуру» она решила не оспаривать - нехорошо отрицать очевидное, даже если логика, в данном случае, говорит устами представителя младшего, да и вообще не пойми откуда взявшегося на исконных эльфийских землях, народа.

Рилль до того, пользуясь передышкой, возлежал рядом, прислушиваясь к разговору на незнакомой речи и принимаясь к новому для себя двуногому существу, прикидывая то, что обычно в таких случаях прикидывают все коты (особенно большие). Услышав последние слова Спутницы, он косо глянул на орчицу, перевернулся на бок и лениво потянулся; видимо, чтобы та получше рассмотрела его исключительно тигриные размеры, стати и прочие *особенности*.

- О... - уважительно сказала Риллю Шаманка, убрав ухмылку с лица. – Извини, брат. – потом повернулась к Вирр. - Я, Харману из клана Бхорр - это, рада встрече. - Тут у Харману, видимо, дипломатические заготовки тоже иссякли, и она, скорее, вопросительно добавила: - Да славится Орда?

- Смерть Альянсу(43), – сдержанно согласилась Вирр.

- Ф-фух... – выдохнула Харману. - Здорова ты бегать. Да еще с таким *хурджином*, что на волка взвалишь, волк упадет... – У самой Шаманки заплечный мешок был поскромнее. - Хотя, с такими-то ногами от ушей – чего ж не бегать... - Она вдруг приснула: - А уши-то не мешают?

- А тебе клыки – разговаривать? – в тон переспросила Вирр.

- Свои отрости - узнаешь, - ухмыльнулась орчица.

- Могу твои уши вытянуть – на себе и проверишь.

- Ладно, - примирительно проворчала Шаманка, - познакомились...

Она повертела головой, осматриваясь.

- А где это мы? Транк в какой тут стороне?

Вир, с превосходством владеющей картографическими познаниями путешественницы, благосклонно разъяснила:

- Мы – в Призрачных Лесах, почти у самого закатного берега озера Элрендар; городок «Солнечная Корона», где нас с тобой свело Белоре – у тебя за спиной; ставка наших Следопытов – на восходном полдне, - она показала позади себя и, подпустив в голос интонаций самых занудных наставников, у которых довелось учиться, добавила: - А город *Транквиллион*, так это произносится – в той стороне, но прямо туда не пройти, если, конечно, Шаманы не умеют летать. Если не умеют - придется идти в обход холмов; с полночной стороны будет ближе, но с нерубами мы, вроде как, уже повоевали...

- Погоди, - замахала рукой Харману, - не так шустро. Я этот ваш язык всего года три как знаю. Пока сюда топала и поговорить особо не с кем было! Нерубы – это вот та *глоде*, что нас сожрать хотела?

Слово было незнакомым, но Вирр сориентировалась.

- Та самая. Когда-то, - начала она, - очень давно, даже для нас, Старших, жили на полуденном краю Калимдора Аквир - разумные...

- Типа силитидов(44)?

Никакой культуры внимания, мысленно покачала головой Вирр. *И как ей что-то рассказывать?*

- Это их предки, - сказала она, стараясь ужать все, ранее прочитанное, в одну понятную орчице фразу.

- Во, - кивнула Харману, - вот так и давай. А то говоришь, как о деяниях рода поешь.

- Только эти были мертвые, из Плети. – Вирр не оставляла попытки увеличить знания Младших.

- А с какого тут Плеть? Мне ваши в Транке... - она заметила ехидно сузившиеся глаза Вирр осеклась, и по слогам, чуть ли не рыком, продолжила, - ...в *Тр-р-ранквил-ле!* – потом, помолчав, добавила: - В общем, сказали, что Плети тут толком уже нет, только остатки бегают, да откуда-то мелочь лезет. Но про таких...- она дернула плечом.

- Я, признаться, сама удивлена; мы полагали, что все пришедшие с плетью нерубы погибли еще в первые годы войны, – согласилась Вирр. – Слушай, если хочешь, будем говорить на твоём языке. Мне тоже нужно его совершенствовать. И у твоего народа, вероятно, есть талант, - нехотя признала она. – Ты сказала «всего три года», и почти без опыта в общении, но говоришь ты неплохо. А произношение – приложится.

- Ты, что ли, шибко дольше учила? – проворчала Шаманка. – С пеленок поди начала?

- Нет. Отчего же, - возразила Вирр, - у нас обычно учат языкам с десяти, но я начала немного раньше – так отец хотел. Да и мне интересно было...

- Ну! А я чего говорю!

- Но до двенадцати основной у меня был, как и у всех – язык хум'аноре, - продолжала

Вирр, начиная понимать, в чем причина заблуждений собеседницы, - но после их предательства и нашего союза с Ордой, все маланорэ учат еще и ваш.

Некоторое время Харману что-то соображала, а потом подозрительно спросила:

- А тебе вообще скока?

- Скоро будет двадцать пять.

- Отлюби меня дубиной... - Шаманка то ли в задумчивости, то ли от неуверенности, что сможет достойно выразить всю глубину своих чувств, перешла на орочий. - Вы че, сто лет растете?!

- Нет, - рассмеялась Вирр, - в тридцать уже буду считаться полнолетней. А расти буду еще лет до сорока - сорока пяти. А тебе сколько?

- П-пятнадцать... - выдавила из себя Харману. Было видно - признаваться, что она младше Вирр, ей ужасно не хотелось.

- А полнолетие у вас когда?

- Дык, уже...

- Ну вот, - успокаивающе сказала девочка. *Нет, с этими краткоживущими - как с детьми из младшей группы.* – Следовательно, если сопоставить обычаи наших народов, ты меня даже старше. Да и с точки зрения природознания, сравнивая сроки жизни и скорость взросления...

- Слышь, ты точняк на таласке говоришь? – перебила ее Харману. - Нич-че не усекла, тока что я тебя старше!

- Главное ты поняла, - вздохнула Вирр.

Впервые в жизни она испытывала к преподавателям и наставникам не только уважение, но и непритворное сочувствие.

* * *

- Так куда топаем? – вновь обретя уверенность, Шаманка вспомнила о насущном. – Ты тут, я смотрю, вообще все знаешь – командуй!

Вирр задумалась.

- А ты куда изначально направлялась? И что ты здесь делаешь?

- Шла я в вашу столицу, - Харману нахмурилась, - а потом – на островок ваш, ну где Колодец.

- Куда?! – распахнула глаза Вирр.

- Во-во, - наставила зеленый палец Шаманка, - мне ваши в твоём, понимаешь, Тра-а-а-нкви-и-иле как-то так и процедили. И еще как на вошь гнилую смотрели, до кучи. – Она сплюнула и, что твоя нага(45), прошипела: - С-союзнички...

- Послушай... - Вирр даже не знала, на каком из двух языков попытаться объяснить юной Шаманке очевидное. – Во-первых, к самому Колодцу не всех даже граждан Кель'Таласа пускают. Ты, хоть и не Маг, а Шаман, все же должна понимать, *что* это такое и *как* его охраняют.

- Ага, сожру я его. Или в Колодец этот...

- А во-вторых, - не дала ей договорить Вирр (совершенно не хотелось разрываться между долгом к *сестре по битве* и обязанностью за оскорбление святыни словом покарать самой или *сообщить* куда в таких случаях сообщать положено), - подозрительность Стражи совершенно естественна: мы с вами в союзе совсем недолго, и...

- Чево-о?! – вскинулась Харману, - какое, на демонячий хрен, недолго?! Тринадцать...

нет, двенадцать годков будет! Уже сколько вместе хумье месим! Послы ваши у нас в Огри(46) , за стока лет, небось, уже все пиво наокрест выжрали!

Вирр невольно сжала кулачки, но быстро взяла себя в руки.

- Королевства хум'аноре были нашими союзниками целых три тысячи лет, - в голосе Вирр, насколько позволял природный девичий тембр, лязгнул державно-патриотический мифрил. Да еще и охлажденный жидким воздухом. – И мы не только с ними *месили* – всеми своими знаниями, магией и культурой они обязаны *нам*. И это не помешало им предать нас. И именно тогда, когда мы более всего в них нуждались.

Харману молчала, отведя взгляд; видимо, осмысливала упомянутый исторический срок.

- Вы в Азероте недавно, - уже мягче сказала Вирр, - и, как я читала, у себя в Дреноре(47) встречали не так много иных народов. А ваш собственный народ еще очень молод. Опыт союзов у вас невелик. И вы сами еще не знаете, как ненадежны могут быть многие Младшие народы.

- Старшие выискались... - буркнула орчица.

- Наше Королевство существует уже без малого восемь тысяч лет, – уже совсем спокойно ответила Вирр. *И правда дети, глупые и обидчивые* – А письменная история, еще от наших предков – почти вдвое старше. И завидовать этому – глупо. Как и тому, что кто-то родился раньше тебя, – не удержалась она, но Харману, похоже, столь мелкой и тонкой подколки не заметила.

- Если это не секрет – зачем тебе наш Колодец? – Вирр подошла к Харману поближе. Шаманка глянула исподлобья на Охотницу, точно сомневаясь, что той не в шутку интересно.

- Ну, урок это такой. Задание, понимаешь? Старший Шаман, он как мое испытание на Класс принял, так и... послал.

- Куда? Прямо к нам?

- Ага, почти, – фыркнула Харману, - вроде того. А вообще – так ко всем сразу. Сказал, обойди все места силы Азерота... - она увидела, как глаза Вирр из миндалевидных превращаются в большие и круглые, и поспешила добавить: - Да не! Ну, не все, а такие, ну, самые-самые, понимаешь - *мировецкие*, во!

- А зачем? – мудрость чужого Класса домагических времен, давно позабытых Высшими, Вирр все никак не давалась.

Харману, дернув подбородком, что-то с досадой бормотнула, и нехотя ответила:

- Сказал, «А там сама поймешь». «Если не дура», сказал. И еще ржал, т-талбук(48) старый...

Вирр так и не придумала, что сказать о таких *странных* методах обучения и как посочувствовать орчице - ведь если говорить по чести, так и син'дорай не всегда дают своим Ученикам готовые ответы и решения, побуждая тем самым к самостоятельному поиску и оживлению мысли; но, все же, саму задачу *до такой степени* никогда не утаивают. Рилль, до того так и лежавший на боку, встрепенулся и принялся; потом посмотрел на Спутницу и чуть вздернул морду вверх. Вирр пригляделась к небу.

- Надо идти, скоро будет дождь, – сказала она Харману, тоже заметившей поведение тигра и потянувшей носом с ним на пару. И прежде, чем Шаманка успела съехидничать что-нибудь, вроде «а орки не сахарные», Вирр быстро добавила: - Дожди здесь всякие бывают.

- Ну, двинули, - Харману признала за Вирр превосходство в знании этих мест и спорить не собиралась. – Туда, или где? – кивнула она куда-то в чашу. - Во! Там, кажись, деревья погуще.

- Нет, – качнула головой Вир, – иди за мной. Тут, совсем рядом, ближе к холмам, пещера. Вряд ли она куда-то делась.

- Э-э-э-э... - засомневалась Харману, - а нас ее хозяин, того, не *отженит*? Пещеры и норы, они, знаешь, пустыми долго не стоят...

- Верно, - улыбнулась девочка. - Эта тоже летом редко бывала пустой. Ее наши син'дорай, те, что из городка, выкопали. И говорят давным-давно, лет, наверное, восемьсот или тысячу лет назад. Тут, вокруг холмов, много пещер, а эта – наша. Нашего городка, - пояснила она.

- Выкопали? На кой?!

- Сперва, как у нас рассказывали, ребята, учившиеся на Горных Мастеров, добывая медь, вырубил большую нишу...

- Уф, так бы и сказала, - выдохнула Харману, - а то «пещера», «выкопали» ...

- ...А уже потом, все, кто жил в городке после них – расширяли, обустроивали и так, и сяк.

- И топором об косяк, да на кой?! Вам там, вона, какие хоромы понастроили! Живи да радуйся.

Вирр пожалала плечами, не зная, как снова объяснить очевидное и до сего мгновения разъяснения не требовавшее: - Интересно же. Играть в Тролльские Войны или пикники устраивать. Или свидания – у всех своя романтика.

- Веди, - обессилена выдохнула, махнув рукой, Харману. И, уже догоняя девочку и тигра, проворчала: - Живете долго, вот и чем себя занять не знаете! И выдумали же - пещеру копать.

Вирр на ходу обернулась:

- Да ты не бойся, там вход специально узкий сделан и еще когда укреплен; если кто и завелся – с мелкими справимся или выгоним, а крупное не пролезет.

- Эт'хто боится?! – не хуже тигра рявкнула Шаманка. – Да я!.. Да у нас за это!..

Охотница, тая улыбку, быстро ответила:

- Извини, я же тебе искренне призналась, что владею твоим языком еще не в полном совершенстве. Я всего лишь хотела сказать «не волнуйся».

- Ладно, забыли, - покладисто сказала Харману и тут же остановилась в замешательстве. – Па-а-годь! Какой такой - мой?! Мы ж с тобой все время на таласке трепемся!

Вирр, хихикнув, прибавила шагу, а потом, быстро оглянувшись на Шаманку и, хохоча, припустила прочь.

- В-вот же поганка длинноухая!.. – Харману очень старалась сохранить подходящий случаю достойный *кровожадный орочий лик*, но получалось так себе.

* * *

Вирр, обойдя костер, разведенный у входа в пещеру, подставила заранее сорванный с дерева лист под крапывающий дождь. Затем поднесла его поближе и аккуратно – подгоняя свободной ладонью воздух от листа к себе – принялась. Потом предъявила лист Риллю – тот усами подвигал, но в целом проявил совершенное безразличие. Вирр выбросила лист наружу и повернулась к бродившей в дальнем конце пещеры и копавшейся в найденных тут разнообразных, невесть сколько пролежавших вещах Харману:

- Дождь обычный! – И, не дождавшись ответа, добавила: - Если, как нам

рассказывали, ора'норе и правда настолько презирают удобства, ты вольна расположиться снаружи.

- Нам на них, на удобства - с Горы Красного Тумана! – отозвалась, подходя, шаманка:
- Енто вы без крыши, горячей ванны и... этих.... Ну, как их?.. Забыла, как по-вашему... ну, вроде очень крепкой браги, но на вкус - жуть, как мерзко, а снаружи мазаться - разит на три полета стрелы?

- *Духи? Ароматная вода?* – приподняв брови, предположила Вирр. – Ты их *пить* пробовала?!

- Во! Без этой гадости вы тоже никак! – о подробностях своего знакомства с эльфийской парфюмерией Харману явно решала умолчать.

- Я же Охотница, и ароматическими средствами не пользуюсь. Звери не любят, – Вирр погладила по холке Рилля.

Харману усмехнулась.

- И как же ты, бедная, живешь-то?

Вирр присела на корточки, демонстративно обняла тигра за шею (тот довольно зажмурился и заурчал, чуть покачивая головой из стороны в сторону), повернула лицо к орчице и с немалой порцией яда в голосе, сладко ответила:

- *Очень* счастливо.

Парировать было нечем – орчица промолчала. Потом подергала в задумчивости свой чуб на затылке и довольно мирно (Вирр бы даже сочла - робко; но словосочетание «робкая Харману» ей казалось, как говаривал наставник Словесности, *неприемлемым оксюморонам*) сказала:

- Слышь... я чего спросить-то хотела...

Вирр кивнула, подбадривая.

- Я-то сперва не вякала – ну, ты на своей земле, а я тут так, мимоходом с горки прикатилась... Ну, в общем, ты, это – сама-то че тут делаешь? Я вот, пока в Транке отиралась, вашего молодняка ваще не видела! Нет, ну, то есть, по виду вроде тебя, хотя бы – так-то у вас ни хвоста не поймешь, кому тут скока.

- Тут теперь и нет никого из маленьких или юных син'дорай, - Вирр вздохнула. – Наверное, я тут одна на все Призрачные. Раньше было иначе...

Хотя в присутствии грубоватой орчицы Вирр прямо-таки кто навораживал изъясняться исключительно *речью дворцов и гостиных*, она коротко, насколько это возможно, стараясь говорить простыми и понятными словами, рассказала Харману о своем городке; о первом, самом страшном дне Вторжения; о клятве, которую дали выжившие дети, и о Книге. Умолчала лишь о том, почему пришла сюда одна – было стыдно. За своих, пусть и бывших, но все же – друзей.

Харману слушала не перебивая и не переспрашивая. Только когда Вирр замолчала, Шаманка сказала:

- Слуш', я вот че не усекла. Ну, отомстить за своих – это и огр поймет, эт' я всекаю. Но ты ж за этой, как ее... Ты ж надписи пришла спасать какие-то – а сама ж говоришь, что ничего там даже для ваших важного не накарябано... Вы тут, я чую, еще тем *охвостьем* маетесь, но как по мне, это уже даже для длинноухих чересчур!

К своему же удивлению, Вирр не обиделась. И не возмутилась. И даже, отчасти, поняла, отчего тогда так был спокоен Отшельник, пока она искрила дерзостями и возмущенно полыхала. Забавно: Белоре с той беседы и полный круг не завершило, а сколько всего случилось...

- У вашего клана ведь есть родовая святыня? – спокойно спросила она Харману. – Какой-то предмет, дорогой вам?

- Ну. Чё мы, не орки что ль!

- Не знаю, что это и из чего сделано, но сомневаюсь, что из чего-то безумно драгоценного. И если на нем что-то написано или изображено, это ведь не секрет окончательной победы над Альянсом, верно?

- Ты, это, не выпытывай, - усмехнулась Харману, - ты дело говори.

- Вот тебе дело: то, что дорого для одних, может не иметь смысла для других. Или так: ценность святыни не определяется ценой, которую за нее мог бы дать даже самый глупый и покладистый гоблин.

- Ну, это, оно так, конечно... - буркнула орчица. – Тралл(49), он тож не из золота отлитый. Да и ваш Колодец...

Как Вирр однажды прочла в «Наставлениях наставляющим», любой обучающий случай бесценен, должен быть использован полностью и до дна исчерпан.

- Да, о *нашем* Колодце. Ты ведь ни с кем, кроме меня не делилась намерением и возможностями его съесть и...

- Ты, это, не серчай, - поморщилась Харману, - ну брякнула в запале и с обидок...

- Ты, главное, ни при ком больше не *брякни*. Особенно - при Страже. Вот представь: пришла я в ваш Оргриммар...

С того самого дня, как Вирр на уроках языка ора'норе впервые услышала это название, она про себя твердо решила, что такое имя своей столице орки дали исключительно в целях борьбы с лазутчиками и для диверсий стратегического порядка: любой хум'аноре при попытке это произнести, себя неизбежно выдаст. А их полководцы и вовсе язык сломают. И останутся их войска без указаний и сведений, печальные и осиротевшие.

- И чё? – ждала развития сюжета Харману.

- И заявлю, что хочу убить Тралла!

- И чё? – все никак не впечатлялась орчица.

- И что же ваши горожане со мной сделают? – Вирр решила, что маленькая подсказка педагогическому процессу не повредит.

Харману пожала крепкими плечами.

- Оборжут, вот чё! Разве, *наш Гаррош*(50) услышит – из молодняка кого на тебя выставит: мол, сперва его одолей... Лан, поняла, поняла. Не дура, чай!

- Ну да, - согласилась Вирр. - Дура же у нас, кажется, я?

- М-мать демонячья! – тут же вспылила шаманка. - Ну ты чё, еще сто тыщ годков теперь поминать будешь?! Экие вы нежные, и слова не скажи...

Она стукнула в сердцах по стенке и пошла обратно вглубь пещеры, продолжая на ходу ворчать и возмущаться - если переложить с орочьего не без существенных сокращений - полной эльфийской неспособностью к нормальной дружеской беседе, к заготовке правильной выпивки, и к жизни вообще.

Примечание к части

(43) Орда –военно-политический союз народов орков, троллей, тауренов, разумной нежити (Отрекшихся), эльфов-син'дорай и гоблинов; Альянс – их противники – состоит из людей, эльфов-кал'дорай, гномов, дварфов, дренеев и воргенов (волколаков-оборотней)

(44) Силитиды (Silithid) - высокоразвитые гигантские общественные членистоногие; далекие предки аквир (и соответственно, нерубов); их таксономическое взаиморасположение аналогично приматам и людям.

(45) Наги (Naga) – народ серпентоидов с отдельными гуманоидными чертами. По преданиям их предки были кал’дорай, Ночными эльфами из числа подданных королевы Азшары, но во времена Войны Древних были трансформированы в наг Древними Богами. В настоящий момент их цивилизация распространилась во многих морях и океанах Азерота.

(46) Огри – Оргриммар (Orgrimmar), столица орков и Орды

(47) Дренор – родной мир орков.

(48) Талбук (Talbuk) – рогатое козлоподобное животное с довольно красивым мехом, обитающее в родном мире орков. То, что большинство орочьей молодежи никогда их не видело, объясняет, отчего слово «талбук» стало у них уничижительным.

(49) Тралл– первый Вождь Орды в Азероте, основатель орочьего государства Дуротар на континенте Калимдор; незадолго до описываемых событий уступил власть Гаррошу, сыну своего покойного друга Громмаша, легендарного вождя народа орков, однако по-прежнему пользуется среди народов Орды огромным уважением. (Подробнее <http://wow.gamepedia.com/Thrall>)

(50) Гаррош – нынешний вождь Орды.

«Большой Альманах загадок. Последняя страница», часть первая.

Вирр слушала как разоряется Шаманка и тихонько улыбалась: Харману явно не терпелось вернуться к изучению, как сказал бы отец, *культурных артефактов*, но она явно стеснялась признаться в своем интересе к чужому и непонятному для нее народу. Что ж, мысленно кивнула Вирр, кто тянется к знаниям, тот не безнадёжен, даже если воспитан дикарями.

Девочки не поленились осмотреть пещеру, прежде чем как следует в ней устроиться и разжечь костер. Логово это правильнее было бы назвать шахтой, пусть и небольшой: всего-то короткий тоннель от входа у подножия холма, расширяющийся в конце (Вирр, невзирая на насмешки Харману упорно называла результат раскопок *главной залой*) и тремя боковыми, еще более короткими штреками – медная жила здесь, как слышала Вирр, на огорченье юным Горным Мастерам прошлых веков, оказалась небольшой, а малахита тогда не нашли и вовсе.

В основном тут все осталось так же, как и помнила Вирр: лежанки, на которых было удобно и сидеть, и спать, и просто отдыхать вразвалку (Харману поворчала было, но одобрила, а Рилль тут же занял самую сухую, именно что развалился и всем видом своим намекал, что тигров хоть раз в день, но надо кормить); аккуратный столик на коротких ножках между лежанками и несколько бутылок с неизвестными напитками на нем (Харману, помня, вероятно, о былых неудачных опытах, открывать поостереглась); давным-давно погасшие фонарики и запасы для костра в нарочитых нишах (странно было думать, что это, наверное, последние кусочки прежних деревьев Чернолесья(51)), когда-то защищенные давным-давно *выдохшимся* водоотталкивающим заклятьем, а теперь безнадежно испорченные пещерной сыростью - на этот счет Харману затеяла, по мнению Вирр, беспредметный спор о превосходстве простой промасленной шкуры над *хваленой магией длинноухих*. Чего не хватало, так это зачарованных кристаллов на опорах у входа, отпугивавших тринадцать лет назад всякую живность, но и это было вполне объяснимо. Живности, к слову, девочки тоже не нашли, и это было не то что бы плохо, а откровенно странно, если не сказать – опасно: Вирр легко связала отсутствие зверья в окрестностях городка с бродившими вокруг него и около некроарахнидами. Хорошо еще что те скорее отгоняли Охотницу и Шаманку от своего логова, чем преследовали всерьез: нежить, конечно, бежит не быстро (кроме, может быть, вурдалаков), зато хорошо чует и выслеживает живых, в отдыхе не нуждается и двигаться склонна без привалов и остановок. На случай, если дохлые нерубы передумают, девочки уповали на костер (огня нежить не любит) и на удачную, как выразилась Вирр, *архитектуру* (не пролезет в узкий проход такая разлапистая туша-многоножник).

Вирр подбросила в огонь веток – их насобирали вокруг пещеры в последний момент перед дождем; даже сухая, древесина Искривленных деревьев горела посредственно, а надранная с них растопка заниматься от орочьего огнива не хотела и вовсе, пока Охотнице не наскучили тщетные попытки Харману, сопровождаемые забористыми (но быстро исчерпавшимися) ругательствами, и она, насладившись зримым посрамлением *простых и действенных* орочьих средств (обогадив попутно свой орочий словарь), не разожгла костер *бесполезной длинноухой магией*.

Убедившись, что пламя в ближайшее время гаснуть не намерено, Вирр еще раз выглянула наружу и осмотрелась. Дождь шел, солнце заходило, вечер наступал и некронерубы не толпились вокруг - более чем чудесно. Она отступила обратно, попутно

еще раз приглядевшись к толстым опорным балкам по бокам входа. Когда-то давно, едва дети «Солнечной Короны» превратили истощившуюся шахту в место игр и развлечений, взрослые под водительством наставника Горного Дела укрепили стены, своды и вход (хвала Белоре, не магией, а простой крепью – пусть и хороших, крепких пород), поставили зачарованные на отторжение всего неразумного устройства, после чего честно забыли сюда дорогу; если крепь когда и заменяли, то исключительно в бездетное межсезонье. Но уж точно не каждый год. Потому выбоины, щербинки и царапины на балках, обрамлявших вход, Вирр не удивляли – сколько всего в обе стороны перетаскали юные жители городка со времен последней починки! Однако, многие царапины были явно свежими, еще не потемневшими... И оставил их не крупный зверь и не нежить.

Отложив отгадки на когда-нибудь потом, Вирр направилась к Харману (эльфийке тоже захотелось взглянуть на *артефакты*), по пути нагладив Рилля, наобещав ему поутру толстых летучих мышей, хрустящих паучьих лапок или, на худой конец, стейков из рысей.

В самом дальнем от входа штреке обнаружился целый склад, поразивший не только Шаманку (никогда не видевшую «стока барахла зараз»), но удививший и саму Вирр, совершенно не припоминавшую такого скопления совершенно разных, странным образом подобранных предметов. Тем более в штреках; их редко использовали. Вечеринки и посиделки устраивали в главной зале – там было удобнее, а боковые короткие ходы чаще пустовали или выступали местами романтических уединений; исключая, конечно, те случаи, когда они служили лазаретами в Тролльских Войнах, лабораториями безумных магов-хум'аноре, кельями Хранителей Тирисфаля или альковами коварной и демонически-ослепительной Азшары. За без малого тысячу лет детских игр пещера, без сомнения повидала всякое и чем только ни была, но на памяти Вирр никогда до такой степени не захламлялась.

Теперь же здесь, в дальнем штреке, стояли кривыми, покосившимися стопками книги - и учебники, и пособия, и детские сказки, и исторические описания, и сборники легенд (Вирр задним числом припомнила, что как раз книг в осмотренном домике она и правда почти не видела); одежда – пожалуй, именно эта часть вещей была разложена на полу у стен наиболее старательно – в основном легкие летние наряды для детских возрастов; там и сям валялись игрушки – почти все для младших, прочные и несложные. У боковой стены стояла старинная картина из кабинета управляющей («Дети королевства Аратор(52) умоляют Магов кель'дорай научить их Волшебству Высших»), прикрытая помятыми рулонами настенных карт. И – никакого оружия, снаряжения, припасов; ни капли питьевой воды, открытой или закупоренной.

Представить, что кто-то из своих наташил все это за неделю до Вторжения, Вирр не могла (да и *незаметно* умыкнуть картину из кабинета невозможно; разве что намекнуть управляющей, что на восьмом тысячелетии Королевства пора уже открыть четвертый городок? Пещерный?). Предположить, что кто-то невероятным образом выжил в лесной бойне и тут прятался, устроив себе жилище, было куда проще, но отчего нет никаких следов жизни – ни места для сна, ни, пусть и давно испорченных, припасов? Да и этот полный беспорядок, откровенное неуважение к книгам, все разложено кое-как...

На ум Вирр стал вновь проситься таинственный условно грамотный огр с непростым син'дорайским детством: на сей раз его предполагаемое *жизнесказание* пополнилось еще одной строкой – как наводить порядок в комнате некий строгий воспитатель ему когда-то рассказал и даже показал, и юный ученик порядок действий не без труда усвоил, но вот понять, зачем это вообще нужно, оказался не в силах.

Все было непонятно, вопросы множились, ответы ускользали. Не Призрачный лес, а какой-то альманах загадок, сердито подумала Вирр.

Харману, заметив подошедшую эльфийку, быстро положила «Наставление в распознании растущей жизни Черных Лесов» поверх одной из книжных стопок и проявила повышенный интерес к фигурке воина-кель'дорай из *гибкого фарфора*, а затем, повертев ее в руках, поставила на место и принялась рассматривать карту высот Кель'Таласа «и земель прилегающих». Разложенные на земле платья она подчеркнуто оставляла без внимания, а Вирр, напротив, пригляделась к ним, надеясь распознать знакомые и найти хотя бы малейшую подсказку. Но увы: был ли этот загадочный собиратель девочкой или мальчиком – и то сказать было непросто. Даже одеяния взрослых син'дорай довольно схожи, отличаясь меж собой не столько покроем, сколько характером узоров и, как сказал бы наставник Тактики, *стратегическим расположением провокационных разрезов и вышивок*; но об одежде детской или подростковой и того не скажешь. А традиционные покровы Классов и вовсе одинаковы – и мантию Мага, и мундир Воина, и *скрадку-палатку* Охотника носят все Маги, Воины и Охотники, какого бы пола они ни были.

Впрочем, оказавшись на месте Вирр ее матушка, она с высоты немалого опыта светской дамы сразу бы сказала, что неизвестный – определенно не девочка, ибо трусики, комбинации, ленточки, чулки, подвязки и прочие *наиважнейшие* для хоть сколько-то осознавшей себя девицы предметы в этой коллекции совершенно не представлены. Тот факт, что, как минимум, ее собственная дочь материнской преданности «наиважнейшему» не разделяет, а нередко и вовсе им пренебрегает, Вирркина матушка уже который год старательно не замечала, как невозможный и мироустройству не подобающий.

Обернувшись и увидев Вирр с какой-то розовой курточкой в руках, Харману коротко фыркнула, умудрившись это сделать с некоторым превосходством. У Вирр мимолетно мелькнул хитрый план мести Харману за «дуру» и все прочее (довольно забавный по форме, но по сути - смертоносный и по зель'анорски жестокий); если та все же доберется до Элунарана, испросить орчицу в гости и, улучив момент, показать суровой дочери дуротарских степей всю утонченно-кружевную коллекцию почтенной Кориаль. Тут ведь главное, потом понять, как незаметно вытащить труп и куда припрятать - в Школе ведь еще не учили...

Тем временем, орчица, разгребавшая карты и не подозревающая о нависшем над ней справедливом возмездии, добралась до картины. Обозрев ее (и довольно внимательно), Харману хмыкнула и спросила:

- А тут ваши кого дурят?

Вирр охотно рассказала о запечатленном событии времен Трольских Войн, напомнив ей об упомянутых ранее долгах хум'аноре перед ее народом.

- Тебя послушать, - качнула головой Харману, - так вы, длинноухие, всех всему научили, ну прям всем старшие братья-опекуны!

- Так и есть, – несмотря на закипающую злость, выражению лица и осанке Вирр мог бы позавидовать покойный Король, будь он жив. Даже розовая кофточка казалась к месту. – Жаль только, что у Младших столь коротка память и скудна благодарность.

К счастью или нет, но что собиралась ответить Харману, так и осталось неизвестным (хотя ехидное выражение ее раскосых глаз и глумливая ухмылка наводили на мысль об ответе, весьма и весьма далеком от дипломатичного и сдержанного).

- КТО ЗДЕСЬ?! – прокатился по пещере откуда-то от входа очень громкий механический голос.

Не может быть, удивилась про себя Вирр. *Голем без заклатья определения личности?*

- Э-эт-то что за?.. – хрипло выдавила Харману и сглотнула. Вирр обернулась: наглого

задора на лице орчицы как ни бывало; только белые, остекленевшие от ужаса глаза и лицо, из густо-зеленого ставшее чуть ли не серым с равномерной прозеленью. - Д-демон?!

Она же никогда не видела наших Стражей сообщила Вирр. И уж, тем более, не слышала. Она отрицательно помотала головой, но Шаманка, похоже, этого и не заметила. Вирр вдохнула, выдохнула, сжала губы и потянула из ножен правый клинок – очень не хотелось давать свое оружие, пусть и не классовое, чужому – и, перехватив, сунула его в Харману в ладонь. Пальцы орчицы сжались; Харману вздрогнула, ее глаза моргнули и ожили.

- Ага... - только и сказала она.

Вирр осторожно выглянула в тоннель. Рилль как валялся на лежанке, так там и пребывал. Только приподнял голову, лениво рассматривая ночного гостя - у самого входа, перед полыхавшим костром, сияя привычными огоньками и бликующей от пламени золотистой броней, стоял охранный магический голем - привычная тигру, как и любому жителю столицы, «зеленоглазка». Стоял в странной позе; если забыть, что он всего лишь сплав механики и магии, руководимый волей зачаровавших его магов, могло показаться невозможное: точно Страж был готов в любое мгновение отпрянуть и убежать прочь.

Не отрывая взгляда от голема, Вирр сделала в сторону Харману предупреждающий жест («Тихо, не двигайся!») и, стараясь не делать резких движений, вышла из штрека. Но только на один шаг. Страшилки про неправильно заколдованных големов (или переколдовавших самих себя), конечно, глупости, кто бы спорил - ей уже не девять лет. И даже не одиннадцать. Но столкнуться с потерянным, брошенным и попросту разладившимся Стражем... Это тоже очень и очень не к добру; тут и Провидицей быть не нужно.

Не говоря уже о том, что тринадцать лет назад обнаружив в Чернолесье ор'анорэ, любой кель'дорайский голем поступил бы с ним более чем однозначно. У Вирр похолодели уши. *Только б Харману не высовывалась...*

- Я Виеринраэ, дочь Солнечных Бликов, - она старалась говорить громко, но ровно и четко; страх и неуверенность Страж мог почуять, а талассийским и лазутчики владеют. – Гражданка Кель'Таласа и Элунарана. Ученица «Солнечной Короны», Второй Отряд. Нахожусь на учебном задании. Прошу помощи и защиты.

Она перевела дыхание. Тихо щелкнула пальцами - Рилль обернулся – и подозвала его ладонью: «Будь рядом! Медленно!». Тигр недовольно поднялся (так ведь хорошо лежал!), неторопливо, как бы намекая, что он и не собирался ничего делать быстро, подошел и вопросительно поднял морду. «Жди», одними губами шепнула ему Вирр.

Голем безмолвствовал и – хвала Белоре - бездействовал.

- Слава Ре... кхм... Королю! – Вирр решила, что сбившийся голем или нет, а побольше правильных слов не помешает; хоть что-то голем, но поймет. Может быть...

То, что ответил голем, Вирр осознала не сразу.

- НЕ КРИЧИ. Я ТЕБЯ СЛЫШУ.

Я просто задремала у костра. Сейчас Харману меня разбудит, и слава Белоре, если я всего лишь проснусь с диким криком...

- ЗАЧЕМ ТЫ ВРЕШЬ? ТЫ СЛИШКОМ БОЛЬШАЯ ДЛЯ ВТОРОГО ОТРЯДА. КТО ТЫ?

- Я не вру... - скрывая обиду, сказала Вирр. – Я и правда была во Втором Отряде.

Просто прошло уже тринадцать лет.

- НЕПРАВДА! ОПЯТЬ НЕПРАВДА!

- Почему - неправда? – растерялась девочка. – А сколько тогда прошло?

- Я... Я НЕ... ЗНАНИЕ НЕДОСТУПНО.

- Я ВЭЛЛИ.

* * *

Сервэль не помнила, как это произошло.

Просто в какой-то момент все вокруг исчезло, а когда появилось обратно, вместо поляны, где Вэлли собирала травы для задания, она увидела совершенно незнакомое помещение без окон, стены каменной кладки, непонятные устройства, мраморный стол – совсем рядом; и тело девочки-кель’дорай на нем. Сперва с удивлением, а потом со все более нарастающей тревогой, поняла, что видит теперь все по-другому, как-то иначе; словно не своими глазами. Наверное, именно поэтому она не сразу узнала в лежащих на столе останках себя.

А когда узнала – тревога сменилась страхом. Только страхом странным и непривычным: он был где-то глубоко внутри, лишь в душе - ни озноба, ни дрожи; не давило в груди и невидимые руки не сжимало горло. Когда она поняла, что даже не дышит, попыталась вздохнуть – и не смогла. Она протянула руку к столу, чтобы коснуться; убедиться, что это все ей кажется – ничего этого нет, лишь иллюзия, чары, чья-то глупая, безумная шутка – и вместо своей руки увидела пластины золотистой брони, связующие кристаллы-суставы и огромные пальцы Стража.

Наверное, именно тогда она почти повредилась рассудком.

А быть может, и не почти.

Потом появился незнакомый Маг в лабораторной мантии без узоров и знаков Школы.

Нет, он не злорадствовал и не насмехался над ней. И на безумных изобретателей из страшных рассказов - как и на великих злодеев-друидов из древних легенд - был совершенно не похож. Истинный Высший – вежлив, аккуратен и изящен. И даже красив. Он просто изучал ее – заклятьями, устройствами постижения и еще чем-то, совершенно ей незнакомым. Иногда отступал на шаг и любовался своим творением.

По сути, он даже не разговаривал с ней – разве что иногда, как говорят порой увлеченные делом мастера с творением или инструментом. Лишь в тот самый первый день (или ночь?), когда Вэлли отчаянно умоляла дать ей умереть, Маг спокойно ответил, что она – слишком ценный образец и крайне удачный опыт, чтобы он мог позволить себе ее потерять.

Тогда она узнала, что не может причинить ему вреда; какое-то заклятье из колдовского плетения, дающее големам видимость жизни, не позволяло ей даже коснуться своего пытливого изувера. Как и послушаться его распоряжений.

Поизучав ее и поработав с устройствами, Маг ушел. Она же, по его воле, осталась стоять в лаборатории на своем месте неподвижно, все время глядя прямо перед собой, не способная ни оглядеться, ни даже просто закрыть глаза - Стражам веки не положены.

Она не знала, сколько еще прошло времени: ведь окон в лаборатории не было. Тогда ей показалось – вечность и еще кусочек к тому. Но в какой-то момент Маг вернулся и приказал ей следовать за ним. Как оказалось – работать вместе с другими Стражами: переносить тяжести, оберегать лабораторию и прочие всякие скучные и обыденные дела, на которые у Мага не было времени или желания. Но Вэлли и тому была рада: постой она застывшим истуканом в подземелье еще немного – и непременно бы окончательно тронулась умом. А так - даже однообразная работа позволяла хоть немного *не думать*. Ни о чем.

Потом пришли военные. Они говорили Магу об опасности; о том, как дорог каждый

день и о необходимости, как они сказали, *эвакуации*. Вэлли была рядом, она хотела закричать, рассказать им – но каждый раз, когда она пыталась произнести хоть слово, или даже просто подойти ближе, тело голема не подчинялось ей даже в малом, а сама она теряла мысль и забывала о намерении; ненадолго, но достаточно, чтобы оставаться бессильной. Маг был умен и предусмотрителен. Даже запомнить его имя (армейские обращались к нему) она не могла – звуки слышала, а осознать не получалось. О чем они договорились и убедили ли Мага, Вэлли не знала: отчаявшись дать о себе знать, она ушла прочь – ей уже было все равно. Тогда она еще не умела плакать. Не научилась заново.

А на следующее утро что-то случилось. Она поняла, что может сама, по своей воле, и покинуть лабораторию, и даже выйти за ту незримую границу вокруг нее, которую ранее не могла пересечь. Маг-экспериментатор пропал. Стражи остались; некому было давать им новые приказы и раздавать указания – трое по-прежнему обходили дозором уголья, один неподвижно стоял у входа, и еще один – у склада. Вэлли попробовала с ними заговорить, но быстро поняла – они *обычные*. Просто големы.

Решить, что же ей теперь делать, она не успела - появилась Плеть. Но тогда Вэлли не знала, что это именно Она. И про слухи о Войске Мертвых, ведомом Мертвым Королем не вспомнила. Ей было просто страшно. Она думала, что после *всего*, страшнее ей уже не будет. Оказалось иначе.

Она просто не подумала, что два десятка средней телесной нежити ничего не смогут сделать полудюжине Стражей. И случайный летучий отряд Плети ей показался неисчислимым полчищем. Вэлли не помнила, сколько дней или недель она бродила по лесу, натываясь на кишашую в нем нежить и убегая от нее; не замечая, что нежить сама старалась ее избегать – это она поняла не сразу. Тогда и подвернулась пещера; Вэлли не вспомнила о ней - просто оказалась случайно рядом.

Потом нежить исчезла. Почти. И Вэлли понемногу пришла в себя (не до конца, она и сама это понимала; мысли путались) но достаточно, чтобы хоть как-то определиться в своих намерениях.

Идти на полночь, искать выживших – зачем? Жить *такой* она не хотела. Мелькнула было надежда - если один Маг вырвал ее душу и заключил в Стража, то другой Маг сможет ее душу вернуть... Куда? В кого? Если только в зомби.

Ей настойчиво не давала покоя мысль: если *тот* Маг творил подобное - как поверить, что тем же колдовством не занимаются *другие* Маги?

После исчезновения своего мучителя, она начала замечать за собой странное: точно думает надвое. Как если бы ручеек ее весьма унылых и однообразных теперь мыслей обтекал некий посторонний, незримый и непонятный, неведь откуда взявшийся предмет. Одна часть Вэлли – та, чтобы была вроде как привычной - содержала бегающие по замкнутому кругу мысли, переходя – то постепенно и плавно, то внезапными рывками, от надежд к тоске и безнадежности; другая же ее часть (и ей не пришло в голову ничего лучше, чем мысленно назвать ее «*другая Вэлли*») была совершенно спокойна и полагала, что в данный момент их общая жизнь более чем действительна и совершенна: пропавший Хозяин дал задание, задание выполняется, и в окружающем мире вместо бессмысленного нагромождения сущностей и вещей (так «*первая Вэлли*» перевела для себя то, что «*другая*» видела как отвратительное, зловонное, угрожающее место) постепенно собирается красивый, теплый, приятный на вкус порядок. Думать первой «половиной» было чем дальше, тем все более тяжело и очень тоскливо, но Вэлли боялась, что в какой-то момент, вторая часть окончательно заглушит первую.

Она совершенно не знала, что ей делать.

Харману потыкала палкой в костер, помотала головой (видимо, собирая разбегающиеся мысли) и, наконец, смогла выразить все то, что у нее было на душе:

- Ну вы и... Вот уже теперь не знаю, как у вас тут, - обращалась она, скорее, к Вирр, а Вэлли еще откровенно побаивалась, - а у нас такое даже последние отщепенцы и с врагами не творят! А кто б творил – того к предкам, в жертву!

- У нас тоже таких судят! – тут же вскинулась Вирр.

- Ага, рассказывай, - протянула Шаманка. - То-то вот она, - она кивнула на Вэлли, - видела, как ваши воины с ним миловались.

- Они могли не знать!..

- А какие ж они тогда на свинячий!..

- ДЕВОЧКИ, – Харману и Вирр отпрянули друг от друга и одновременно замолчали, уставившись на голема, точно коты, на которых какой-нибудь раздраженный бессонницей и весенними концертами Маг начаровал добрую сферу ледяной воды; голос девочки-Стража подействовал не хуже. – ДЕВОЧКИ, НЕ ССОРЬТЕСЬ. ПОЖАЛУЙСТА.

- Да мы... Ну, это... - поперхнулась Харману.

- Дискутируем, – быстро дополнила, не сводя глаз с девочки-голема, Вирр. – У нас диспут.

- НУ ДА, – гулко ухнул голем. – КАК БЕЛОРЕ ЯСНО. Я ПОКА ВАМ РАССКАЗЫВАЛА, ДУМАЛА, ВЫ ПОДРУГИ. РАЗ ОР'АНОРЭ ТЕПЕРЬ ДРУЗЬЯ. А ВЫ...

- Ну, понимаешь... эээ... Вэлли, да? Понимаешь, мы только встретились. Вот прям днем. Мы...

- Мы только учимся дружить, – подсказала Вирр, торопясь успокоить депрессивного, застрявшего *в среднем детстве*, с явными признаками раскола души или одержимости Стража.

Кому рассказать, подумала она, *решат*, что я с весами не дружила(53).

Вэлли молчала, то ли внимая, то ли что-то обдумывая. Потом звуковая пластина снова заставила «подруг» вздрогнуть.

- ВЫ ВМЕСТЕ. ПОМОГИТЕ МНЕ.

Примечание к части

(51) Не считая, конечно, сохранившихся городских академических и школьных гербариев;

(52) Аратор – империя людей в землях Арати времен Тролльских войн; на картине изображен исторический момент, когда Маги Кель'Таласа прибыли в столицу Аратора и обучили первую сотню людей азам магических тайн; правда, момент этот эльфийским художником несколько _творчески переосмыслен_;

(53) «Не дружить с весами», означает употреблять кровопийку не точными рекомендованными дозами, а горстями и на глаз.

«Большой Альманах загадок. Последняя страница», часть вторая.

Вирр и Харману, не сговариваясь - словно подтверждая «искреннее» желание быть на дружеской ноге - переглянулись не хуже иных заединщиц. Лица у них обеих были откровенно растерянные; как незамедлительно выяснилось, девочку-Стража они поняли совершенно одинаково, хотя беспокоило их разное. И заговорили хором; ни дать, ни взять – шаманы Внутренних земель, почитающие Шадру(54).

- Да чем же нам тебя к предкам отправлять? Твою шкуру и топор-то...

- Вэлли, а ты не торопишься...

Тут обе замолчали, поняв, что говорят одновременно.

- Лан, - поморщилась Харману; вероятно, от несвойственной ей и откровенно непривычной уступчивости, - давай ты первая.

- НЕ НУЖНО ПОВТОРЯТЬ, – Вэлли явно не осознала всю жертвенность поступка орчицы и воспользоваться им Вирр не успела, - Я ВАС ОБЕИХ СЛЫШАЛА. ВЫ НЕ ПОНЯЛИ. Я О ДРУГОМ ПРОСИТЬ ХОТЕЛА. ОНА, - Вэлли указала на Харману, - ПРАВИЛЬНО СКАЗАЛА – ВЫ НЕ СМОЖЕТЕ МЕНЯ УБИТЬ.

- Хы... А сама себя? – деловито уточнила Шаманка.

- ТОЖЕ НЕ ПОЛУЧИТСЯ. ВЕРОЯТНО, – уточнила Вэлли, точно не была уверена до конца, - НЕТ ТОЧНЫХ ЗНАНИЙ. ТОТ МАГ НАВЕРНЯКА ЧТО-ТО ПРЕДУСМОТРЕЛ. КОГДА Я ПЫТАЛАСЬ СТУКНУТЬ ДРУГОГО ГОЛЕМА – ИЗ ТЕХ, ПРОСТЫХ – НЕ СМОГЛА. РУКА ЗАМИРАЕТ, НАМЕРЕНИЕ... - она помедлила, – УХОДИТ. ЗАБЫВАЕТСЯ.

Вирр согласно кивнула, соглашаясь с големной логикой.

- ИЛИ Я САМА НЕ СМОГУ. СТРАШНО.

Харману хотела было, по обыкновению и в согласии с традиционными орочьими убеждениями, немедленно высмеять слабость души и воли всяких длинноухих, даже тех, кто уже совсем без ушей, но дразнить и подкалывать железную махину, хотя бы и трусливую, поостереглась – в конце концов, для этого пока что рядом есть другая эльфийка, куда менее опасная и не настолько непредсказуемая.

- Я ВАС О ДРУГОМ ДУМАЛА ПРОСИТЬ. ВИРР, ВЫ ВЕДЬ СМОЖЕТЕ НАЙТИ ТОГО, КТО МНЕ ПОМОЖЕТ? КТО УГОДНО – КЕЛЬ'ДОРАЙ, ОР'АНОРЭ, ХУМ'АНОРЭ...

- Люди вам уже не друзья, - мрачно внесла Харману поправку в мечты Вэлли.

- НЕ ПОНИМАЮ.

- Ваши теперь с Ордой, - бухнула Шаманка. Вирр мысленно вздохнула: к тонкостям общения с душевно неуравновешенными малолетними эльфийками, к тому же, прожившими в отрыве от событий последних лет, Харману явно никто не подготовил, а сама она о таких мелочах явно не тревожилась.

- С ОРДОЙ?!

- Так получилось, Вэлли, - отняла ладони от ушей Вирр, - прошло и правда тринадцать лет... Когда вторглась Плеть – возможно, ты помнишь, в то лето ходили слухи о Армии Лича? – люди снова предали нас. На сей раз терпимость и снисходительность Совета и народа к... - она покосилась на орчицу, - к этому Младшему народу иссякла. Мы были вынуждены обратиться к Орде за помощью против общего врага.

- И не вы одни, - никак не унималась бессердечная Шаманка, - у нас кого теперь только не увидишь – и тебе эльфы, и тебе гоблины, и тебе нежить...

- НЕЖИТЬ?!

Харману закатила глаза – совсем как Отшельник. Вирр же на этот раз (помянув, в

сердцах и не сдержавшись, все тучи, когда-либо застывшие Белоре), ладони опускать не торопилась: ей настойчиво казалось, что сделай она это - и ее уши напрочь отвалятся, упадут на каменный пол и в ужасе ускачут из пещеры куда подальше.

- Вэлли! – выдохнула она. - Во имя... кричи пожалуйста *потихше!* А ты не пугай ее! - это уже к орчице.

- Ма-алчу, - развела та руками, - как, эта, рыба. В котелке!

Вирр отнеслась к орочьим обещаниям со здравым недоверием, но, в силу необходимости проявлять к *этому союзнику* и терпимость, и снисходительность, промолчала. Только покачала головой, не понимая, за какие такие грехи Небесное Око к ней так несправедливо? Побег из дома – это все-таки как-то маловато: не к лицу сияющему божеству так мелочиться...

- Вэлли, в Орде не вся нежить, какая есть. А только разумная, – устало сказала она и внутренне сжалась, ожидая очередного торжества механики и магии звука, но прикрывать уши заранее постеснялась.

- РАЗУМНАЯ? – *просто* громкий голос девочки-голема на фоне всех предыдущих ее возгласов показался Охотнице тихим и нежным, едва ли не чарующим шепотом. - А ТАК БЫВАЕТ?

- Я не знаю, как это возможно, Вэлли. Неверное, никто не знает, кроме них самих. Дипломаты в отчетах писали, что когда Ненавистный был то ли ранен, то ли ослаб, некоторые из Плети осознали себя. И отказались ему служить. А из самых первых была Сильвана, она у них сейчас и правит.

- СИЛЬВАНА... ОНА ПОГИБЛА?! – еще тише големы (даже с девочками-син'дорай внутри), говорить не могли даже при полном старании, но для Вирр слова Вэлли прозвучали так, словно были сказаны потрясенным, полным отчаяния шепотом.

- ОНА НЕ МОГЛА. НЕ ОНА. НЕТ, – твердила Вэлли, а Вирр, хоть и чувствуя вину за то, что и сама не очень-то хорошо справляется с введением в окружающую современность без душевных потрясений выпавшей на тринадцать лет из нормальной жизни подруги, тем не менее, втайне порадовалась: впервые с момента встречи Вэлли печалится *не про себя*. В «Наставлении для наставников» сказано – это хороший знак.

- Вэлли, погибли многие. Она – одна из первых. Она же всегда была первой – во всем, ты же помнишь.

Вэлли дернулась, скрежетнула – видимо, забывшись, в первый раз за все эти годы, попыталась кивнуть – и просто ответила: - ДА.

- Но сражалась она отважно, как и всегда, - добавила Вирр, глянув на Шаманку, опасаясь, что та все-таки встрянет не к месту и подаст голос, настаивая на чем-то вроде «высушить сопли» и требуя вернуться к делу; но та сидела тихо, слушала с явным интересом.

- КЕМ ОНА СТАЛА?

- Баньши, не вурдалаком. Но какой-то особой баньши, телесной. Я слышала, взрослые говорили, обсуждая слухи из посольства – она вроде бы и не сильно изменилась, по крайней мере - внешне. Я пыталась искать в свежих архивах, но про нее *поднявшуюся*, и про ее Отрекшихся - это так разумная нежить себя называет - почти ничего не нашла. Вроде союзник, а вроде и нет его. Ну ты же знаешь... - Охотница хотела сказать «...наши власти» но, сообразив, что тут не отрядный костер, где все свои, и не уютный подвальчик, где и вовсе только близкие друзья, а рядом совершенно посторонние и вовсе не син'дорайские уши, язычок быстро прикусила.

- ВИРР, - попросила Вэлли, - РАССКАЖИ, ЧТО У НАС ЕЩЕ СЛУЧИЛОСЬ. Я ВЕДЬ МНОГО ВСЕГО ПРОПУСТИЛА, ДА?

- Многое, - вздохнула Вирр, - так все и не расскажешь.

- А КУДА ВЫ ТОРОПИТЕСЬ? ВСЕ РАВНО НОЧЬ. НОЧЬЮ ОПАСНО ХОДИТЬ – ВЫ ПЛОХО ВИДИТЕ В ТЕМНОТЕ.

Вирр еще раз вздохнула, но про себя: то, что живым иногда надо спать, Вэлли явно успела накрепко позабыть.

- А ты че, и в темноте видишь?! – подала голос «рыба из котелка».

- ДА. ТОЛЬКО НЕ ТАК, КАК... НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ. ВИЖУ, НО ИНАЧЕ.

- Везет... - завистливо проворчала было Харману, но под взглядом Вирр осеклась. К счастью, Вэлли то ли не заметила ее откровенно неуместных завидок, то ли ее сейчас интересовало совсем другое.

- РАССКАЖИ, ВИРР. Я ПОНИМАЮ, ЧТО БУДЕТ ГРУСТНО. Я НЕ БУДУ КРИЧАТЬ. ГРОМКО... - добавила девочка-Страж.

И Вирр (а куда деваться? ведь выспаться можно и потом) рассказала с самого начала - с того дня, как заметили пропажу Хранительницы - и до дней настоящих; стараясь, как могла, не лгать, но острые углы и всякие шероховатости, по возможности, сглаживать - хотя, как тут сгладить? Как рассказать Вэлли (и при том *не огорчая*), что вся ее семья погибла и теперь она, Сервэль, хоть и *железная*, но последняя из Утренних Лучей и единственная?

Никто не прерывал ее - Вэлли, не то что не шумела, а вообще стояла молча и неподвижно, точно настоящий, да еще и обессиленный, Страж; Рилль делал вид, что дремал; Харману же, на удивление, замечаний – даже не ехидных - избегала, всю наострив *несиндорайские* уши.

...Так, постепенно, слово за слово, происшествие за событием, Вирр дошла до прошлой ночи, а точнее – впервые решилась упомянуть перед стальной подругой Клятву и все, что с ней вышло. А рассказав, рискнула идти до конца – развязала рюкзачок и вытянула на свет костра саму Книгу. При виде ее Вэлли дернулась, потянулась руками, но остановилась и снова замерла.

- Это ты... написала? – Вирр раскрыла книгу на том самом развороте (не полагается при чужих, покосилась она на Шаманку, ну да сейчас не до этого).

На этот раз, явно помня, что шеи у нее нет, и голову отвернуть не выйдет, Сервэль Утренний Луч, потопталась на месте и, полязгивая, просто развернулась прочь.

- Я. Я... Я БЫЛА ОБИЖЕНА. ЗЛА. ВСЕ И ПРАВДА ЛОЖЬ. БЫЛА ЛОЖЬ. И «СПИ СПОКОЙНО» ЛОЖЬ...

Жаль, подумала Охотница. Гипотеза о грамотном огре, не чуждом учености, живописи, детских считалочек и прочих сокровищ кель'дорайской культуры было чудо как хороша. Вирр вздохнула - уж куда лучше сквернящей Книгу ее же Хранительницы... Но отчитывать и позорить Вэлли за совершенное (пусть и совсем недавно) было бы последним и не самым разумным делом. В «Наставлении» сказано: если проступок привел к ущербу и страданиям преступившего – прояви к ослушнику заботу и милосердие; раскаяние в свершенном придет само. В общем-то, поразмыслила девочка, случай почти подходящий. *Да и раскаяние явно даже сквозь големову броню заметно*

- ...И «КЕЛЬ'ДОРАЙ НЕ ОБИЖАЮТ КЕЛЬ'ДОРАЙ» ЛОЖЬ...

Ну, мысленно себя поправила невольная наставница (она же временная Целительница Душ), *почти заметно*.

- ...И «ДЕТИ НЕПРИКОСНОВЕННЫ» ЛОЖЬ... - продолжала монотонно и гулко девочка-Страж.

- Вэлли... - окликнула ее Вирр.

- ...И БЛАГОРОДСТВО ВЫСШ...

- ВЭЛЛИ!.. – рывкнула Вирр, едва не заглушив голема. Затем перевела дух, и огляделась.

Сервэль осеклась на полуслове. Рилль укоризненно отыгрывал сценку «будить котов нехорошо». Харману смотрела... Нет, не с испугом, конечно (вероятно, весь запас неожиданных страхов она сполна растратила при первой в своей жизни встрече с големом), но на Вирр, впервые на ее памяти повысившую голос – оскаленную Вирр с прижатыми ушами - Харману глядела с некоторым сомнением и пересмотром своей будущей тактики насчет всяких ехидок и подколок.

Вирр повернулась к подруге. – Все это не ложь. Взрослые сделали все, что могли – и большинство погибло, защищая нас. Вспомни наши летописи. Всегда случались преступники и отступники – иначе Законы были бы не нужны. Всегда был... всегда возможен враг, которого не одолеть - по крайней мере, сразу и без потерь. Если ты так говоришь, ты, с которой случилось несчастье, но которая все-таки, несмотря ни на что, жива! - что же должна бы сказать тебе твоя Семья?

Вэлли молчала.

- Сервэль Утренний Луч, *старшая из своего рода*, ты просила о помощи?

Тишина затянулась настолько, что Вирр стала всерьез опасаться, не ушла ли бедная Вэлли в себя окончательно.

- ВИЕРИНРАЭ СОЛНЕЧНЫЙ БЛИК... - вспомнила наконец этикет Вэлли, - **МЛАДШАЯ ИЗ СВОЕГО РОДА?** – неуверенно (тринадцать лет – срок достаточный) предположила она. Вирр кивнула.

- Я ПРОСИЛА ТЕБЯ О ПОМОЩИ.

- Я, Виеринраэ Солнечный Блик, исполню твою просьбу. Я найду того, кто тебе поможет. Я найду того, кто презрев Закон и осквернив Высокое Искусство, надругался над тобой. Как младшая в роду, я говорю только за себя; обещание - на мне.

Вирр быстро глянула на Харману – та наблюдала совершенно серьезно и без ухмылок: разговор перешел в определенную, совершенно понятную ей, орчице, плоскость, где все было значимо, а шутки – неуместны и кощунственны.

- Я, СЕРВЭЛЬ УТРЕННИЙ ЛУЧ, СТАРШАЯ В РОДУ, ВЕРЮ ТЕБЕ И ПРИНИМАЮ ТВОЕ ОБЕЩАНИЕ.

Не видать мне дома в этом столетии, подумала Вирр. *По крайней мере, заточение за побег и слушание откладывается.*

- Гхм... - прочистила горло Шаманка, - Сервэль... ты, это, вот что скажи. В твое время, ну, пока ты живой длинноухой была, учили наш язык?

- ДА, – подсветила орчицу светом своих глазниц Вэлли. *Жаль, невольно подумала Вирр, зеленое на зеленом, конечно, гармонично, но не смотрится* – **КОНЕЧНО. ЯЗЫК ВРАГА НАДО ЗНАТЬ. ИЗВИНИ.**

- Да че, кто бы спорил! - согласилась Харману, - учила – эт' хорошо...

- Ты о чем? – удивилась Вирр совершенно странному повороту темы.

- Да погоди ты, - отмахнулась Шаманка, вставая, - сама все поймешь.

Орчица потянула из-за пояса доверенный ей Вирр клинок, поморщилась, разглядывая его, точно видя в первый раз, вздохнула с выражением на лице «пива не дали – сойдет и кумыс», обхватила лезвие свободной рукой и рассекла ладонь, смочив клинок кровью.

- Я, Харману рода Бхорр, - вероятно, впервые под этими сводами звучала орочья речь, - говорю перед Великим Волком и волками рода Бхорр, что помогу тебе, Сервэль из рода Утреннего Луча, в твоей беде и отомщу за твою обиду, а если погибну – долг мести на тебя не ляжет.

- Звиняйте, - ухмыльнулась она, вытирая лезвие о штаны и зализывая рану на ладони,

- ну никак на вашем нельзя – иначе силы клятве нету.

- Это не твое дело, - отчеканила Вирр, стараясь держать себя в руках. – Это дело син'дорай.

- Не-а, – помотала головой Харману. – Она, - Шаманка кивнула на девочку-Стража, - просила о помощи нас обеих, эт' раз. И два – уж до столько мы, поверь, считать умеем - клятва уже дана; и захочу отступить, тебя уважить – ну никак не смогу. Придется меня убить. Драться будем?

- ДЕВОЧКИ, НЕ ССОРЬТЕСЬ. НЕ НАДО ДРАТЬСЯ. ВИРР, ПУСТЬ ХАРМАНУ ТЕБЕ ПОМОЖЕТ. ОДНОЙ – ТРУДНО... - почти вздохнула Вэлли. И уже к орчице – ХАРМАНУ ИЗ РОДА БХОРР. Я, СЕРВЭЛЬ УТРЕННИЙ ЛУЧ, СТАРШАЯ В РОДУ, ВЕРЮ ТЕБЕ И ПРИНИМАЮ ТВОЕ ОБЕЩАНИЕ.

Не желая нарушать торжественность момента – принесение клятвы о помощи роду с ней до сих пор не случилось – Вирр, мысленно пересчитала полоски на шкуре Рилля. Верно говорят – все истинные варвары скоры на решения, потому что не любят думать, и этикет для них – что пустой звук. Чтоб ей клыки обломать, вредине зеленой!

Примечание к части

(54) Shadra, также Elortha no Shadra, «Паучья богиня» (зандали/тролльск./), демон в облике гигантского паука, почитаемый дикими троллями племен Увядшей Кору (Witherbark) и Занадалар (Zandalar), обитающих, соответственно, в Нагорьях Арати (Arathi Highlands) и во Внутренних Землях (Hinterlands); одна из изначальных богов тролльского пантеона.

«Искусство агрессивной археологии»

- Добился-таки своего, каб-бан недоенный, - негромко цедила Харману, пиная на ходу ветки, мелкие камни и не успевших убраться с ее дороги неторопливых членистоногих, - чтоб ему все клыки обломать! Теперь уж точно весь Азерот придется обойти – и к ветухам не ходи! Нет, ну как знал, а, ведь как знал, байбак премудрый!

Вирр ворчания орчицы слушала, что называется, в треть уха: после пары часов непрерывных и затейливых восхвалений непростых качеств ее шаманского наставника этот «обряд почитания» как источник этнолингвистических познаний себя изжил и стал неинтересным - Харману начала повторяться.

* * *

Пещеру они покинули далеко за полдень: сперва потребовалось хоть немного выспаться, затем тигр со всей настойчивостью припомнил обещанных ему под утро лапок, стейков и толстых тушек летунов, пауков или рысей, всем видом давая понять, что согласен на любое сочетание из упомянутого – а найти в Призрачных относительно живое и хотя бы условно съедобное - как и убедить его расстаться и с лапками, и с тушками - было двум девочкам (Вэлли, в силу неспособности передвигаться аккуратно и тихо, от охоты отстранили) вполне по силам, однако тоже требовало времени. Затем, ублажив Рилля и позавтракав – или, уже, скорее, отобедав? - тем, что после него осталось, наскоро держали совет: все трое вспоминали, кто что о Магии душ знал, читал или, в случае Шаманки, хотя бы слышал от старших - орчица от книжных наук твердо отреклась, на черном глазу заявив, что в степи книжки годятся лишь для одного, «но вам не скажу, будете высокородные рожи кривить». Вирр, помнившая ее интерес к натасканным Вэлли книгам, решила игру не портить – сейчас не до глупостей.

Идти с Охотницей и Шаманкой девочка-Страж отказалась сразу и окончательно. Попытки Харману уговорить ее присоединиться к походу успехом не увенчались, несмотря на немалые старания: орчица пыталась быть вкрадчивой, брала в лоб на эльфийскую гордость и даже давила на то, что можно было - с некоторым снисхождением - назвать логикой («ну вот найдем мы кудесника, так его чего – сюда тащить?»). Сервэль была тверда как... голем. Вирр ее понимала – дело не в трусости (места пострашнее Призрачных, несомненно, существуют, но их еще надо найти). Она, в отличие от Харману, хорошо помнила причину, по которой последняя из Утренних Лучей так и не вышла к своим – так-то безумный экспериментатор был вроде как один, а узнают все, кто не без глаз и ушей, что можно творить *такое*, кто знает, сколько таких лабораторий Городской Совет создать пожелает? Время тяжелое, враги повсюду, оборону – и желательно, активную и наступательную - крепить надо. И хорошо, если добровольцы найдутся, а то ведь... Долг син'дорай и гражданское сознание, конечно, долгом и сознанием, но боевого могущества своей державе ценой *естественного* существования своей давней подруги, Вирр пожелать - и уж тем более, допустить - ну никак не могла.

Знаний о востребованном направлении магии у девочек - двух живых и одной стальной - оказалось маловато, что было вполне естественно: с душами практиковали лишь Варлоки. Для син'дорай, как и ранее для кель'дорай, этот класс был в новинку, перенят у Орды (точнее, у орков), а записи о ранних и затерянных в прошлом опытах Высших в демонологии и *душервании* (как и их результаты) слишком долго были под

запретом и властями рассекречивались неохотно и с препонами, благо на авторство, по крайней мере, официально, уже претендовать никто не мог. Орочьи же Варлоки были достаточно замкнутым сообществом и не рвались делиться знаниями и положением своих дел не только с союзниками по Орде, но и со своими соплеменниками (из-за чего, как сдержанно поведала Харману, с ними случались "всякие тёрки даже у Тралла").

Посему совет, едва начавшись, завершился быстро подытоженными выводами. Первый был прост и конкретен: надо добраться до Оргриммара - именно там, как известно, жили и практиковали самые старые и искусные Варлоки Орды. Второй же вывод был, напротив расплывчат, хотя - при возможной удаче - и многообещающ: Подгород(55) - подземная столица Отрекшихся под руинами столицы Лордерона. Самый молодой из народов Азерота, в силу своей некросущности, как скоро оказалось, обладал неожиданными, а порой и просто невероятными с точки зрения живых возможностями (а еще больше им приписывала молва). В науках, особенно алхимии и, как ни странно, целительстве (и вообще всем связанным с живой материей) они двигались своими, особыми дорогами, быстро догоняя Старшие народы, соперничая с последними даже в такой, казалось бы, исключительно и традиционно гномо-гоблинской дисциплине, как приручение силы молний (причем, как припомнила Вирр из прочитанного в свежих архивах, безо всякой магии – на одной механике). Даже если бойкая союзная нежить и не знала до сего момента ничего о переносе душ и контроле над ними, то никто не поручился бы, что узнав о *принципиальной* возможности, кто-то из мастеров быстро набирающего силу Королевского Фармацевтического Общества(56) не измыслит способ. А Харману, покопавшись в памяти, к сказанному присовокупила, что слыхала, мол, будто бы мертвецы-алхимики и всякую живность у себя в бочках растят, и не плесень какую, а такую животину, что обычно от отца у матерей рождается, но, заметив, как радостно загудела Вэлли, тут же, нехотя, уточнила – «болтали в кабаке по пьянке, и за правду на волчьей лапе не скажу».

Оставалось только решить, куда именно стоило направиться поначалу, но выбор непосредственные участницы похода единодушно решили оставить на волю случая и исходить из доступных на тот момент возможностей: к тринадцатому году членства син'дорай в Орде сообщения с землями орков и Отрекшихся были регулярны и доступны не только военным и дипломатам, но благотворительными не были: путешествия не по должности или поручению, а по своей воле и прихоти требовали от путешественников некоторой - пусть и не запредельной - наличности. А Вирр, покидая родную спальню, своими скромными, полагающимися ей от семьи «на булавки» суммами не озаботилась, справедливо полагая, что в Призрачных деньги ей не потребуются; да и Харману, как выяснилось, путешествовала исключительно, как она выразилась, *по-шамански* («духи укажут, боги пошлют») – то есть дорожных сумм не имела, перебивалась случайными заработками (отчего, вероятно, путь ее от Дуротара до Кель'Таласа и занял едва ли не год с небольшим) и настаивала, что «вы, обе-две, ни хвоста не чуete, у нас, шаманов так принято»; Вэлли же, бродя по опустевшим местам детства, подбирала книжки и игрушки, платья и безделушки, но и в мыслях не имела искать кошельки и потрошить ювелирные шкатулки. Так что о средствах экспедиции предстояло озаботиться в процессе самого похода.

И, ко всему прочему, не стоило забывать: хотя стационарный телепорт в Подгород (бесплатный для служащих и платный для досужих граждан) и находился в Элунарane, а Королевская... то есть, теперь *государственная* станция ездовых дракондоров с которой, пусть и с пересадками, можно добраться до Тирифальских Лесов, считай еще ближе - на окраине Транквиллиона, но как минимум Вирр и в Столицу, и в местный гарнизон путь

был заказан: за уши отловят и домой под надзором возвратят. Долг помощи рода роду, конечно, для каждого син'дорай священен, и узнав о нем, Вирр, по меньшей мере, отпустят (пусть и сообщат родителям), но вот беда – Вирр будет обязана назвать имя рода, которому поклялась; а Утренние Лучи уже десять лет как все официально мертвы, значит - придется рассказать о Сервэль. А с этим торопиться, по уже упомянутым причинам, Вирр не хотела.

Впору было пожалеть, что хваткие гоблины до сих пор не отстроили в Призрачных свои причальные башни (справедливо, в общем-то, полагая, что такая дыра затрат на строительство не окупит); этим-то все традиции и обычаи (а, поговаривали, и законы) прочих народов были интересны не более, чем рыбам навигация, и на борт своих дирижаблей они взяли бы не то что беглянку-син'дорай, но и самого Ненавистного – конечно, случись он при деньгах.

По всему выходило, что девочкам придется добираться до Тирисфалья морем, вдоль закатного побережья – если, конечно, повезет заметить с берега каботажный *несиндорайский* корабль и убедить капитана (или владельца) взять случайных пассажиров (изобилие обитающих на песчаных отмелях полуразумных земноводных тварей в данных обстоятельствах как опасность и препятствие можно и не воспринимать); и это в самом лучшем случае. О худшем думать и вовсе не хотелось – попасть по суше в Королевство Сильваны можно было лишь старым, еще во времена Тролльских войн проложенным трактом, ведущему из теперь уже Призрачных земель, через Талассийский перевал и далее - в королевства хум'аноре... вот только со времен последней войны полуденные земли между Кель'Таласом и владениями Отрекшихся оставались под нежитью Плети. Пересекать их вдвоем, не будучи великими воинами (хорошо бы с опытом сотни-другой лет), магистрами-Магами (желательно главами Направлений) или, на крайний случай, обученными и отслужившими десяток сезонов Следопытами было бы поступком, несомненно, достойным сюжета героической пьесы времен Основателей... вот только, скорее всего – очень короткой. И самое печальное: чтобы даже этот трагический сюжет сложился, подозрительных путешественниц (в первую очередь, опять-таки, саму Вирр) еще должна пропустить приграничная Стража перевала.

Все эти препятствия на совете были изложены и учтены. Харману печали не поддавалась, смотрела мулгорским орлом и с шаманской непробиваемостью утверждала, что «путь выведет, судьба подскажет, а если что – духи намекнут»; Вэлли мужественно заявила, что она ждала тринадцать лет – подождет еще сколько потребуется, Вирр же, по ходу обсуждения – то ли не обладая орочьей верой в судьбу, то ли просто куда лучше Харману представляя себе охрану границ с Чумными Землями(57), сами Чумные Земли, равно как и отсутствие вдоль закатного побережья сплошного потока судов, идущих в Тирисфаль – откровенно приуныла. Вернуть Вэлли обещание (даже не будь тут Шаманки) было невысказано и недопустимо, а исполнять его, как по всему выходило, ей, Виеринраэ из Солнечных Бликов, придется исключительно после отбытия наказания, достижения совершеннолетия и испытания мастерства (это если к нему вообще допустят). Поняв, что если споры и планирования продлятся еще хоть чуть, она начнет и вовсе недостойно сожалеть о необдуманно взятом долге рода роду, Охотница настояла на спешных сборах и скором отходе, обосновывая нетерпение желанием достичь безопасных мест (хотя бы окраин Транквилла; в самом городке маячить не стоило) до темноты. Если, конечно, добавила она ехидно, Шаманка сегодня вообще собирается покинуть пещеру.

Вэлли, не дав Харману отыгаться и разжечь очередную перепалку, спохватилась и

громогласно предложила подругам еще раз посмотреть ее «залежи артефактов», поискать чего-нибудь полезное, обязательно взять карты и вообще – чего-нибудь на память и на удачу.

Из полезного вообще в големовой пещере на взгляд Вирр были только учебники, а из того, что могло действительно хоть как-то пригодиться в дороге – разве что карты, да и то, лишь землеописательные: вторжение Плети и последовавшие за ним годы непрерывных и повсеместных войн и столкновений изменили старые границы куда сильнее, чем былое противостояние Орды и Альянса.

Поразмыслив, девочка - частью из безнадежного упрямства, а частью - как там говорил Полтораух о заведомо невыполнимых (или кажущихся таковыми) заданиях? - «*Берёшь и идёшь; обсудишь, когда выполнишь*» - пополнила свой рюкзачок картой рельефов королевств хум'аноре (по ней в Школе изучали фортификацию на примерах Тролльских войн), решив, что, само собой, самих королевств с десятков лет как нет, но реки и холмы в ближайшую пару тысяч лет никуда не денутся. Потом подумала и – сходить с ума надо последовательно! – добавила стилизованный под портулан(58) прежних времен морской план(59) закатного побережья. Забавные дракончики по краям карты ей даже немного подняли настроение.

Книги манили, но все, какие хочется не унесешь – рюкзак не бездонный, да и в дороге каждая лишняя унция отзовется – а выбирать... По уму, больше ничего брать не стоило, да и по чести сказать, нечего. Но, чтобы не огорчать Вэлли (да и удача им с Харману теперь ой как потребуется!), взяла наугад из кучи безделушек какую-то мелкую вещицу – не то ожерелье, не то кулон; звенья были крупные, а центральный синий камень - лишь немногим крупнее.

Орчица с картами согласилась, почти шутливо попеняла Вэлли, что та не припасла хороших, *правильных* орочьих топориков, а «на удачу», сдержанно и чуть ли не робко попросила глянувшуюся ей фигурку воина; при этом стараясь не смотреть на Вирр, хотя та насмешничать и не думала: с удачей не шутят – себе же хуже - а талисманом ведь что только не бывает; лишь бы помогал. А Вэлли выбор орчицы просто-таки умилил, за что Харману пришлось выслушать краткую лекцию о том, как было непросто даже в Столице собрать полную, *правильную* коллекцию. Видя страдания своей невольной *сестры по оружию*, Вирр пришла на помощь и отвлекла Сервэль вопросом об ожерелье; оказалось, девочка-голем нашла его не в «Короне», а примерно в паре миль к полуночи от «Солнечной Дымки».

На прощание Вэлли потянулась погладить Рилля; тот вытерпел, но морду скривил –двигающиеся железки он не жаловал.

Наконец, к облегчению Вирр, они выступили.

Зенит тусклое светило уже давно миновало.

* * *

Как еще вчера Вирр начала рассказывать Харману (и сейчас она собиралась, со второй попытки и невзирая на орочьи ворчания, довести этот урок землеописания до конца), от Транквиллиона озеро Элрендар и прилегающие к нему леса отделяла гряда довольно высоких холмов, уже которое тысячелетие слывущих среди ученых-син'дорай явной *аномалией* (Вирр, снисходя до союзника из Младших, назвала это «отклонением и несоответствием»), так как имели вид и происхождение несомненных предгорий, но располагались слишком далеко от гор. Из них троих (считая Рилля) пересечь их по

прямой, то есть поверху, смог бы разве что Рилль (это если бы он очень захотел; но коты не ищут сложных путей), так что холмы предстояло миновать либо с полуночи, либо с полудня. Полночь, как они с Харману вчера определенно выяснили, была полна некронерубами и связываться еще раз с ними никому из них не хотелось (даже Риллю). Полуденная сторона холмов располагалась слишком близко к ставке Следопытов, и пройти там, не попавшись, было, как утверждала Вирр, маловероятно. Прервав перечисление с описанием затейливых любовных привычек старого шамана (детали, к слову, были столь подробны, что Вирр испытала мимолетное искушение спросить орчицу, не из первых ли рук она о них узнала), Харману согласилась, что куча длинноухих с луками, ясное дело, несколько лучше кучи *дохлых глоде*, но ненамного, да и скорой поимки соплеменниками и бесславного конца их предприятия она подруге не желает. Убедившись, что полночь и полдень отвергнуты почти единогласно (Рилль воздержался), Вирр предложила единственно возможный вариант – пересечь холмы изнутри и насквозь, через древние катакомбы, некогда служившие троллям Аmani некрополем...

- Чем-чем?!

Вирр вздохнула. Мысленно.

– Мертвых своих они там хоронили.

- Во, вот так бы и сразу...

- Благо ближайший вход, - продолжала Вирр, - совсем рядом.

- А мы там не заплутаем? – засомневалась Харману.

- Не должны, - ответила Вирр.

- Ты сама там хоть раз-то бывала? – заметив ее неуверенность, нажимала Шаманка.

- Нет. К сожалению, - честно призналась Охотница, - мы всем отрядом хотели туда сходить, и сводить нас наставники хотели, но... там работали археологи, ну, наши ученые, изучающие прошлое, - торопливо пояснила она, не дожидаясь от орчицы очередного «кого-чего», - и они воспротивились. Сказали, будем мешать. – Было видно, что об упущенной возможности девочка сожалеет до сих пор. - Но я план в книге видела – там все устроено просто, один сквозной тоннель и множество боковых ответвлений и камер; это же не дварфийская(60) казна, и не гробница царей тол'виров(61) с погребальными сокровищами – зель'анорэ туда раньше часто ходили, для ритуалов и почестей предкам. Даже если были в могилах хоть какие-то ценности – с их точки зрения, конечно, - то ловушки и лабиринты там без надобности: тревожить могилы, по крайней мере, раньше, у них было запрещено.

- Ну да, - хохотнула Харману, - а потом уже ваши пришли и не стремясь, грабили!

- Изучали! – процедила Вирр. *Интересно, сколько я ее выдержу*, подумала эльфийка, почти всерьез размышляя, поверит ли застрявшая в детстве Вэлли (случись Вирр вернуться с победой), что с Харману в их опасных и непредсказуемых скитаниях – совершенно случайно! – случилось что-то нехорошее. Например, оголодавший тигр?

- Лан, не злись, ну че я такого сказала, правду же! – продолжала Шаманка, - когда одно племя другое под хвост и в холку *лежит*, то завсегда их святыни рушит - от веку так было! Ты вот лучше чего мне скажи: раз там ваши гра... ы-ы-ы, *археологи* трудятся, может они и света какого магического навтыкали? А то ведь факелов у нас... Аль на ощупь поползем? Или вон, тигра наш проведет, коты, они и в темноте бегают.

- Когда трудятся, тогда освещают, - Вирр смиренно оставила бесполезные попытки разъяснить невежественной орчице *принципиальную* разницу между изучением гробниц и их грабежом и пропустила (пока что!) мимо ушей «нашего тигра», – не знаю, работает ли сейчас там кто-нибудь. Син'дорай не хватает; я слышала, экспедиции теперь посылают в... В общем, в другие места.

О том, что Реликварий после войны усиленно ищет боевые артефакты Древних, и в первую главу – в Ульдамане, Ульдуме и Ульдуаре(62), в Столице и даже на окраинах Кель'Таласа не слышали, вероятно, только затворники, и при том накрепко заткнувшие себе уши; но Вирр положила себе и вражеским, и *дружественным* шпионам работы не облегчать.

- А с факелами что-нибудь придумаем, - продолжала девочка, - я пока к городку пробиралась, видела смолистые деревья (*по крайней мере*, поправилась она мысленно, *смолистыми они выглядели*). Вот то, что ткани лишней нет, это плохо. Надо было раньше сообразить, и у Вэлли из ее вещей выпросить, а я не подумала... Это я виновата, - честно признала она.

Жертвовать сменное белье, взятое на одну перемену и исключительно на крайний случай (кто же знал, что исполнение Заговора так затянется) Вирр *очень* не хотелось.

- И что б ты без меня делала! - Харману остановилась и завопилась: то ли крючки расстегивала, то ли развязывала мешок. Вирр недовольно (и так много времени потеряли!) обернулась и увидела ухмыляющуюся орчицу, торжествующе помахивающую каким-то парадным детским платицем, определенно (откуда бы еще ей его взять?) из покинутой пещеры.

- А чего? Вэлли ж сказала – берите чего потребуется. Вот оно и потребовалось, скажешь, нет?

- Не скажу, – коротко согласилась Охотница, злясь на спутницу, скорее, не за взятое у подруги без спроса, а оттого, что не озаботилась о тряпках (которым в походе всегда найдется применение) сама.

- Тогда ищем смолу! – бодро подытожила гра... то есть, самоназначенный *интендант*.

* * *

Рилль недовольно пофыркивал в усы: катакомбы Амани ему не понравились – было тесно (для тигра), затхло и пахло пылью. И чем-то еще – определенно для тигров неприятным.

- Чуешь тут нежить? – тихо спросила его Вирр, на что Рилль чихнул и ответил ей недоуменным, почти укоризненным взглядом, как бы намекая, что проще спросить, где тут, в Призрачных, он нежить *не* чуёт.

- Так мертвятник, чё, - задумчиво поддержала Рилля Харману, поднимая повыше зажжённый факел (она сама вызвалась их нести, объяснив, что ей для клинка хватит и одной руки, а луку эльфийки все-таки потребны две) и пытаясь рассмотреть свод и оценить его прочность. – Тут костяков небось, хотя б и лежачих – как в трактире выпивки.

- Мумий, - поправила Вирр.

- Че еще за *глоде*?

- Зель'анорэ Амани сохраняли своих покойников от тления, бальзамируя. Ну, трупы вымачивали в смеси древесных смол, масел растений и крепкого... наверное, можно приблизительно назвать это вином. Точный состав я не помню; давно читала.

- А потом? – замороженно спросила Харману.

- Потом заворачивали в льняную ткань, тоже пропитанную – и выжимками из трав, и древесными соками, но уже другими...

- А откуда в ваших книжках известно, в чем они своих мочили? – перебила орчица.

- Когда Королевская Научная Академия основала Реликварий, первые раскопки его

ученые производили тут – и в Лесах Вечной песни. Когда вскрыли некрополь, здесь, в катакомбах нашли тысячи мумий. И изучили их. Вот для этого, - наставительно сказала Вирр, - и существует археология. Я, с твоего позволения, закончу мысль?

- Ага...

- Так вот, заворачивали в ткань, а после читали заклинания и... оставляли здесь.

- А заклинания зачем?

- А чтобы не встали раньше времени, - нарочито небрежно пожала плечами Вирр.

Шаманка напряженно вгляделась в уходящий в темноту туннель и, уже тоном ниже, проворчала:

- И че у них так сложно? Вот точно они вам и правда – родня...

- У всех народов свои обычаи, - нравоучительно, тоном наставницы Истории Мира пояснила эльфийка. И добавила, дабы не плодить невежества: – А гипотеза об общих предках Высших и зель'анорэ есть ненаучная, совершенно необоснованная ересь, лишенная самомаleastших доказательств. Идем, у нас мало факелов. Огня надолго не хватит.

Харману кивнула, Рилль подался вперед; троица осторожно двинулась по узкому тоннелю.

Вирр вертела головой, сравнивая то, что высвечивало пламя, с прочитанными описаниями и рисунками в альбомах отца. Все было и впрямь как в книгах – разве что вставки нефрита, украшавшие стены, казались более темного, густо-зеленого цвета, нежели на картинках. Харману, впечатленная мумиями, смотрела больше вперед, но и она порой косилась на вырезанные по камням и плитам затейливо изломанные, скалящиеся клыками, грозящие рогами и еще чем-то с первого взгляда непонятным, но, определенно, неприятным, фигуры.

- Слышь, Вирр... А че, все эти страховидлы в их времена водились? Или до сих пор – убереги Старый Волк! - такие где-то тут бродят?..

Вирр покачала головой.

- Это обычные звери – какие были тут до Плети. Просто изображенные... стилизовано.

- Э, ты бы попроще, я таких слов в вашем не знаю...

Вирр закатила было глаза, но, *относительно* покорно, разъяснила:

– По-особому! На свой манер! Ну, нравилось так Амани... У зель'анорэ Гурубаша(63) – тех, которые жили в полуденных джунглях, далеко, за королевствами хум'аноре, тоже такая архи... такие звери на стенах и колоннах. Я бы сказала, по меньшей мере, очень похожие. Если судить по рисункам. Но этнографы и археологи, признавая сходство, говорят о...

- Вот теперь поня...

- Тихо!

Вирр быстро приложила палец к губам, одновременно тронув спину Рилля: ей почудился – едва-едва, на грани слышимости - впереди какой-то звук. Рилль замер, Харману замолчала, покрепче перехватив клинок и отвела назад факел – чтобы не слепил. Какое-то время они, все трое, стояли и вслушивались (Вирр и Рилль – шевеля ушами; Харману – просто таращась в темноту). Потом Вирр досадливо поморщилась – выходит, показалось. Харману одними жестами – молчать же велели! – тыкая в факел исполнила немую сценку, которую наставник Классических Искусств в Школе Вирр назвал бы «Уж пламя увядает, пора продолжить путь». Рилль, повернув голову, глянул на Вирр и коротко мотнул головой; только что плечами не пожал.

- Извини, Харману, – прошептала девочка, - слышалось.

Орчица криво усмехнулась – мол, и это хваленый слух длинноухих! – но Вирр, через ее плечо углядев впереди в слабых отблесках кое-что знакомое (пусть и по книгам), немедленно отыгралась:

- А вот и мумии.

Орчица – с прытью, достойной эльфийского мечника - мгновенно развернулась.

Тоннель, поначалу неширокий, впереди раздавался в продолговатый зал; из темноты показались боковые проходы, а по сторонам, в простенках на невысоких каменных постаментах лежали серовато-желтые продолговатые...

- Они чего, в мешках? – удивилась Харману; они и раньше переговаривались негромко, но теперь орчица шептала и вовсе едва слышно.

- Да нет же, просто обмотаны тканью, - так же тихо возразила Вирр, - хотя да, кажется, как будто в тюки увязаны. Отдельных полотнищ не заметно – пыль.

- А как же они, ну... того... ходят, двигаются... ну, когда... встают.

- Наверное, их перед тем разматывают, - предположила эльфийка.

Они осторожно, хоть и не мешкая, шли вперед, разглядывая древних зель'анорэ. Рилль тролльи «тюки» явно презирал, за интерес или угрозу не считал и уделять внимание брезговал.

- Слыш, вот ты мне давеча говорила, вы их...как это по-вашему... *изучали?* – недоверчиво прошептала Харману. - А их тут вон еще сколько возлеживает. И впереди, небось, то еще... лежбище. Че, всех мумиев утащить не осилили?

Вирр невольно прыснула. Все-таки, Харману ее скорее забавляла, чем раздражала.

- Да зачем было забирать все? Какие-то исследовали прямо здесь, некоторые переправили в Столицу, там лаборатории совершеннее. Несколько, самых примечательных, оставили в Королевском Музее.

- Ага, - кивнула Шаманка, - то-то тролли эти рады были...

- У нас в музеях им лучше, - нарочито не замечая насмешки ответила Вирр.

- Хы, это с какого же?

- С такого, что у нас лучше условия хранения, чем здесь. И... смотрятся они там лучше, красиво лежат, с почетом и уважением. – Слов *экспозиция* и *оформление витрин* Вирр, со всей деликатностью, отпущенной ей Белоре, мудро решила избежать.

- Ну-ну...

- И от *настоящих* грабителей могил они у нас в полной безопасности, - оставила Охотница за собой последнее слово; хотя, по чести сказать, о ее совесть при этом точила когти дюжина демонят – вспоминать о том, что когда Элунаран пал, Музей и хранившиеся в нем чудеса и диковины были уничтожены Плетью, было даже не стыдно, а просто больно и тоскливо.

Длинный зал кончился, снова потянулся тоннель - уже не такой узкий, как прежде; по бокам открывались арки, куда-то ведущие.

- Не сворачиваем, - напомнила Вирр.

Вскоре неверие в старания археологов-син'дорай оставило Харману: в этой части катакомб она стала замечать оставленные некогда светильники – еще довоенной (как пояснила орчице на ухо Вирр) работы, давно лишённые магии и потухшие; хитрые инструменты желтого и серебристого металла – где аккуратно сложенные, а где брошенные в несомненной спешке; кое-где были видны следы *исследований* в виде разобранных стен и размеченных участков; встречались ящики – и совсем небольшие, и вполне солидных статей (цельный *мумий* влезет!), иногда из дерева, а чаще из чего-то странного, матово-молочного, незнакомого орчице – не то отражающего свет, не то, напротив, его пропускающего. Она спросила Вирр, и та попробовала ей объяснить, но

таких талассийских слов Харману не знала, а в ее родном их и вовсе не было, и потому, отчаявшись объяснить суть *гибкого фарфора*, «лекцию в заднем ряду» (сиречь, сдавленным шепотом) Вирр завершила, просто сказав: «Из того же, что и твой игрушечный мечник, только чуть другого, потому как для совсем иной надобности»

- А для какой?

- Чтобы беречь хрупкое и ценное, не сломать и не разбить.

Троица миновала еще три или четыре погребальных зала (Харману пыталась считать, но постоянно отвлекалась, разглядывая; Вирр же не считала, а искала знакомые по книгам и отцовским записям знаки и приметы; Рилль просто шел прямо, как сказали и ждал, что, наконец, *унюхается* что-нибудь стоящее), когда странный звук – точнее, некую, не менее странную – совокупность звуков, на сей раз услышали все. Где-то вдалеке – или, напротив, близко; в подземельях и пещерах с этим непросто (если, конечно, не прожить там всю жизнь) – кто-то (или что-то) неуклюже подшаркивал, что-то бормотал; иногда слышалось нечто, похожее на скрежет чего-то острого по камню.

«Двигаем взад?», шевельнула губами Харману.

Вирр, подумала, вздохнула и качнула головой. Выход все равно был впереди, а идти обратно было бессмысленно; холмы пройти было *нужно*.

«Свет - гасить?», кивнула орчица на уже догоравший, но все еще живой факел. Вирр мгновение колебалась между «привлечь внимание издалека» и «заметить врага слишком поздно», но все же решила, что первое предпочтительнее. Затушить всегда успеется, а зажигать новый от шаманского огнива, как оказалось, ой как не быстро. Свой же скудный запас Силы Вирр стоило в любом случае беречь – все-таки, не Магичка. И так вчера в пещере перед Харману *выделявалась* – и совершенно напрасно. Кстати!.. Она поманила орчицу и, когда та придвинулась ближе, шепнула ей, почти касаясь губами зеленоватого уха:

- Ты, если что, своих духов вызвать сможешь?

Харману криво усмехнулась, мотнула головой и зашептала в ответ:

- Ага, жас. Нельзя часто их дергать, слаба я еще, без полного Посвящения. Солнце оборот не закончило. – И видя недоумение на лице эльфийки, добавила: - Думаешь, топорик мой тогда просто так той *глоде* точно меж рог влетел? И черепушку враз прободал? И не думай. На шпильку эту, твой лук и на зверюгу всю надежда!

Плохо, подумала Вирр.

Уже совсем осторожно – как сказали бы мальчишки-Лазутчики, *полным скрадом* – они выбрались в следующий зал, почти такой же, как и те, что они миновали, за одним исключением: на стенках в левом, самом ближнем к ним проходе, мерцали слабые отблески света (шагов, примерно, через пять или шесть боковой коридор делал поворот). И услышанные ранее непонятные звуки стали громче, хотя бормотание было, по-прежнему, глухим и неразборчивым.

Рилль пристально уставился в коридор; девочки переглянулись, точно говоря друг другу: «Ох, не надо нам туда», и... одновременно переступили порог. Подкравшись к повороту, Вирр наложила стрелу, окинула взглядом изготовившееся «войско» - орчица тискала непривычный ей клинок, стараясь ухватить рукоять поудобнее, Рилль нетерпеливо разминал когти (он уже давно тосковал и жаждал *движухи*) - и медленно, краем глаза, заглянула за угол.

У противоположной входу стены на полу, выложенном украшенной резьбой плиткой, стояла, подрагивая огоньком, масляная лампа – выполненная, если глаза и память не обманывали Вирр, определенно в манере зель'анорэ Корявой Сосны и как бы не времен Первой Высадки(64), но слишком уж новенькая и блестящая... ни дать, ни взять -

свежеотчеканенный золотой с профилем Регента, а не артефакт культуры лесных варваров, полностью уничтоженных еще в битве у Альтеракских гор(65). Девочка испытала некоторое недоумение: о призраках вещей, или зомби-мебели в Школе определенно не рассказывали. Видимо, напрасно.

Пламя лампы в очередной раз мигнуло и стало еще меньше; масло явно подходило к концу – призрак или нет, но просто так – без топлива или магии - светить никто не будет. Откуда-то со стороны, раздался шорох и сдавленное - если судить по интонациям (в *зандали*(66) Вирр была, не то, чтобы поверхностна, но на слух такую архаичную форму пыталась воспринять впервые) – явное ругательство. Последовал стук, короткий звон – кто-то уронил или раздраженно бросил на пол что-то металлическое; затем – страдальческий, заунывный стон. Девочки, не сговариваясь, подумали, что мертвецы *обычно* не стенают, но все хоть раз, да случается; Вирр стала натягивать тетиву, и...

...и к лампе подбрело – двигаясь неуклюже, именно шаркая (и ничего ей тогда не причудилось, успела обидеться Вирр) - нечто в мешковатом и балахонистом, в слабом освещении цветом один в один напоминающем погребальные «наряды» мертвецов Аmani. Язычок пламени мигнул и погас, но полной темноты по-прежнему не настало.

Мы так и не погасили факел, обмирая, вспомнила Вирр и вскинула лук. Одновременно мешковатая фигура начала поворачиваться в сторону выдавшего девочек и тигра света, бормоча «Какого...».

На сей раз - на чистом талассийском. Со столичным произношением.

- О! Как удачно! Идите сюда!..

Помимо сомнительного одеяния, владения старым *зандали* и восторженных интонаций у фигуры обнаружилось лицо девушки-син'дорай – явно постарше Вирр, полнолетней, но совсем молодой – никак не старше лет шестидесяти.

- Идите же сюда, живо! Подсветите здесь! Ну же, скорее! Моя лампа скоро погаснет! Вы поглядите только! Демоны Запределья, ваша палка тоже едва моргает... У вас есть еще?! Зажгите немедленно! Нет, вы это видите?! Это же *совершенно* новые, недокументированные, неописанные новые иероглифы! Хвала троллям и их почитанию предков! Это они вскрыли старую обманку! Видите, видите – сколы совсем свежие. Что значит не видите?! А, погодите, опять все подсохло – я сейчас увлажню... ну вот! Нет вы только послушайте: они мне говорят – тут опасно, зель'анорэ все чаще спускаются с гор, замечены к восходу от катакомб, сейчас не до исследований, тоже мне! А я говорю им...

- Троллям? – первой не выдержала Харману.

- Нет конечно, Следопытам! А я говорю – если бы так рассуждал Дат'Ремар, все мы бы до сих пор были жалкими друидами, у лесных тварей в услужении! В конце концов, кроме степени в археологии у меня *почти* степень в Магии Огня и раз уж меня направили к Следопытам консультантом - что я, не смогу их спровадить?!

- Следопытов?.. – снова вклинила вопрос орчица, ошарашенная скорометной речью увлеченной своим делом син'дорай, чей наставник Риторика, как подумалось Вирр, исповедовал в Искусстве красноречия тот же принцип, что и Полтораух в стрельбе: на средней дистанции меньше трех стрел в воздухе – не стрельба, а *тетивы зазря трепыхание*. Нет, ну какой позор не узнать, даже в полутьме, полевую робу археологов!

- Да нет же, зель'анорэ, троллей! деточка, вы меня просто не слушаете, кстати, ваш талассийский весьма хорош, просто чудесно, что цивилизация дошла наконец и до вашего народа! Так вот! Это полностью опровергает так и не изжитое в науке изначально спорное предположение, что - несомненно, бесспорно, любому ученому, любому Ученику, *даже* тауренскому пастуху как Белоре ясно! - *исключительно* пиктографическое письмо зель'анорэ якобы могло использоваться и как

силлабическое(67) !

Вирр опасалась уже привычных орочьих «чего-кого», но по счастью, Харману то ли откровенно потеряла дар речи, то ли просто не успевала вставить хоть слово. Сама Вирр уже и не пыталась найти в речах этой забавной девушки промежуток, чтобы хотя бы узнать, как к ней обращаться. Как говорил отец, многие увлеченные делом ученые увлечены делом настолько, что - к возможному ужасу его супруги и ее, Вирр, матушки – часто забывают об этикете и манерах. Или вообще о них не думают.

Девочка поискала взглядом тигра. Рилль, пользуясь заминкой, изучал обстановку залы. Затем, воровато оглянувшись, отошел в дальний закуток и, игнорируя делавшую ему «страшные» глаза Спутницу, нацелился пометить одну из в изобилии стоящих вдоль стен резных плит.

- ...Быть может, это могила самого Каз'Зула, легендарного вождя времен Прибытия! Или – чем демоны не шутят? - еще более древняя, эпохи войн с Азж'Аквиром? Нет, а что? Сильное, тщательное заклятье вполне могло сберечь и тело, и убранство! Нужно взять образцы и скорее проверить, а эта пораженная чумой и скверной, лишенная знаков племени, предавшая честь своего рода и память предков, непонятно зачем мною же такими трудами отреставрированная лампа!..

- Со всем уважением, *шан'дор* (68), - как можно более почтительно начала Вирр, маневрируя так, чтобы загородить угол с Риллем, - но разве не известно, что первые ходы в катакомбах Аmani были вырублены только за пять столетий до прихода Основателей?

Харману помалкивала, только переводила взгляд со спутницы на ученую-эльфийку. Косые глаза ее глядели не то ошалело, не то со сдержанной опаской, но не без некоего восторженного интереса – ну, как на тех, кто, отведав *правильных* мухоморов изрекает волю духов. Или как на свальный поединок «кто кого перепьет» в пивнушке старика Зацепы - в тот день, когда в гоблинском квартале в Огри на целый день сломался водопровод.

- Уж и не знаю, деточка, в чьи работы вы, м-м-м, *заглядывали*, но любому *профессионалу* должно быть ясно, что в переводе табличек Зеб'Тела просто неизбежно была допущена ошибка... Вы меня, барышни, еще будете учить зандали! И вообще, неужели вам непонятно?! датировать события по именам вождей зель'анорэ хуже, чем ненаучно – просто наивно! Как можно полагать, что Зен'Джин и Зул'Джин были разными вождями и что их разделяет не менее двенадцати тысяч лет – откуда вообще взялась это число, кто-нибудь спрашивал?! – всего лишь на основании того, что они вырезаны под разными именами и на разных табличках?! И это при том, что и там, и там, и на второй и одиннадцатой дощечке перечислены *совершенно одинаковые* деяния! Ну разве не ясно, что это был совершенно один и тот же вождь? Нет, вы... *э'чута!* – она коротко, снова непонятно выругалась и, резко отпихнув Вирр в сторону, быстро вскинула руки в жесте боевого заклятья.

Наверное, тролль давно наблюдал за ними. И отчего он не атаковал сразу - надеялся узнать что-то нужное или просто хотел сосчитать точное число врагов - было, в общем-то, уже не важно. Дальше все было очень быстро – куда быстрее, чем на учебных миссиях с учебными же зомби.

Огромная фигура бросилась вперед, на мгновение закрыв собой почти весь проем. Одновременно тролль метнул в археологичку не то какой-то предмет, не то видимое глазу проклятье – та, не успев сотворить и язычка пламени (ох, не зря всегда говорил Учитель – боевая Магия сильна, но сразу бьет лишь стрела и клинок!) остекленела глазами и упала на четвереньки. Харману с ревом: «Топорики!..» (углядела в руке и за

поясом тролля) бросилась на врага с Вирркиным мечом; просто, прямо, честно и открыто – как юные орки и любят. Тролль, не отвлекаясь на мелочи, взмахом левой отбросил Шаманку в сторону; меч звякнул об пол, орчица клацнула о пристеночный монолит – и оба замерли у стены. Правую руку, не собираясь выяснять, что быстрее – метнуть топор, или выстрелить из лука, – тролль уже тянул к Вирр.

С момента, как девушка-археолог отпихнула Вирр с линии заклатья, та ничего не видела, кроме двух желтых глаз над загнутыми бивнями и большим, мясистым носом. И сейчас она сосредоточилась на том, чтобы успеть выпустить третью и четвертую стрелу.

Первые две в глаза не попали. Тролль выглядел высоким и тяжеленным великаном, но был быстр, ловок и явно имел дело с эльфийскими лучниками не первое столетье(69).

Плохо, успела подумать Охотница

...Прекратить! Прекратить немедленно! Клинки вниз! Вы, сударыня, бездарь! А что вы будете делать в схватке с зель'анорэ? С чудовищем, который выше, сильнее, крепче любого из самых сильных – нет, не ваших сверстников, а любого из ВЗРОСЛЫХ мужчин-син'дорай? Сойдетесь в рукопашную? Кому смешно?! Тебе?! С тобой тоже самое... Слушать всем - это всех касается, и мальчиков тоже! У каждого случится противник, который будет попросту сильнее, а стрелы имеют обыкновение кончаться не вовремя – уж мне-то вы поверьте! Да что там! надеюсь, Инспекция не обвинит меня в измене и раскрытии государственной тайны, если я вам напомню, что многие народы сильнее нас телесно... Прекратить смех! И почему мне совершенно не смешно? Нас сильнее ора'норе, подземные карлики крепче, кал'дорай нас выше, а зель'анорэ к тому, другому и третьему еще и, чтоб их матерям о свои бивни убиться, РЕЛИКТОВЫЕ РЕГЕНЕРАНТЫ! А у нас – надеюсь, еще никто не забыл?! – после войны каждая капля магии на счету. Мне совершенно не смешно! И что вы – вы все - будете с ними делать? Тоже – блокировать?! Тогда удавитесь, мои бездарные, лучше сразу – да, именно! Вот прямо на тетиве! У кого нет - у своей пары одолжите! Тогда, по крайности, безутешные родные смогут похоронить вас как подобает, не выкапывая ваши кости из помета лесных варваров...

...Забудьте все легенды, летописи и пьесы о воительницах! Особенно вы, да, вы, Виеринраэ Солнечный Блик! Белоре Ярким клянусь - еще одна такая схватка, и я возненавижу всю классическую литературу, какую ни есть, и исключительно благодаря вам! Отложите прочь, забудьте поэтические красоты слога и изыски композиции - хотя бы на время! и поговорите, по крайней мере, с одной из ваших обожаемых героинь, из ныне живых – и ведь, как ни странно, их хватает! Вы бесконечно поразитесь тому, что узнаете: они именно потому до сих пор живы, хотя и начитанны побольше вас, Виеринраэ Солнечный Блик, что никогда – слышите? Хорошо, вот и запишите где-нибудь: они никогда не пытались блокировать удар того, кто заведомо их сильнее! Они использовали свои истинные преимущества – большую ловкость, большую гибкость и подвижность – да! уклонялись, отводили удар, изматывали врага и стреляли быстрее него – да, но никогда - запомните вы, все! - никогда даже не пытались применять и использовать то, чего у них отродясь не было! А кто пытался – тех тоже проведайте. Дорогу знаете - кладбище за стеной...

А от себя добавлю – пока вас зовут не Сильвана и не Аллерия, и если вы не одаренный Маг... И пока вы не отвоевали с настоящим противником хотя бы лет тридцать, а еще лучше – пятьдесят, на взрослого матерого зель'анорэ вам ходить втроем на одного! Или вдвоем, если оба Охотники. Но тут не поручусь – на зверей у них свои хитрости, повсякому может выйти... Вопросы?

- Шан'дор, а если так случится, что один на один? Неужели – убежать?

- Гм... исходя из возможной вероятности, будем полагать, что если Охотника уже заметили, то убежать не удастся. Или – убежать просто нельзя; и так бывает, Вирр. Что ж, давай подумаем, что мы можем сделать... Если врага убить сразу и быстро невозможно, сосредоточься на том, чтобы сперва ослабить – и уже потом убить с удобством, не торопясь; строго по науке и соответствии с рекомендациями ученых, изучающих все живое. Для начала – глаза тролля. Потом – суставы. И стрелять надо быстро. Теперь понятно, Вирр, почему я даже ТРИ стрелы полагаю вам недостаточным?

...Говорят, взрослый матерый прыголап, прыгнув с дерева, способен сломать шею син'дорай – если тот, конечно, не в доспехах Паладина. До сих пор Вирр не очень доверяла этим рассказам: сама такого не видела, и тех, кто видел, лично не знала. Рилль, конечно, выходил куда потолще лесной рыси, но и Аmani был раза в полтора крупнее любого Рыцаря Крови, и как бы не вдвое больше самой Вирр. Но размеры противника тигров – как, впрочем, и любых котов – редко смущают; коты (как и тигры) очень уважают тактическое превосходство. Или, говоря попросту, любят нападать откуда их не ждут.

О Рилле забыли все – и Харману, предававшаяся зрелищу «длинноухих, сходящих с ума»; и обожающая древних троллей синдорайка; и даже Спутница постаралась о Рилле не думать – дабы ни движением, ни выражением не выдать небрежение тигров ископаемыми ценностями примитивных народов. А тролль о Рилле, скромно притулившемся со своей надобностью в уголке, даже не догадывался.

Едва началась боевая суматоха (именно так все коты и понимают *движуху*), Рилль вскочил на угловой камень и – по верхушкам о чем-то несиллабически повествующих, стоящих достаточно часто монолитов стал быстро-быстро заходить «взрослому и матерому» в тыл. Или, если учесть разницу высот, скорее, в затылок. Занять совсем уж идеальную позицию строго позади Рилль очень хотел (коты, как ни странно, в душе перфекционисты; то, что они слышат лентяями, делу не мешает – они либо ничего не делают, либо любят это сделать совершенно; чаще, конечно, они любят вообще не делать), но не успел – тролль уже вцепился в Спутницу и тигру пришлось прыгать, не пройдя еще трех-четырех каменных верхушек. Но троллю и того хватило; сто тебе лет, или тысяча, а шейные позвонки крепче не стали.

- А наставники ворчали, что я тебя перекармливаю... - пропыхтела девочка, выбираясь из под когтистой зеленой лапищи и отплевываясь: кровь изо рта тролля пролилась ей прямо на лицо. – Демона запредельного я теперь их буду слушать!

- Ри-и-иль... - Харману с трудом отлепилась от стенки, встала на карачки, помотав головой. – Рилль, ты мой герой! Моя добыча – твоя добыча... Я о тебе касыду сложу. На нашем, на орочьем – как положено... Вот только пещеры эти перестанут вертеться... и – ср-разу сложу.

Полосатый герой если и вдохновился перспективой войти в изустное орочье творчество, то виду не показал – он уже примерил лапу на поверженный труп и проникновенно смотрел на Вирр, надеясь, что свое обещание (кормить, невзирая на рекомендации наставников) Спутница подтвердит сразу и делом.

- Ты ранена? – спросила орчицу Вирр, одновременно пытаясь вспомнить рекомендации Полторауха. Есть мясо зель'анорэ он советовал лишь в крайнем случае и перед тем хорошо прожарив, ни в коем образом не сырым – в их теле было слишком много, по меньшей мере, *неприятных* для син'дорай составляющих (*и кто вообще только придумал, что мы с ними родня?!*). Но вот едят ли тигры троллей?..

Рилль алчно топырил усы и намекал, что тигры все едят. Что дадут.

- Та не... - выдохнула Шаманка, - так... жбан поцарапало. Я ща встану... слушай, Вирр, а че ты все стоймя, как байбак нешуганный стояла? Вот с дохляком тем, давеча, ты прям как козлик молодой скакала – он только жвалами хлопал. Я уж думала, ты щас сама троллю – с камня на камень, на плечи и – стрелами, как сало черемшой, нашпигуешь... вы ж, длинноухие, прыгучие такие, не?

- Топорики не забудь, - сдержанно ответила Вирр. Терпеть орочьи манеры сейчас не было никаких сил и желания. Ее все еще била дрожь.

- А, топо-о-рики-и!.. - почти нежно улыбнулась Харману и, ухитрившись отодвинуть недовольно рыкнувшего Рилля, потянула к себе боевые трофеи.

Вирр, чуть пошатываясь, направилась к археологической барышне, но та, уже глядела осмысленно и чем-то четвероногим себя уже не считала.

- Потрясающе! Я ведь только слышала о легендарном проклятье шаманов Амани, и вот же – испытала его на себе, и смогу описать его воздействие! Я всегда полагала: то, что она якобы превращает жертву в мелкое животное – просто слухи! Все дело в ментальном поражении и наведенной поведенческой реакции!

Вирр сочла, что ученая определенно пришла в себя и вернулась в другой конец погребальной комнаты: поднимать на ноги Харману и отгонять Рилля от законной добычи.

Шаманка уже почти оправилась – обретение привычного оружия придало ей сил. Она подобрала клинок, повернулась к подходящей Охотнице и – держа на ладонях – протянула ей меч.

- Благодарю за подмогу, возвращаю без урону, носила... - она смущенно поморщилась, - ну, вроде как с честью – уж как могла. Уж извини – хороши твои мечики, слова не скажу, но не мое совсем! Мы, Шаманы, и ятаган редко берем, нам больше топорики метнуть или колотушку какую - поухватистойей...

- Я все понимаю; каждому – свое, - кивнула Вирр. – Ты тролля осмотрела? Может, у него что-то еще кроме топоров полезного? Или важного?

- Да вроде... щас еще проверю! – орчица наклонилась, ворочая труп.

- Только осторожней смотри, - спохватилась Вирр, - наши Следопыты говорят - у Амани безделушек без их чар не бывает. А их не всегда даже Маг на глаз определит.

- Да я осторожно... Во-о! У него тут еще дощечка какая-то оторвалась... и, вроде как мерцает... или это я так здорово об стену хряпнулась?

- Ой, деточка, оставьте ее мне, это же джуджу, ой, ну не делайте такие глаза, это их вуду-амулет, неужели не знаете - они им своих мумий пробуждают! – Харману было машинально прижала к себе трофей, но услышав последние слова тут же – держа дощечку на отлете – послушно отдала ее девушке. - Нам их так мало попадалось, вы не поверите – увлеченно продолжала син'дорай, – ведь обычные разбойники с гор их с собой не берут, их даже в Реликварии штуки три от силы... видимо, этот Амани и правда шел говорить с каким-то предком. Ин-те-ре-е-сно, - протянула она, разглядывая амулет, - успел он его поднять, или нет? Сияет – значит не разряжен? Или, напротив – уже активирован? Подумать только, здесь может оказаться древняя мумия *в активной фазе!* Представляете?!

Они представляли. Потом переглянулись. Потом орчица выступила вперед.

- Э-э-э... *сударыня*, - сегодня Харману явно использовала весь свой наличный талассийский словарный запас вдоль и поперек, - нам пора уж... идти, дела спешны и... как его?.. промедления не терпят...

- Ой, ну идите, конечно, деточки, я вас не держу – только факел мне вот этот оставьте, вам и одного хватит – тут совсем близко выход со стороны Транка, вы чуть не

дошли, только больше не сворачивайте, вы ведь в Транк шли, верно?

- В Транквиллион, - покосившись на Вирр, не стала упираться Харману.

- Вот и чудесно! – обрадовалась археологичка. - Как будете там, поймайте где-нибудь капитана Следопытов Хелиоса - он сегодня собрался в город, ой, ну не бойтесь, найдете! он скорее всего на площади где-нибудь! И скажите ему, что я здесь, что со мной все в порядке и что мне понадобятся... - она посмотрела на свои ящички и на изучаемый ею кусок стены, - ...несколько рук все это перенести, пусть пришлет ко мне кого-нибудь из Следопытов! Так, что тут у нас... Э'чута, где же кисть? А вот же она...

И снова скорчилась у стены.

- А... кто – вы? - уточнила Вирр. В сам Транквилл они, конечно, не собирались, но она решила, что немного достоверной заинтересованности не помешает. - Он ведь обязательно спросит – кто?

- А? – оторвалась от иероглифов девушка, - Ой, вы еще здесь? Да он знает! Ну как кто – я, Лилата, конечно, кто же еще...

Примечания:

(55) Подгород (Undercity) – столица Отрекшихся, расположенная в склепах, катакомбах и подземельях под разрушенной в ходе войны с Плетью столицы человеческого королевства Лордерон в землях Тирисфаля (Tirisfal Glades).

(56) Королевское Фармацевтическое Общество (Royal Apothecary Society) - организация ученых (в первую очередь, алхимиков-фармацевтов и некромагов) Подгорода, учрежденное Королевой-банши Отрекшихся Сильваной для создания, если пользоваться близкими читателю понятиями, «биологического оружия» - особой формы чумы, способной поражать существ Плети.

(57) Чумные Земли (Plaguelands), те самые земли бывших королевства людей, практически захваченные Плетью.

(58) Портулан (иногда, портолан) морская карта эпохи Возрождения, на которой отмечались исключительно берега и острова, без нанесения каких-либо элементов суши (итальянский вариант), либо исключительно рек и гор (каталонский вариант). Массаракш, если пану Сапковскому можно допускать анахронизмы и пересечения, отчего мне нельзя?))

(59) Морские планы предназначены для руководства при входе в порты, бухты, на рейды, якорные места.

(60) На всякий случай: дварфы и гномы – это разные народы!

(61) Tol'vir – древний народ, предположительно порожденный Титанами, обитающий на южном побережье Калимдора; описываются как фелиноиды («a race of cat-man»), но вернее их назвать фелинотаврами: они обладают львиной (или тигриной) головой, человекоподобным торсом, переходящим в тело льва (или тигра);(подробнее - <http://wow.gamepedia.com/Tol'vir>)

(62) Uldum, Uldaman, Ulduar – известные на данный момент в Азероте древние города Титанов (изначального разумного вида первых веков Творения).

(63) Гурубаша (Gurubashi) – вторая, южная (Амани - северная) из двух древних империй троллей; первые упоминания ок. 16 000 лет назад от описываемых событий. В отличие от северных собратьев, Гурубаша после войн с инсектоидами не смогли сохранить свою мощь, и, вступив в период упадка, раскололись на отдельные племена значительно

раньше Аmani.

(64) То же, что и Прибытие Основателей, то есть времен, когда корабли первых кель'дорай пристали к берегам будущего Кель'Таласа.

(65) Битва, проложившая конец Тролльским Войнам и могуществу Империи Аmani.

(66) Zandali, язык троллей

(67) То есть слоговое - вид фонетической письменности, знаки которой обозначают отдельные слоги.

(68) Если строго придерживаться синдорайского этикета, обращение «шан'дор» применяется в первую очередь к своему Учителю, и лишь затем к кому-либо из наставников (но исключительно в отсутствие Учителя; ибо Учитель, наставляющий тебя в твоём Класе, один, а наставников, обучающихся наукам и ремеслам - много). Обращаться так к кому-либо ещё – кроме как к заведомо превосходящему возрастом, знаниями и могуществом, в значении «Старший», «Учитель учителей» - этикетом не поощряется, но снисходительно допускается: в качестве лести ученому или мастеру. Ну, что-то вроде: «- Ой, товарищ капитан, простите, не заметил красный свет, нарушил... - Да я и не капитан. – Будешь, обязательно будешь!».

(69) Тролли, в отличие от кал'дорай, не бессмертны, но, подобно син'дорай, живут очень долго.

«Тигры. Кто они?», часть первая

- «Нам нельзя в Тра-а-анки-и-илион», говорит; «пока мы на нашей земле, меня не должны видеть», говорит... И че? – ворчала Харману. - Вот ты мне с Вэлли сколько трещала, мол, что первый же длинноухий, кто тебя заметит, сразу за уши и в стойло... А эта? – она мотнула головой на оставшийся у них за спиной закатный выход из катакомб (ну, или вход – от точки зрения зависит). – Да по мне, енттой Лилате, шо ты, шо я, шо демон изначальный! Она б и саму Вэлли ну ваше бы в упор не углядела, пока та на нее б не наступила!

Вирр помалкивала: после недавней стычки с троллем харманушная вредность и совершенно недружественная склонность не упускать ни малейшего повода уколоть из раздражающих перешли (по меньшей мере *пока*) в малосущественные.

- Хотя не, вру! – поправилась орчица. – Она б Вэлли сразу пристроила за собой добычу таскать.

Вирр невольно улыбнулась: - Возможно... У вас, я так понимаю, всецело поглощенные наукой ученые тебе не встречались?

Интересно, подумала она, *есть ли вообще у ора'норе ученые, и если есть – что они изучают? Ну, маги-исследователи точно должны быть. А вот помимо?*

- Да не, - возразила Харману, - у нас в степях каких только чудиков не нароешь... Хотя таких, как эта чокнутая, врать не стану – не довелось.

Они с орчицей единодушно порешили немного передохнуть перед тем, как продолжить путь и решить окончательно, куда именно они пойдут – к побережью, махать маловероятно проходящим кораблям, или в обход Транквиллиона, к дороге на Талассийский перевал. К тому же, Вирр собиралась озвучить еще один, вполне себе небесполезный вариант: уже несколько лет на полуденной окраине городка существовало, как Охотнице было известно, постоянное представительство Отрекшихся. Кто знает, вдруг Белоре будет благосклонно, и их с орчицей безопасный (или, по меньшей мере, доступный) путь в Подгород начинается именно там? Да и об Обществе Фармацевтов неплохо бы расспросить...

Они расположились в стороне от тропинки, ведущей вдоль большого оврага к троллею некрополю – а ну как Следопыты и без их помощи решат поискать Лилату? Вирр чистила куртку и вспоминала известные ей ближайшие родники – воды у них оставалось мало; Харману *исследовала* топорики – слова Вирр о зловредности вещей, вышедших из рук Амани определенно засели у орчицы в голове. Рилль бегал вокруг - разминался на свежем воздухе и надеялся за время привала успеть себе воздать за так и не присвоенного тролля.

- Она, конечно, к ведухе не ходи, с головой не дружит, - продолжала Харману, не отрываясь от оглаживания и прощелкивания топоринных лезвий, - и выпендрейница такая, шо тебе у нее в Ученицах ходить, а тока все едино – не стоило ее там одну оставлять. Не хорошо это, – она коротко глянула на Вирр исподлобья.

- Не спорю, - согласилась Охотница. – Только она бы все равно не ушла. Сама бы отказалась, и что потом? Я отвлекаю ее ловкими аргументами, а ты ее сзади - обухом? А потом, - девочка мотнула головой в некоем произвольном, предположительно околотигрином направлении, - грузим на Рилля?

Шаманка усмехнулась, но по неким блеснувшим в ее глазах огонькам было видно, что такой подход ей не совсем чужд.

- У нее что там, долг чести и рода?

- Нет, - Вирр вздохнула: некоторые вещи оркам сложно объяснить. – Всего лишь

жажда познаний; тебе, вероятно, не понять. Да и не беззащитная она – у Мага оружие всегда при себе.

- А если снова, - орчица изобразила, что кидает проклятья направо и налево, никого не забыв, - ну, вроде того мамонты, с которым мы уже покумились?

- А таких зель'анорэ, как сегодняшний, осталось очень мало даже в рассветных горах – их в первую очередь убивали; они опасней прочих. Откуда один-то взялся, не пойму... – Вирр пожал плечами, - прятался где-то. И долго.

- А гуртом припрут?

Вирр с сомнением изогнула бровь: большими отрядами Амани уже без малого три тысячи лет вторгались редко – Чернолесье-Призрачные им уже никогда не отбить, а для пакостей или тех же предков навестить – так одиночке или тройке пробраться тайно куда проще, а выследить их сложнее. И ведь это еще до Плети; сейчас же большой отряд куда скорее соберет окрестную нежить, чем Следопытов. Нежить, она всех ест. Полтораух говорил, что Следопыты и охотники Джаэлы теперь частенько забредшие банды зель'анорэ загоняют прямо на мертвецов – а потом уже добивают тех, кто остался.

- Думаешь, отмашется? – с надеждой спросила орчица - чем-то ей Лилата глянулась.

- Должна. Ты сама видела - она ведь не первый год, как у них принято говорить, *в поле*. А наши археологи, - улыбнулась Вирр, - это тебе не кабинетные мудрецы; отец всегда говорил – порой в таких местах копать приходится, что полдня с лопатой и кистью, а полночи – а чаще и всю! - с луком и клинками.

- Хы-ы, а вторые полдня с чем? – проявила орчица начальные познания в подсчете долей.

- А со стилем и отчетами, - снова улыбнулась эльфийка.

Харману покачала головой.

- И все-таки вы дурью маетесь! Тоже мне дело – в земле копаться, чужие кости ворошить...

- Отчего именно чужие, - возразила Вирр, - мы и свое наследие изучаем не меньше!

- Ну да, еще краше – своих предков тревожить!

- Вы просто не доросли до наук, - подытожила Вирр, и, дабы переменить тему – и потом, ей было и самой интересно - спросила:

- А ты, кстати, где мамонтов успела увидеть? Они ведь сейчас только в двух местах водятся - в Унгоро и в...

- Ну дык, в Нордсколе же! Прикорнула как-то в Огри после доброй гулянки, оказалось – трюм *тучереза*, ну, тот что из Дуротара на Север гоняет; и как туда забралась, кто бы знал? О, ща расскажу – помрешь! Гобла-то осерчала – аж до бледной зелени, нашли ведь меня уже над океаном, кричат – «Безбилетница!», а я без гроша, все у Зацепы спустила. Ну, думала, ща кинут за борт и все, здравствуй, дедушка Старый Волк! Но свезло, не поверишь – знакомые в команде нашлись, кутили вместе пару раз; но отработать-таки заставили, пог-ганцы...

- Как?

- Да уж не выручку посадили считать, не боись! Крысей выводила - каких дубьем, а которых – духами грозы. Ну так вот – как оно было: прочухиваюсь я и удивляюсь – где это я ваще и чего это у меня не голова болит, а ребра?..

* * *

«Оргриммар - Крепость Песни Войны» затянулся до самой поздней ночи, представ – в повествовании орчицы – по размаху едва ли не войной за Дуротар, а по величественности – даже не Битвой за гору Хиджал, а почти что низвержением Маннорота-Разрушителя(70). Иногда, увлекаясь, Харману со своеобычной на взгляд Вирр, даже для орка чересчур *живой* (военные атташе Орды в Элунарane выражались, по слухам порой резко, но все же не настолько *живо*) речи, переходила на традиционный орочий сказ, но потом спохватывалась, косилась на Вирр (не хихикает ли?) и продолжала эпопею на уже почти привычном Вирр орочьем разговорном. Иногда – вероятно, из уважения к благодарной слушательнице – дополняя талассийским.

Вирр, к слову, насмешничать и в мыслях не имела: она знала – и из книг, и из уроков этнографии Младших народов - так уж у орков принято: что захват вражеской крепости, что истребление покусившихся на припасы грызунов должны быть изложены, случись рассказать на публике, с размахом, с избытком метафор и богатством неперменных, имеющих очень отдаленное отношение к фактам, гипербол. Поскольку обычные слушатели орочьих баек и сами хорошо знают, как именно берутся крепости и изгоняются из амбара суслики, их интересуют не столько элементы стратегии и тактики (и так всем известные), сколько мастерство рассказчика и умение перечислить – ни разу не сбившись - всех павших от его руки, если и не поименно (в бою не всегда представляются), то уж суметь придать каждому сраженному врагу некоторую индивидуальность – непременно, был ли оный враг рыцарем Штурмграда или крысой с дирижабля.

Было за глубоко за полночь, когда девочки и тигр, взойдя на очередной холм – Харману, хотя и сомневалась в обоснованности желания Вирр избегать соплеменников, но идти не по проторенной дороге, а вдоль нее согласилась – с вершины увидели огни; до Транквилла было, что называется, шаг да полшага сделать.

- Как обходить будем? – деловито уточнила орчица, - а то смотри, мож, все-таки, притулимся где-нито в городке? Тут много пустых домов, сама ночевала, когда досюда дотопала. И наши, когда тут случаем проезжают, тоже ночуют, а Стража ваша ни хвоста не гоняет... если не шуметь, эт' само собой. Ты с тигрой тишком посидишь, а я за жратвой я в таверну метнусь, мож чего и сгоношу на остатние гроши. – Она потянула из-за пазухи тощий кошель и потрясла им со старанием. Звон вышел слабым, неубедительным, да и послышался не сразу.

- Деньги стоит поберечь, – возразила Вирр, - которые у тебя *остатние* - это все какие у нас есть. Пока. Лучше утром поохотимся; не прямо здесь, само собой, а к полудню от Транквиллиона и чуть к восходу – если на Тропу не заходить, нежить не встретим, а рысей и летунов там много.

- За нежить точно знаешь? Что там не встречается?

- Так в отчетах Следопытов написано.

Харману хмыкнула.

- Гы, знаешь, на заднем дворе Зацепиной пивнушки про че тока на стенке не накарябано! Ежли писанному верить, то у гоблы под шапками рожки, а у тауренов винтом закрученный...

- А касательно ночевки в городе, - продолжила Вирр, не проявляя интереса к анатомическим познаниям сомнительного происхождения, - давай все-таки оставим эту идею на крайний случай. Не ты ли говорила, что орки не ищут удобств? – она невинно улыбнулась. - Или мой орочий столь несовершенен, и я тогда неверно тебя поняла?

Харману раскрыла было рот, но так и не найдя, что ответить, резко выдохнула, потом прошипела: «Вот же зар-р-раза...» (Вирр сочла это – по крайней мере, из уст орчицы –

похвалой умелой риторике) и зашагала вниз к подножию холма. Затем резко остановилась, сообразив, и спросила: - Ты по делу говори – куда идем-то? Раз обходим – с какой стороны?

- Нам бы на полуденную сторону Транквиллиона. Вроде бы там у Отрекшихся свой квартал. А обойти лучше... - она на мгновение задумалась, вспоминая карту, - с восхода. Там и холмы еще тянутся, и оврагов-лощинок хватает – прекрасное место для ночевки. И родники... по меньше мере, раньше они там были.

- Лан, дойдем - поглядим. Двинули...

Они спустились с холма и вошли в лес. Ночью живности в искаженном лесу заметно меньше не стало – на смену дневной выползла ночная. Правда крупного зверья - что обычного, что измененного колдовскими чарами - пока не встречалось: не то опасались связываться с Риллем, не то сказывалась близость места, населенного вооруженными двуногими; чего не скажешь о всякой членистоногой мелочи, каковая «мелочью» была, конечно, исключительно в сравнении с теми же рысями или крыланами, а сама по себе (хихикнула про себя Вирр) – просто мечта и радость естествоиспытателя: не нужны ни увеличительные устройства, ни заклятья проекции – хватай да простым глазом рассматривай. Благо вон ее сколько, ловить не переловить и через одного светятся. *И ведь красиво*, подумала Вирр. Вон, даже Шаманка уже не пинает, а старается перешагнуть, не наступив. Воистину - не искаженный лес, а иллюминированная Базарная площадь Столицы в канун Смены Года. Довоенная, конечно.

Вероятно, именно эти ползающие по земле, по стволам и отчасти - те что помельче – парящие в ночном лесу «украшения», в придачу, как сказал бы наставник Тактики, к *сложному профилю местности с неудобным для рекогносцировки дефиле*(71) и привели к тому, что девочки заметили разведенный в очень подходящей для этого ложбинке костер очень поздно. Правильнее сказать – когда просто-напросто в него уткнулись. Уже утром, когда Харману подняла вопрос о причинах подобного, как она выразилась, *растяпства*, Вирр именно на профили с дефиле и сослалась - переложив их, конечно, в более внятные для орчицы понятия (правда, при этом умолчав, что за такую, с некоторой долей деликатности говоря, *беспечную прогулку по условно враждебной местности*, сам наставник - почтенный Берохин - заставил бы ее после уроков переписывать труды древних стратегов; а случись Берохин не в настроении - исключительно мемуары полководцев хум'аноре, в знак неуважения к стилю последних и презрения к недаровитым Ученицам). Вопрос о том, отчего костер и все, что к нему приложилось, не учуял Рилль, так и остался открытым (хотя Харману подкинула провокационную, по мнению Вирр, версию, мол, это было отмщение Рилля за *зжатую троллятину*).

Небольшой аккуратный костер был разведен в неглубокой ямке. Рядом с ним на повсеместной белесой траве обнаружили два древесных обрубка (для бревен маловаты, но для ветвей уже слишком толстые; Вирр пригляделась и даже коснулась их торцов, не доверяя свету пламени – рубили топором и совсем недавно) – один поменьше, другой подлиннее; судя по вмятой траве и потертой сверху коре, на том, который короче, кто-то сидел – и довольно долго; а больше ничего и никого не было. И трава вокруг была почти не примята; по всему выходило - тот, кто развел костер, не плясал вокруг него, не готовил ужин и не творил заклинания – просто сидел на чурбачке и смотрел на огонь. Или дремал. А потом ушел?

- И часто у вас тут непотушенный огонь в лесу оставляют? – шепотом спросила Харману, настороженно озираясь. Обожаемые топоры она уже держала в руках.

- Обычно – нет, – Вирр в отличии от Шаманки серьезной опасности не ждала - тролли так далеко от гор и настолько близко к городу забираться давно не рисковали, да и для

ловушки бы придумали что-нибудь позанятнее; а нежить костры не разводит. А вот какой-нибудь романтичный, относительно молодой столичный Следопыт, которому *настоящая полевая жизнь* еще не приелась... Может, с одиночкой-син'дорай будет проще договориться? И Следопыт действительно окажется настолько молодым и при том романтиком, что не начнет беседу с «Что ты тут делаешь» и «чья ты дочь»? Или даже уже *совсем* взрослым, но кем-то вроде Лилаты. Или Отшельника? Или – чем Белоре не забава? – лично *сам* Отшельник? Прямо как в пьесе драматурга Леранила с острова Кель'Данас, где таинственный Маг Школы Молний – исполненный и мудрости, и Силы – помогал героям, всегда оказываясь рядом, неожиданно, но всегда в самый опасный или самый нужный момент?..

– Мало ли, кому по какой надобности пришлось отойти, - предположила она и, тихо позвав Рилля, жестом спросила «Есть тут кто? Или что?». Рилль фыркнул – не отрицательно и не утверждая, а просто – фыркнул. Потом мотнул головой куда-то в лес – мол, с вами тут скучно, а я поброжу вокруг, поразведая. И убрел за пределы круга света, не дожидаясь согласия Спутницы.

- Че это он? – удивилась Харману.

- Погулять пошел, - истолковала Вирр Риллевы манёвры. – Видимо, если и есть кто – то свой. Неопасный.

- Если тебе верить, так у тебя сейчас тут и своих-то нет, - хмыкнула Шаманка. – Тот троллище хотя бы не собирался тебя домой тащить...

Ответить должным (то есть, достойным Высшей в бегах) образом Вирр не успела – со стороны, противоположной той, куда ушел тигр, послышался шелест и хруст веток: кто-то неторопливо, не беспокоясь о производимом шуме и ничуть не скрываясь шел к костру.

Не Следопыт, с некоторым облегчением подумала Вирр. Приближавшийся некто, судя по звуку, обо что-то - буквально в паре шагов от костра и при множестве светляков вокруг - умудрился споткнуться. *И не син'дорай*, подумала Вирр, уже и вовсе жизнерадостно. Но лук – *несиндораи* разные бывают! – все-таки изготовила. И, едва некто неуклюжий появился на свет, тут же нацелила стрелу прямо в отражающие блеск огня, точно горящие, глаза на лице... нет, наполовину сгнившей морде мертвеца, успев про себя пообещать кое-кому намять полосатую холку.

- Стой! - завопила Харману, - это же Отрекшийся!

Прыгать к Вирр и пытаться перехватить лук она даже не попыталась – кто их знает, бесенят длинноухих, с их быстротой и ужимками, а ну как успеет стрелу пустить, а то и две?

- Да-да, - послышался на удивление спокойный, сдавленно-хриплый голос, неловко выговаривая слова на довольно правильном талассийском, - будете стрелять – если можно, в голову.

Вирр уже и сама смогла оторвать взгляд от памятных ей еще по тому дню мертвецких глазищ и охватить ночного гостя в целом. Да, обычно мертвецы Плети не носят робы магов хум'аноре (по крайней мере - долго и в приличном состоянии) и сумок травника через плечо. И уж точно не жгут костров и не носят для них хворост.

Девочка опустила лук и, чтобы скрыть смущение и раздражение (сколько за прошедший день она сделала ошибок и глупостей? А если посчитать с момента, как они с Риллем покинули дом?), спросила: - А... отчего – в голову?

- Голова зарастет, а мантия совсем новая ... – существо со свистом вздохнуло, - почти. Штопка весь вид портит.

- И че, - попробовала наладить общение и орчица, - уже приходилось за иголку браться?

Разумная нежить уронила хворост поблизости от маленького чурбачка, уселась – двигаясь странно, то неуклюже и неповоротливо, а то – быстрыми рывками (совсем не так, как мертвецы Плети), и, посмотрев на Харману, ответила:

- Да. Тут в окрестных лесах бродит один эльф. Син'дорай, - уточнил живой труп, и тут же поправился: – Хотя правильной будет - кель'дорай. Как мне объяснили Стражники Транквиллиона, он с последней войны здесь в одиночку прячется. Он безумен – потерял близких, сам выжил. На нежить Менетила охотится; от своих скрывается. Мне бы прислушаться, да подумалось – лес большой... А он третьего дня на меня и выбежал.

- И че? – подалась Шаманка.

- И он в меня попал, - ответила нежить.

- Ну а ты?! Как выжи... Ну, короче, чё он тебя не убил?

- Некоторым уже убитыми притворяться легче, - уклончиво и в то же время, исчерпывающе, ответило мертвое существо, глядя на огонь.

- Это не здесь было – дальше, к реке. Сюда, близко к городу, этот мстящий всем мертвецам эльф не заходит. Но вот про вас двоих, - глаза, смотрящиеся на лице (на котором местами были видны желтоватые кости) даже *слишком живыми*, уставились на эльфийку и орчицу, - меня не предупредили. Воистину – «Опасайся живых!»

Наверное, существо усмехнулось, но точно сказать было нельзя - по одному оскалу (без губ) не угадаешь; только шелестящий выдох намекал на короткий смешок.

- Нас трое, - гордо уточнила Шаманка, – с нами тигр! Только он... - она огляделась, надеясь, что Рилль уже вернулся и скромно сидит где-то в сторонке, - погулять отлучился.

- Тигр, – задумчиво произнесло существо. – Не помню. Кто это?

- Как это – не помните? – вступила в разговор Вирр. Ей было непросто. С одной стороны, сидящая напротив *разумная* нежить вызвала жаркий, неутомимый интерес: об этих новых членах Орды даже в самой Орде знали еще очень мало – что уж говорить о син'дорай, которые в Орде тоже всего-то лет тринадцать без малого. Но с другой... не то что разговаривать – даже сидеть рядом с этим бродячим мертвецом Вирр – никак не забывшей свой страх перед нежитью в лето Катастрофы – было... неприятно. И даже просто глядеть в не то полуистлевшее, не то *недоотросшее* лицо (с Отрекшимися все было очень неясно); а когда нежить говорила - слегка неуклюже, делая произношение, в целом, правильного (девочка бы даже сказала, почти *литературного*) талассийского до изумления непривычным – невольно гадать, что именно у него... у нее?... там, внутри сгнило – все это не способствовало душевному спокойствию. И кто *оно*? Кем было? Ушей нет, и носа тоже; а по глазам не понять – разрез мог измениться(72). Хорошо бы, не кем-то из своих. Так или иначе, Вирр взяла себя в руки, а свои детские страхи и оскорбления чувств обозначила как недостойные Высшей. Высшие – они ведь оттого, в том числе, и Высшие, что видят суть, а сутью сейчас было то, что сидящее напротив существо – как бы оно ни выглядело и в силу чего ни появилось - есть носитель Разума, а потому оно никак не ниже, как минимум, прочих разумных Младших народов...

- Как обычно не могут вспомнить, – ровно прохрипел Отрекшийся. – Память к таким как мы возвращается не сразу. И бывает, что не вся. Это зависит от многих причин. Из существенных и достойных упоминания – меня *подняли* совсем недавно. А похоронили - относительно давно. По крайней мере, - уточнило существо с некоторым сомнением, - так мне сказали Гробовщики Ее Величества в склепе Похоронного Звона(73).

Вирр все никак не могла найти верный тон и подобрать уместную манеру. *Как с ним... или с ней? вообще говорить? Как обращаться?* Правил этикета для подобных обстоятельств Охотница припомнить не могла: син'дорай(74) всегда могли понять-

почувствовать, кто перед ними – мужчина или женщина, девочка или мальчик; не говоря уже о том, что вопрос пола для эльфов Крови был не столь значим, как у Младших рас и имел значение более чем не в каждом случае. Но кто знает, откуда их с Харману новый знакомый? Если из хум'аноре - а судя по тому, где его, гм, *откопали*, так оно и есть – то у них, как припомнила девочка, на сей счет были очень странные и непростые обычаи.

Впервые Вирр признала - благо тем языкам, в которых нет родовых окончаний. Куда проще, если бы разговор шла на орочьем! Но Отрекшийся заговорил на талассийском – на нем и надлежало поддерживать беседу. Впрочем, как всегда напоминала наставница Этикета и Манер, вежливое «вы» - категории рода не имеющее – всегда выручает.

- Не будет с моей стороны невежливым попросить вас уточнить: «давно», это подразумевается - сколько? – Забывать о том, что краткоживущие под этим словом понимают – даже в разговоре со Старшими! - *совершенно иные* сроки, не стоило.

- Не будет, – сизые мышцы на лице существа коротко дернулись; возможно, это была улыбка, - около полутора веков, – и добавило, нарочито церемонно: - Прошу барышню простить меня за недостойную в беседе с Высшей неточность, но занимавшиеся мной не были Магистрами-некромагами – всего лишь рядовыми Гробовщиками-Вербовщиками. Точнее они не смогли определить. А поднимавшая меня *валь'кира*(75) на тот момент была занята следующими ожидающими своей очереди трупами и тратить время на уже пробудившегося была не намерена. Несмотря на мой горячий интерес к своему прошлому, настаивать на внимании ближней Слуги Ее Величества мне показалось несколько... чрезмерным. Так кто такой тигр? Или что это такое?

- Это «кто», - немного обиделась за своего Спутника Вирр, - и он такой большой кот – навряде рыжих рысей...

- Только весь в полосках! – вставила Харману.

-...вы, верно, тут их уже видели?

- Да-а, - задумчиво произнес Отрекшийся.

- Они довольно на него похожи, - продолжала Вирр готовить недавно воскресшего покойника к совместному с тиграми существованию (по крайней мере, с одним из них), - только тигры, даже молодые, их гораздо крупнее, у них более длинный хвост...

- И клыки - во! – поторопилась орчица упомянуть, на свой взгляд, самое существенное.

- Возникающий передо мной образ определенно внушает... уважение, - пару раз задумчиво кивнула головой нежить. Понять, серьезна она, или насмешничает, было непросто. – Тигры дикие? – строго спросила она девочку.

- Обычно, да, – не стала скрывать правду Вирр, - но непосредственно *тот* тигр, который, я надеюсь, - она оглянулась, - очень скоро почтит нас своим присутствием – мой Спутник. Прирученный. На меня запечатленный, - добавила Вирр, на случай, если мертвец и про Охотников позабыл.

- Это весьма удачно, – флегматично сказал мертвец. – Кайс, Смотритель кладбищ, подбиравший мне одежду, рассказывал, что крупные хищники очень... прибавляют работы с иглой и нитью.

- Во, мы же не представились, - спохватилась орчица, - нехорошо. Я вот – Харману из рода Бхорр, а наша лучница-торопыга, - Шаманка повела рукой в сторону Вирр, – Виеринраэ из Солнечных Бликов. А тебя как звать? – спросила она жадно.

Вирр тут же простила ей «торопыгу» - было ясно, что природа сидящей напротив нежити занимает орчицу ничуть не меньше. И отругала себя - вот же не догадалась выяснить это таким простым и вполне вежливым способом – с именами хум'аноре она, благодаря урокам и особенно - их литературе, была хорошо знакома.

- Приятно познакомится, - вроде бы доброжелательно ответило существо, - зовите меня – Хесса.

Глядя, как и полагается при знакомстве - прямо на Хессу, Вирр не могла видеть выражение лица орчицы, но льстила себе надеждой, что ее собственное разочарование никак себя не проявило – имя было незнакомое и, похоже, совсем из иного языка. *Хотя, подумала она, такое окончание у хум'аноре чаще встречается в именах женских...*

Что подумала Шаманка было неясно, но сдаваться явно она не привыкла, а все этикетки (по крайней мере те, что не орочьи) – были ей, как говорят дети-син'дорай - *что доспехи Магу*. Она видела цель, сложностей не боялась и отважно шла на прорыв; даже не волком – кабаном-секачом:

- И чего же *уважаемая* Хесса кострует в лесу, а не ночует в Транке – со своими? – и уставилась на Хессу, пристально и выжидательно.

Разумная нежить ответила орчице взглядом тоже довольно долгим, затем снова уставилась на пламя костра и, наконец, сказала: - Иногда хочется побыть в одиночестве. Разве не так?

Вирр, соглашаясь, кивнула; Харману же, победив неясность, облегченно выдохнула, а по поводу возможной жажды одиночества скорчила нечто недоуменное, но спорить не стала – видимо, она осуждала не все, что полагала чудачеством.

- Если вы позволите спросить... - начала Охотница.

- А вот со мной ты всяких этих длинноухих церемоний не разводила, - притворяясь недовольной, проворчала, перебив ее, Шаманка, - ни тебе «извольте позволить», сразу на «ты» ...

- Во-первых, - начала Вирр (вновь возвращаясь в мыслях к идее «несчастный случай в виде оголодавшего тигра»), - мы с тобой встретились в бою. Там иные условности. Во-вторых, мы начали – ты начала, я поддержала - говорить на орочьем. А в твоём языке нет вежливой формы местоимения; если я не ошибаюсь, уважение в речи у вас выказывается...

- Лан, уговорила. Не сержусь, - ухмыльнулась Харману.

Мертвячка наблюдала за девочками с явным интересом – только что подбородок руками не подперла. А после слов Шаманки тут же внесла предложение:

- Быть может, Высшая согласится, что без лишних церемоний нам будет проще; мы, все-таки, - она демонстративно огляделась, - в лесу, а не во дворце. И даже не в чарующем Элунарane. За соблюдением протокола строго следить некому.

- Да и ваще, вот же придумали - обращаются к кому ни возьми, точно его не один, а много! – поддержала отказ от эльфийских манер орчица. – Верно Вирр сказала – нет у нас такого; я эти ваши «ты-вы» до сих пор все время путаю, с одного на другое сбиваюсь...

Вирр и сама была не против перейти с Хессой на «ты», но - не случись она в меньшинстве - предпочла бы еще какое-то время позлить орчицу *длинноухими* манерами – в наставнических целях. Но – увы...

- Я хотела тебя спросить – я читала, что Отрекшиеся опасаются огня.

- Верно, - кивнула эльфийке Хесса. – Опасаемся. Безотчетно. И открытого огня стараемся избегать.

- Но тогда ... - Вирр указала на костер и на саму Хессу, сидевшую очень близко.

- Со страхами надо бороться. – пояснила мертвячка. – И мне кажется, раньше мне нравилось сидеть у огня.

- И как же ваши алхимики горелки зажигают? – всхотнув, спросила Харману.

Отрекшаяся скосила глаза на орчицу.

- Те, которых мне уже довелось увидеть - очень, очень осторожно. Прочие, полагаю, тоже.

Вирр мысленно перебирала множество теснящихся у нее в голове вопросов об Отрекшихся – ответы на которые она в отчетах и записях не нашла (по крайней мере, в тех, которые были ей – не члену Совета и не сотруднице шала'зарам - доступны) – стараясь успеть выбрать (пока орчица еще чего-нибудь не брякнула) одновременно и самые насущные, и в данный момент наиболее уместные... но высунувшаяся из кустов позади Хессы сиренево-полосатая морда, неведомым Охотнице образом ухитрявшаяся совмещать и невинное, и откровенно довольное собой выражение (все коты это умеют, но все двуногие никак не поймут, как именно) потребовала срочных изменений, как бы сказал отец, *в повестке доклада*.

- Хесса, - тихонько окликнула нежить Вирр, не выпуская Рилля из виду, - тот самый прирученный и запечатленный тигр, о котором мы тебя преу... рассказывали...

- Да? – подняла взгляд от костра Хесса.

- Он прямо за тобой, в пяти шагах. Я вас сейчас познакомлю... Рилль! – окликнула тигра девочка, заметив, что тот нацелился познакомиться сам – как он это любил. *Он же не знает, что она не обычная нежить! Ох он сейчас...* – Своя! Не опасна! – она дополнила слова условным жестом – так, на всякий случай.

Рилль разочарованно перестал подкрадываться, наградив Спутницу взглядом, в котором было больше недоумения, чем обиды за испорченное развлечение. Затем подошел к костру и улегся рядом – строго между Вирр и Хессой, не проявляя к последней ни агрессии, ни страха; разве что, сдержанный интерес к новому двуногому.

- Потопчи меня талбук... - косые глаза Харману приблизились к размерам таковых у Вирр. – Он совсем тебя не чует! Ну, как нежить! Вирр, вы у себя в городе, чё, уже видали *отрёков*?

- Видели, но издалека, - приглядываясь к Риллю, ответила Вирр. – На балконе Дворца Посольств. И когда «Вожди Тауренов» давали представление.

- О-о-о-о! Ты с них тоже *уплываешь*?! – восторг Шаманки был искренним и неподдельным; вероятно, впервые за их с Вирр знакомство она нашла правильный, не *вывернуто-длинноухий* интерес, который она с сестрой по битве вполне могла разделить.

- Попробуй с них... не уплыть. – неволью улыбнулась Вирр.

Невольные спутницы уже глядели друг на друга по-новому, прощая друг другу то, что стоило простить за правильные музыкальные вкусы (недоступные большинству взрослых), когда этот волшебный момент зарождения – возможно, возможно! – настоящей дружбы столь несхожих душ был грубо и совершенно неожиданно нарушен.

- Вожди Тауренов? А кто это? – спросила Хесса.

Ценительницы кумиров юной поросли всех без исключения гуманоидных народов двух континентов, не сговариваясь, устали на мертвячку; сдержанное осуждение (презрение – в исполнении Харману), снисходительная насмешка (в случае Вирр – искреннее сочувствие к полному упущений детству) уже были готовы излиться на несчастную разумную нежить, когда сделавшие первый шаг к взаимопониманию «подруги» все-таки – тоже почти одновременно – вспомнили, сколько именно лет назад Хессу закопали и сообразили, что раз откопали ее совсем недавно - не то что попасть на представление знаменитой рок-труппы, но даже услышать о ней Хесса могла попросту не успеть.

Заговорили они тоже – обе сразу. Но тут им повезло: подобно Вэлли, Хесса умудрялась слушать – и даже при этом слышать – больше одного собеседника зараз.

(70) Mannoroth – один из старших демонов Бездны; возглавлял первое вторжение в Азерот. Повержен легендарным вождем орков Громмашем (предшественником Тралла, отцом Гарроша)

(подробнее - <http://wow.gamepedia.com/Mannoroth>)

(71) Имеется в виду то дефиле, которое «узкий проход между возвышенностями или водными преградами»; а не то, которое на подиуме:).

(72) Как гласило руководство для некромагов-син'дорай, «глаза у активной независимой нежити, особенно поднятых несвежих трупов, по сути, не свои, а продукт некромагии ее поднявшего».

(73) Deathknell Graves – одно из самых крупных кладбищ в Тирисфале. В центральном склепе, именуемом Мрачной могилой (Shadow Grave) расположена главная лаборатория Отрекшихся, где поднимают мертвецов из окрестных могил всего бывшего Лордерона.

(74) Как, впрочем, и любые эльфы.

(75) Val'kyr, нежить, созданная Королем-Личом из погибших женщин народа врайкулов с Северного Континента для исполнения воли Артаса в мире мертвых; позже присоединились к Отрекшимся (подробнее - <http://wow.gamepedia.com/Val'kyr>)

«Тигры. Кто они?», часть вторая.

- Ну что ж, - выслушав перебивавших и дополнявших друг друга девочек, рассудительно сказала Хесса, - на словах выходит – представление этой труппы обязательно стоит посетить. Хотя бы раз...

- Несомненно!

- Да че, к ведухам не ходи!

-...Но не могу обещать, барышни, что их песни мне обязательно понравятся. Если я верно помню, даже во время моей прошлой жизни мои предпочтения были более... - нежить помедлила, стараясь подобрать наиболее подходящее понятие, - *классические*. Например, менестрели старой лордеронской школы...

Вирр сдержанно кивнула.

-...или труверы Стромгарда – они тоже, по моему суждению, достойны похвалы.

Вирр деликатно промолчала.

- Но вот уже современные мне гилнеасские ваганты казались в своих поэтических и музыкальных экспериментах несколько... чрезмерными. Хотя их ранние миннезингеры достойны и более чем романтичны, пусть в мое время и полагались безнравственными.

Вирр одобряюще улыбнулась. Харману всю эту часть дискуссии просидела наморщив лоб, с натуженным выражением; верно, перетряхивала свои словарные закрома и лингвистические заначки, пытаясь понять - кто все эти люди и какими именно пороками или немощами они страдали, если их обозвали так сложно и нехорошо. Затем вдруг ее лицо разгладилось, глаза вдохновенно зажглись и она, воспользовавшись тем, что нашедшие одна другую меломанки временно тему исчерпали, оживленно спросила мертвячку:

- Слуш, я вот чем интересуюсь: а вы - ну, Отрекшиеся - чего-нито едите?

Кожа над глазами мертвячки слегка шевельнулась, отражая – вместо отсутствующих бровей – некоторое удивление столь основательной сменой темы. – Едим. Все что двигается и, хотя бы в каком-то смысле живет, должно питаться, – наставительно заметила она.

Вирр чуть было не уточнила, что немало живых (ну, или, *живущих*) существ и живут, и питаются, но остаются при этом, по большей части, неподвижными – те же растения! – но вовремя решила, что занудство тут не совсем уместно; как и Харману, она тоже последний раз ела утром.

Орчица же, наконец уяснив, что новой знакомой вопросы надо задавать прямо и по существу – если, конечно, целью является прямой ответ на действительно интересующее, фыркнула (совсем как Рилль) и (как про себя это назвала Вирр), *конкретизировала*:

- А что едите?

- Все, – Видимо, пожалев разочарованную орчицу, Хесса, сжалилась и пояснила: - Все, что живет или жило. Не обязательно свежее. Лучше всего – сырое.

Рилль, умиротворенно дремавший было у костра (он явно успел за время прогулки отыскать *живое* и сделать его *жившим*), поднял морду и строго, подозрительно посмотрел на нежить: хотя из утренней добычи тигриная доля составила чуть ли не половину, да еще четверть с довеском в придачу (Харману тогда обреченно подтянула пояс, но недовольства не выказала; забота о звере-Спутнике – святое; завел – корми!), конкурентов он не любил. Все Охотники знают: коты превосходно умеют считать - особенно еду; просто считать что-то еще другое им, как правило, не интересно.

- Охотилась сегодня на кого? – как можно небрежнее спросила Шаманка. Вирр

невольно приснула: орчица один в один напомнила ей персонажа детской сказки про Хитроумного Следопыта, который не только напросился к жадным селянам-хум'аноре на постой, но и своими плутнями и уловками вынудил их себя накормить.

- Если можно так назвать, – осторожно ответила Хесса. И пояснила: - У меня из орудий всего лишь топорик – небольшой, ветки или стволы некрупные рубить. И нож, - она немного подумала, - условно охотничий. Когда-то он им *определенно* был. На зверей с таким снаряжением охотиться сложно. Но тут, к счастью для таких как я, очень много насекомых. Они крупные, неповоротливые. Питательные. Если все эти расспросы к тому, что вы проголодались – могу поделиться.

Вирр – благодаря урокам Полторауха – не скривилась даже внутренне. Хотя и задумалась, как бы повежливей отказаться, мертвячку не обидев.

- Не вопрос, - задумчиво сказала орчица, - в Долине Испытаний всякое жрала, бывало. Но ты уж, Хесса, не серчай - видать, не настолько еще оголодала.

- В Долине Испытаний? – Вирр никогда не упускала случая узнать что-то новое. – Нам о ней на уроках не рассказывали.

- Ха! – лицо Шаманки изучало *столько* самодовольства и гордости, что случись рядом какой гоблин - узрел бы такой бесценный, щедрый и, как гоблины говорят, *непристроенный* источник и вот не медля ни мгновения предложил бы организовать поставки нуждающимся покупателям на условиях франко-склада, пообещав орчице (наступив на горло своей жадности ради такой возможности) небывало щедрую долю в две с полтиной части с каждых десяти. – Ни хвоста вы в своей *школе* не знаете, потому как вас по *книжкам* учат! – Слова «школа» и «книжки» она выговорила примерно так же, как ранее – «палаточку»; только, на взгляд Вирр, еще противнее. – То ли дело - нас, то ли дело – у нас! Шесть зим набежало – от мамки да в Долину! Жара, сушняк, песком моешься, песком заедаешь; скорпионы бродят – во! Чуть не с нашего тигру... И приметь - никаких тебе взрослых, ни отца, ни мамки. Ну, разве кому повезет – старший брат или сеструха старшая, что еще Испытание не прошли, с тобой там же *дуротарят*.

- Без подготовки? Без обучения? – Вирр была поражена настолько, что на время даже позабыла совершенно непростительные интонации орчицы о Школе и книгах.

- А там и учишься! И выучишься – ну, если выживешь. В Долине, оно по-всякому бывает. Не, ну в Грот Пылающего Клинка до пятнадцати зим и не гонят никого – там все-таки и демонье случается, хоть и мелкое... Грот – он, ваще для Испытания и Посвящения, эт' если тока кто сам башкой о камень стукнутый, сразу дуроломом попрется, но это уж... Бесикам, им ведь тоже жрать надо.

- А оружие... - тихо спросила Вирр.

- Да ты че? – искренне удивилась Харману, - его еще заслужить надо!

- И *учебное* не дают?!

- Это чтоб орчонок, шо шестерик разменял, не смог бы себе - да хоть из палок, камней и колючек! - какое ни есть ковыряло смастерить поухватистей?! Обижа-аешь... Да на кой хвост такой у нас кому сдался?! Он и до стольки-то не доживет...

По правде сказать, Вирр и много раньше не раз слышала на уроках политической этнографии, что хум'аноре, ор'анорэ и прочие народы с коротким сроком жизни и неумеренной (чтоб не сказать – звериной) плодовитостью своих детёнышей в обучении не жалеют, и с первых испытаний подвергают, в той или иной степени, подлинной смертельной опасности. Хотя ни она, ни почти никто из знакомых ей сверстников в подобное не верил, полагая все это очередной, скажем так, *мерой государственного вдохновения* юных граждан Кель'Таласа. Ведь и глупому ясно – краткоживущие просто должны еще крепче любить своих детей и беречь их еще сильнее именно оттого, что

живут меньше син'дорай и расставаться их родителям с детьми придется куда раньше... Но по всему выходило - если Шаманка не лжет (что вряд ли – уж больно искренне она кичится перенесенными трудностями) - наставникам Ученики-син'дорай не верили напрасно.

- А у вас, че, не так разве? – тоже решила пополнить знания о союзниках орчица, - ты вот, пусть и цветочком выглядишь – хотя, у вас вроде все такие, кого ни встретить, что мужика, что бабу – а нечего так, крепкая, сразу видно – не палочкой деревянной в детстве по чучелу махала, как детёныш-бледнозадый, а, это... кровь врага пила, печенкой заедала, не?

- Нет. У нас - не так, - рассеяно, думая о своем, ответила Вирр. - У нас до совершеннолетия – противником или дикие звери, или зомби...

- Чё?! – отвесила клыки Харману. - Зомби?! Настоящие? Вот прям с детства *бестатушного*? Не, ну *рога-а-то*... - покачала она восхищенно головой.

- Что значит «настоящие»? – очнулась от невеселых мыслей Вирр. - Искусственные... Ну, специально мастерами-некромагами созданные тренировочные... в общем, учебные зомби. Они как настоящие, только наложенные заклятья им не позволяют Учеников убивать - лишь ранить, но не смертельно. Чтобы ученики могли учиться на серьезном противнике, который и жалеть не будет, и которого можно мечом проткнуть, и голову ему срубить – если справишься. С ними допустимо все, что невозможно в схватке учебной - с Учителем, наставниками или другими Учениками. Убитых и посеченных зомби, конечно, заменяют, или восстанавливают. Некоторые служат уже немало лет – даже по нашему счету! Ученики - еще много поколений назад – таким даже прозвища давно придумали...

Несмотря на совсем невеселое настроение, губы девочки чуть дрогнули в почти незаметной улыбке. *Старый добрый Фелендрен-Я-Убью-Вас-Дерзкий-Кель'дорай!* Вспомнились младший отряд, интернат на Острове Солнечного Скитальца (родители тогда полгода были в отъезде) и рисунок над кроватью соседки по комнате - для любимого зомби маленькая впечатлительная Арве не пожалела ни благородного, и при том (как любят писать начинающие драматурги) *хищного* профиля; ни иссиня-черных густых, ниже плеч, волос; ни ярко-синих больших (какие не у всякого эльфа бывают) глаз; ни необычно светлой для зомби кожи; даже когти неведомого зверя на ногах были, в общем-то, почти к месту – нет, хорошо получилось...(76)

- Они разумны? – подала голос Хесса.

- Учебные зомби? – переспросила Вирр. - А, нет, конечно. Не более, чем механические големы... Не разум, а видимость его - сплетение множества заклятий.

- Не-е, ну так это чушь какая-то выходит, - едко подытожила орчица, на удивление долго слушавшая разъяснения Вирр. – И че это за противник, про которого заведомо знаешь, что прибить не сможет? То же чучело набитое, только двигается... – Она издевательски покачала головой. – Ну и жалеете вы себя, прям как бледнозадые! И как это вы тока выживаете? Не, ну терь-то ясно, чё вас Плеть на шматки порвала да на кучу опрокинула, ни разу не надувшись – небось, ваши *воены*-красавчики вструхнули? *Артасовы глode* – это вам не чучелы безответные...

- Конечно, - одно Белоре ведало, чего Вирр стоила эта внешне спокойная, небрежная насмешливость, - отсиживаться за океаном на другом континенте и наблюдать как другие принимают на себя удар самой страшной за последние тысячелетия угрозы всему миру, и Орде, и Альянсу – не стану спорить, это куда как отважнее.

- Че-во-оо?! – вмиг перестала ухмыляться Шаманка.

- И – кто бы сомневался? - *гораздо* достойнее, - сообразно канонам стратегии войны и диспута развивала наступление Вирр.

- Ты нас че, вот тока што ТРУСАМИ назвала?.. – сдавленно прохрипела побледневшая Харману.

- Впрочем... - не забыв о небесполезности обманных маневров – особенно с прямодушным противником, почти покаянно заметила Вирр, - я определённно к твоему народу несправедлива и скороспешна в суждениях, – она выдержала хорошую, до мгновения рассчитанную паузу (Харману даже было начала остывать), достойную если не ведущей актрисы Королевского Театра, то уж принятой в него же вне конкурса дебютантки – бесспорно, и не меняя тона, продолжала:

- Мне стоило подумать и понять – всю свою храбрость, отпущенную вам вашими... мм... Старшими Предками, верно? вы до конца и без остатка изводите в раннем детстве, в этой вашей Долине – на серьезные, *настоящие* битвы...

Как и любой юный син'дорай, Вирр завет Основателей - «*Если враг не сдается – добей!*» - не просто знала, помнила и читала, но и применяла творчески: как к заковыристым задачкам на счет и начертание, так и в той непростой дисциплине, которую наставники и Учителя называли *пустыми и беспредметными детскими ссорами*, а сами дети – высоким Искусством Подколок и Подначек.

Харману взорвалась не хуже *чудесного порошка* дварфов (который, к слову, ни чудесным, ни магическим – что бы о нем не фантазировали прочие Младшие народы - никогда и не был) и без замаха ударила, метя в голову Вирр – прямо пониже уха.

Ушей, головы, да и самой Вирр там, куда прибыл орочий кулак, не оказалось.

...Запомните раз и до скончания Мира: в безоружной драке с орками так – если какой удар пропустишь, то можно уже и не встать; и про свои победы сочинять будете уже не мне, а своим предкам. Потому убивать орков лучше все-таки сталью. А еще лучше - издалека. Ну а на тот невероятный - я ОЧЕНЬ надеюсь! - совершенно невероятный случай, если вы исхитритесь где-то ПРОГУЛЯТЬ и свой лук, и стрелы, и клинки, растратить всю магию и при том - не иначе как по воле Белоре - ваш противник-орк благим совпадением окажется таким же растеряхой и скорбным чудом Мироздания, запомните уже иное: они – сильны; но мы – быстрее. Не атакуйте сами – заставьте орка ударить первым; погоняйте его! А как раскроется... Уязвимые места у всех эльфоподобных схожи, уж вы мне поверьте.

Вирр - строго по полторауховым наставлениям – провоцировала Харману, удара орчицы с мгновения на мгновенье ждала, но сам удара принимать не собиралась. Зеленый кулак вспорол воздух, но эльфийка уже была сбоку от орчицы, быстрым движением скидывая тул и – быстро, почти бросая - опуская рядом с ним в траву лук (все-таки, даже будучи в ярости, за свои топорики Шаманка не схватилась); заметив краем глаза («*Сударь! На прелести Вирр вы будете глазеть на перемене, а в бою взгляд от противника не отрывать! даже если рядом гуляет сама Азшара... с неубранными волосами!*»), что Рилль тревожно приподнялся и уже щурит глаза на орчицу, быстро выпалила: - Рилль, учебка, сиди!

- Я т-те дам, уч-чебка! – зверея, прорычала Харману: не зацепив, и даже вовсе не достав Вирр, она чуть не поскользнулась на траве. – Прыгай-прыгай, ща вот тебе приложу... прям в бубен!

- Сперва дотянись! Что, орчицы все такие...

Еще прыжок.

- ...толстые и неповоротливые?!

- Уши оторву!

- Клыки не растеряй!
Уклон, еще... *Вот, сейчас...*

Звук, с легкостью пронзивший царившее в долине неблагозвучие топота, хруста веток, чавканья попираемой зомби-травы, хаканья, недовольного тигриного взрыкивания, язвительных рассуждений на орочьем и талассийских слов, сочных орчицей бранными («подруги» ничего не жалели для лучшего взаимопонимания), звук, заставивший Харману и Вирр – несмотря на всю их подготовку и советы наставников - все-таки уделить внимание (и, в первую очередь, взгляд) не только друг другу, этот звук был, в некотором роде, уникален: походя одновременно на хрип, сипение, отчасти треск и даже - как много позже поведала Харману - скрип несмазанной двери (Вирр с подобным была знакома лишь умозрительно, но орчице сразу поверила), он при этом обладал гулкостью, значительностью и лаконичностью от души произнесенного задумчивого «гм-м». Девочки мгновенно вспомнили, что они (даже если не считать тигра) не одни, одновременно замолчали и обернулись. Хозяйка костра сидела, по-прежнему, на своем бревнышке, положив подборок на сплетенные пальцы, а локти уперев на колени; ее глаза уже не просто блестели в свете огня, но сияли неподдельным интересом - только что театральной программки не хватало.

– Барышни, барышни... - сказала она замершим поединщицам, как им показалось, с чуть ли не материнской укоризной, а затем, немного помолчав, уже весело и ободряюще, добавила: - Прошу вас - продолжайте!

Барышни смотрели на нее, молчали и переводили дух. Харману тяжело дышала; Вирр, внешне не запыхавшаяся, тоже, однако, продолжать «учебную схватку» не спешила (уж неповоротливой орчица, по правде сказать, точно не была).

- Вы знаете, - воодушевленно продолжала мертвячка, - мне еще ни разу не довелось побывать в нашей столице лично, но рассказывают - там много популярных, неизвестных в иных местах публичных развлечений! Например, тараканьи бега? Или вот крысиные бои – вы не хотите попробовать себя на этом поприще?

Вирр, решив, что за истекший день (и даже часть ночи) она уже достаточно давала волю красноречию, сочла за благо промолчать; Харману, напротив, оживилась, и задорно спросила Хессу:

- И че, хорошо платят?

- *Крысам*, - особо обозначила Отрекшаяся, - обычно не платят ничего. Только кормят. Если им повезет.

- Нет в Азероте справедливости. - сокрушилась Шаманка, подергала себя за чуб и, приглядевшись к мертвячке, сказала ей: - Я ваще чево интересуюсь: нам... - она покосилась на эльфийку, - нам-то как раз в твой Подгород и надо. И желательно незадорого. А лучше б – так ваще бесплатно, ага?

- Бесплатно – это очень просто, - обрадовала орчицу нежить. - Направляйтесь по тракту на юг, до перевала; затем минуется заставу Кель'Литиен, сворачиваете на запад, проходите все бывшие земли Лордеронского Королевства...

- Погодь, не части! – махнула рукой Шаманка, - эт' я и сама знаю. Ты не шуткуй – мне и вот этой занозы в копчике, - она кивнула на довольную собой Вирр, - хватает; сама-то в одну морду так не пойдешь ведь?

- Именно этой дорогой я и... тот, к кому меня прикрепили в обучение и добрались сюда, - возразила Хесса.

Лицо у Харману невольно вытянулось; на мертвячку она глянула с некоторым уважением.

- Правда, лгать не стану, - продолжила Хесса немного погодя, - передвигались мы не

сам-два, а вместе с посольским конвоем.

- Хы, а чё оружно так? – хохотнула Шаманка. - А говорят - нежить нежити хвост не прищемит...

- Всегда есть те, кто опаснее любой нежити, – серьезно ответила Хесса.

- Эт' кто же? – поинтересовалась с сомнением орчица.

- *Живые*, – мягко ответила мертвячка.

Подходящего ответа у Харману не нашлось.

- Лан, - помявшись, сказала она, - ты нам насерьез скажи – а вот так, чтобы не войском, а одиночкам, вроде нас?

И снова ответ прозвучал не сразу.

- При всем моем уважении, барышни, чтобы дать не просто добрый, но и действительно полезный совет, мне придется проявить... несколько излишнюю любознательность. А что вам мешает путешествовать *не одиночками*?

Харману раскрыла было с готовностью рот, но, подумав, тут же его закрыла и молча, на сей раз – прямо, глаза в глаза, *значительно* посмотрела на Вирр - мол, сама, решай, *подруга*, чего говорить, а чего умолчать; ты ж у нас в бегах-то...

Вирр на тот момент уже решилась – осторожностью осторожностью, но кто знает, когда еще случай выпадет? Ну не побежит же Хесса и впрямь докладывать Страже Транквиллиона о беглой Ученице ...

- Мы не можем никому здесь показаться. Из-за меня, - призналась она.

- Интересно... - протянула нежить.

Вирр присела на свободное бревнышко; Харману, видимо, решив, что нарочитое «да я с тобой не сяду рядом даже чтоб...» будет уже чересчур по-детски, да и откровенно глупым, не торопясь, как бы нехотя, тоже уселась – на дальний край.

- Я не преступница, не подумай, – продолжала Вирр, - я просто сбежала из дома. Меня, возможно, ищут; и непременно отправят домой – если найдут.

- Да, мне стоило догадаться сразу. Но понять на глаз возраст Высших для Низших всегда было непросто...

- Младших, - машинально поправила Вирр.

Нежить подвинула надбровные мышцы, кожа на лбу на миг сморщилась: - А-а, теперь нас уже так называют...- пробормотала она негромко, как бы про себя. И, уже, отвечая на признания Вирр: - Это осложняет. Даже миновать перевал тебе будет непросто.

- Я догадываюсь, - сдержанно сказала Вирр.

- Раз уж у нас тут ночь откровений, - немного подумав, сказала Хесса, - спрошу еще: вам нужен именно Подгород? Или некто, в нем... существующий?

- Да не то, чтобы именно... - подала голос орчица.

- Именно, что некто, - уточнила Вирр. – Мы и сами не знаем, кто нам поможет. Но кто бы он ни был, он в любом случае живет – или *существует* - либо в Подгороде, либо в Оргриммаре.

Хесса сделала рукой с прутиком (она ворошила угли) слабый жест, поощряя Вирр к разъяснениям.

- Нам нужен Варлок, – решилась Вирр. – Опытный. Лучший.

- Такой, понимаешь, ну – матерый! – вставила Харману.

- Или ученый-нежить, изучающий *душервание*, - сказала, как выдохнула Вирр, – оттого и Подгород.

- Знаешь, - задумчиво сказала Хесса, - тебе удалось меня удивить. Высшие теперь интересуются магией демонов?

До Вторжения Плети обращение к силам Пустоты полагалось среди кель'дорай не то чтобы недопустимым – чем-то и вовсе немислимим. Даже сам Дат'Ремар - не признававший в познании и поиске каких-либо границ и презиравший ограниченность мысли - никогда не забывал о первом приходе демонов в Азерот и всегда предостерегал своих учеников от подобных экспериментов.

Но появление в Азероте орков-демоноводов Дренора заставило эльфов Кель'Таласа по-иному вспомнить слова древнего поэта, до того чтимые лишь как затейливый образчик старого слога: «*и оружие врагов восстанет на них*». К исходу Первой Войны(77) запрет на практику демонологии был Королем отменен - дабы успешнее противостоять чернокнижникам Орды (тогда еще народу кель'дорай враждебной), *ман'ари ш'ала*(78), искусство демонологов, до того практикуемое исключительно в тайне и лишь отщепенцами-одиночками (*впрочем, мысленно поправились Вирр, теперь их велено именовать дальновидными провидцами*) было немедленно признано и узаконено.

...И пусть хум'аноре с их коротким веком и недолгой памятью, пребывая в наивном заблуждении, по-прежнему верят, что именно Натали-Из-Лордерона, столичный епископ, первой изучила уловки некролитов(79)-ора'норе и указала путь народам Азерота к новому Классу! Старший народ никогда не нуждался в помощи любителей и профанов – ему достаточно перечитать свои научные архивы. Или просто припомнить уже давным-давно пройденное.

После поражения в борьбе с Плетью и воцарением Регента еще больше правил и обычаев, ранее незыблемых, рассыпались мелкой пылью – Класс Варлоков получил особую поддержку правительства: скрывавшие свои исследования и практики *отважные и независимые исследователи* получили лаборатории и должности, а родители будущих Магов – лишнюю головную боль: способности Варлока были очень редки и случались не у каждого потенциального Мага; таких детей следовало выявлять еще в самом раннем возрасте (теперь известие о незримом для взрослых чудовище под детской кроватью пугало, скорее, *самих взрослых*) и обучать незамедлительно, а мнение родителей или желания маленьких син'дорай - согласно постановлению Совета – в расчет не принимались. *Долг гражданина, син'дорай...*

Примерно так и разъяснила Вирр Хессе пропущенные ею ввиду смерти перемены в обществе Высших - опустив, конечно, политические тонкости (чужим они без надобности!) и обойдя вопрос научно-магического первенства (к чему выделять то, что и так – правда?).

- Ясно, – кивнула мертвячка, - странно, что вы не подумали об еще одной, довольно очевидной возможности. Даларан(80). Вот уж где непременно найдутся Варлоки самой старой школы. Отважная орчица могла и не знать, но тебе-то, Виеринраэ из Солнечных Бликов, должно быть непременно известно, что магократы Даларана давали приют демонологам всех народов даже в те *непросвещённые* времена, когда во всех прочих Семи Королевствах за игры с Бездной сулили, - она усмехнулась, - избавление от грехов и страданий?

- Че за Даларан? – поинтересовалась «отважная».

- Это такой город, – вежливо и лаконично пояснила ей Вирр; и уже Хессе: - С Далараном за это время тоже случились... некоторые перемены. До Даларана теперь совсем в иную сторону. И *значительно* дальше. Я о нем думала, но руины Лордерона и, учитывая гоблинские... ммм... воздушные суда, Оргриммар - куда ближе.

- Да? Вот умри всего на какие-то сто пятьдесят лет... - проворчала Хесса, - и что же с ним случилось?

Вирр подумала, как проще, а главное покороче изложить суть происшедших событий (возбуждение от *учебной драки* с орчицей уже отпустило ее, и спать хотелось невыносимо), вздохнула и ответила:

- Он улетел.

Примечание к части

(76) На вопрос, «каким шедевром живописи ты вдохновлялась, описывая рисунок Арве», ответу – вот этим http://wow.blizzardgame.ru/assets/Warcraft-Gallery/_resampled/SetRatioSize10243000-Felendren-the-Banished-by-Miguel-Coimbra.jpg

(77) First War, Первая война - собственно вторжение орков (Первой Орды) в Азерот; (подробнее - http://wow.gamepedia.com/First_War)

(78) man'ari - демон, sh'ala – союзник (талассийск.)

(79) Necrolyte, орки - представители отдельного религиозного направления, практикующие связь с Бездной для сотворения своих чар; подробнее - <http://wow.gamepedia.com/Necrolyte>

(80) Dalaran, город-государство - одно из Семи Королевств Людей, управляемое советом городских магов Кирин Тора, потому и магократия; Во время войны с Аратасом, маги Кирин Тора отделили часть скального основания, на котором был выстроен город, от поверхности, подняли его в воздух и переместили в воздушное пространство над Северным континентом (как утверждает официальная версия - "для удобства открытия фронта против армии Короля-лича"); подробнее - <http://wow.gamepedia.com/Dalaran>

«Мертвый друг лучше новых двух».

К удивлению Вирр, Отрекшаяся приняла ответ как должное.

- Да, - кивнула мертвячка, - пожалуй, это в духе народа Даларана. Скорее странно, что они не сделали этого значительно раньше.

- Так, - вмешалась Харману, - ни хвоста не ухватываю, о чем вы тут болтаете, но – че насчет Подгорода? Как нам туда дотопать?

- Я пока думаю, - призвала к терпению мертвячка.

- Уж прости на честном слове, но ты не думаешь - ты про какие-то летучие города с Виркой треплешься... - недовольно проворчала орчица, - как можно одновременно и болтать, и думать?!

Хесса пристально посмотрела на сомневающуюся Харману; в глазах нежити мелькнуло удивление – или, скорее, некоторое недоумение. Она бросила короткий взгляд на Вирр, точно в надежде получить некий тонкий намек (например, не шутит ли орчица); эльфийка – благо сидела вполоборота от Харману - быстро отыграла незаметную для той пантомиму: виноватая улыбка, приподнятые брови, «страдальческие» глаза и смущенное пожатие плечами – мол, вот с кем хожу: дикий народ, дети степей...

Хесса перевела взгляд обратно на орчицу и твердо сказала:

- Это исключительное свойство Отрекшихся. Живым - недоступно.

- Рогато! – оценила Харману. - А че еще можете? Ну, такое, чтоб не как у живых?

- Еще? – задумалась нежить, - вероятно, быстро залечивать раны и восстанавливать утраченную плоть, поглощая чужую – если я, конечно, правильно помню, живые этого не умеют?

- Быстро – не, не умеют, - подтвердила Шаманка и зевнула.

- А еще, - продолжала раскрывать секреты своего племени Отрекшаяся, - нам не нужно спать; так что вы бы поспали, хоть немного, а я постерегу – вместе с тигром юной Высшей. И подумаю, как вам помочь.

Вирр достала из рюкзака и расстелила плащ рядом с Риллем; Харману, то ли не озабочась таким снаряжением, то ли являя нарочитое презрение к удобствам, улеглась по другую сторону костра прямо на земле, перед тем старательно изничтожив под собой, и особенно в изголовье, сомнительную траву – не нравилась она ей.

- Слуш, Хесса, а ты каким-нито оружием владеешь – ну, кроме того как бы охотничьего ножика? Ты ваще – кто? Чем живешь – и так вижу, травница.

- Не знаю, - просто ответила мертвячка.

- Ты свой Класс не помнишь?! – застыла Харману на корточках с пучком белесых стеблей в руке.

- Не помню, – слегка кивнула Хесса. - Память во многом вернулась, но все, связанное с этими навыками... - она качнула головой. – А сумка... у нас всем, кто своей профессии и Класса не помнит, выдают; за растениями посылают - нашим фармацевтам всего всегда мало.

- Ниче, вспомнишь, - посулила орчица.

– Грбовщики Ее Величества утверждали, что для нас прошлое боевое обучение зачастую бесполезно: иная природа, другие ухватки... по сути – новое тело. Многое, если не все, приходится осваивать заново. Одно хорошо – Отрекшиеся учатся быстро.

- Во, тож дело, - сквозь зевок, уминая мешок и пристраивая на нем голову, одобрила, орчица. – Из вас, говорят, добрые Лазутчики выходят. Ну и Ма-аги, да-а-а...

Наконец, Харману затихла; Вирр расслабилась, положив руку на тигриную лапу -

остались только звуки ночного леса и потрескивание костра, под которые так хорошо засыпать. Но уже почти задремав, Вирр опять услышала сонный голос неумной орчицы:

- Слыш, Хесса... насчет поглощения плоти – если вздумаешь нас во сне сожрать, начинай с Вирр – на костях мясо слаще...

Все-таки, подумала Вирр, придется Риллю ее съесть. И заснула.

- Я за равенство всех народов, - успокоила орчицу мертвячка, - откушу от каждой строго поровну.

* * *

Во сне Вирр пыталась исполнить обещанное, но не вышло: приснившийся Рилль, изъясняясь на высоком талассийском голосом Отшельника (и его же манерой), долго объяснял своей Спутнице, что есть Харману он не станет - то ссылаясь на таинственную диету Магов, то просто утверждая, что «тигры орков не едят и не знать этого Ученице просто стыдно». И все настойчивее убеждал, что вот как раз самой Вирр закусить орчицей очень даже не повредит... Какой-то странный был Рилль. Неправильный.

* * *

Когда они проснулись, утро уже было довольно поздним; едва ли не полдень. Сама ли встала орчица, Вирр сказать не решилась, а вот ее разбудил *правильный* Рилль – растолкал носом в бок и – осторожно – лапой. Тигр всегда так делал, когда скучал или хотел, чтобы его покормили. На сей раз к привычным двум причинам он, едва Вирр уселась на скомканном плаще, присовокупил третью – мотнул головой в сторону опустевшего Хессова поленца (самой мертвячки Вирр не обнаружила), на котором виднелся сложенный листок, заботливо прижатый толстой веткой. Обойдя потягивающуюся и разминающуюся орчицу, Вирр ей кивнула (совсем не приветствовать было бы неподобающе грубым, а желать вслух доброго дня пока не стоило – пусть почувствует себя виноватой!) и развернула записку. На бумаге син'дорайской выделки - для малых канцелярий, средней руки (с филигранью(81) Транквилла, отметила девочка), аккуратным и изящным - случающимся среди краткоживущих (любому син'дорай известно!) обычно лишь у профессиональных каллиграфов - почерком было написано (пo-талассийски, но рунами хум'аноре) следующее:

Прекрасным воительницам – отважной Харману из рода Бхорр и Высшей Виеринраэ из Солнечных Бликов – здравствовать, процветать и удачно встретить новый день!

Нижайше вас прошу меня простить, что пришлось покинуть нашу гостеприимную лощину, не дожидаясь вашего пробуждения, но обстоятельства потребовали от меня срочного собеседования с моими соплеменниками - на исходе ночи мной, что надеюсь, порадует отважную Харману, были рассмотрены все доступные моему разуму возможности вашего дальнейшего путешествия, и одна потенция мне показалась – с учетом поставленных вами условий касательно инкогнито Высшей Вирр – если и не гарантирующей Высшей Вирр полную незаметность для ответственных син'дорайских глаз, то обещающей полную невозможность, ее, Высшей Вирр, задержания и экстрадиции – что, льщу себя надеждою, успокоит и порадует Высшую Вирр.

Однако, прежде чем пробуждать в вас, и особенно в Высшей Вирр, преждевременные

надежды и ложную уверенность в успехе, мне показалось должным уточнить все детали, доступности и возможности у тех, от коих непосредственно зависит и надежда, и успех сего хитромудрого предприятия.

Последняя строчка тянулась уже по самому краю - листик был небольшой; девочка заглянула на обратную сторону, справедливо ожидая продолжения: для заявленной манеры (эпистола в стиле времен Теренаса Первого) письмо обрывалось как-то неожиданно и резко. И верно, была еще пара фраз:

*Предлагаю встретиться здесь же на исходе дня.
С подобающим уважением,
Хесса.*

Чуть ниже, уже более небрежной рукой, после замысловатого значка (Вирр не сразу узнала уже не употреблявшийся Младшими хитросплетенный символ, означавший «к слову») было приписано:

*К слову: Вирр, ни в коем случае не волнуйся - твоей тайне ничего не грозит!
И еще к слову: покормите же тигра! Бедный зверь оголодал, а насекомых тигры, оказывается, не едят - кто бы знал!*

Последним строчкам Вирр улыбнулась - стал бы Рилль потреблять всякое членистоногое, когда есть надежда *выявить* нечто более существенное (всем котам известно: каждый новый двуногий – наивный источник еды!), а вернувшись к предпоследним – тревожно вздохнула: тут волнуйся – не волнуйся, только ждать и остается; как говорят гоблины, *доверие – товар редкий, дорогой и скоропортящийся...* Что ж, вечером и поглядим. В любом случае, эта разумная нежить достойна всяческого уважения, раз у нее в сумке – помимо топорика, ножа и трав – еще и походная чернильница! А судя по неплохому, *почти без ошибок*, стилю (вся-таки, обращение «Высший» традиционно употребляется исключительно с полным именем) – при жизни и с книгами дружила и, возможно, дружит – не то что (Вирр косо глянула на орчицу) всякие степные варвары с Закатного континента. Тут девочка с огорчением вспомнила, что и сама-то она путешествует безо всяких письменных принадлежностей - именно что как неграмотный варвар – но извинила себя тем, что не предполагала пробыть вдали от цивилизации более двух-трех дней. Да и вообще живой не чаяла вернуться...

Она обернулась к Харману и мгновение-другое раздумывала – послание предназначалось им обеим, но... умеет ли орчица читать по-талассийски? И рунами Альянса? А если нет - передашь ей письмо, а она сочтет за издевку? Решив не рисковать понапрасну, Вирр просто окликнула Шаманку и пересказала ей содержание.

- А че, она дело говорит, - кивнула Харману, засовывая топорики за пояс. – Поохотиться надо, а то у меня уже кишка кишке фильку кажет. А вчера, меж прочем, мне кто-то богатую охоту обещал.

- Будет, - коротко подтвердила Вирр.

- И ты, это... - неуверенно начала орчица, не глядя на Охотницу, - в общем... Я тут вчера наговорила всякого - зря я это. Извини(82). Но прошу тебя, больше такого про нас не говори никогда, это хуже, чем... в общем, хуже всего! Да, в общем, извини.

- Хорошо, - прищурилась Вирр. – Я больше не скажу, если ты не скажешь.

- Слово! – веско сказала Харману и определенно повеселела. - Эх, сама бы в Транк

сгоняла, мож, кто опять из наших есть - новости б узнала... А если по пути, глядишь и нас бы прихватили!

- А мне через посты - как? – уныло уточнила Вирр. Она и сама бы с радостью заглянула в городок, если бы не обстоятельства - навестила бы любимые скульптуры на Центральной Площади – сохранились ли они? Сколько бы девочка не бывала в Транквиллионе, она всегда ими любовалась: ведь скульптору позировала сама Сильвана с сестрой, правда, давно - когда она была чуть старше самой Вир.

Харману задумалась.

- Как-как... Во! В мешке каком, вот как... Э-э, да ты чего – я ж насерьез, без подначки! Ну че такого-то? У нас даже байка есть, как один великий воин к врагам в лагерь так пробрался... Или у вас с мешками... - орчица неопределенно, но деликатно пошевелила пальцами, - ну, табу... какое?

- Оставим эту идею на крайний случай, - твердо сказала Вирр. – Ты мне лучше скажи: как угадала, что Хесса – девушка?

Ей и правда был интересен ход мыслей орчицы – вряд ли та, подобно Вирр, разбиралась в именах хум'аноре.

Харману прыснула: - Хы, еще говорят, все длинноухие – глазастые! Видать, врут... Ты глаза-то разуй, да смекни! Хотя че тут смекать – что называется, и наощупь заметно: шмотье у нее ну вот вчистую бабское, да еще *прит-таленное!* С пояском!

Вирр и в былые годы, пока хум'аноре были еще союзниками, никогда не уделяла внимания тонкостям их моды, и, по чести говоря, чем именно отличается у них покрой робы Магички от робы Мага, не знала (увы, додуматься до простого и удобного в повседневности решения – узоры и вышивка! – или хотя бы позаимствовать этот обычай у Старших, по крайней мере *этого* народу Младших и краткоживущих, видимо, не дано). И потому судить, права орчица или нет, Вирр не решилась (неведомым, судя по всему, для орков знанием, что на мертвеце, лишенном немалой части плоти, любая роба с поясом будет выглядеть приталенной, она решила поделиться позже).

-...а какой мужик, - продолжала Харману, - хоть бы из *бледнозадых*, ну, из людей - пусть даже и дохлый - станет в бабском ходить, даже не пытаясь себе чем иным расстараться? И ваще - главное: она ж, когда я ее за тетку определила, даж не вякнула! Ну вот ты ваще – вот даже у ваших! - где-нить видала такого волчару, который в горло не вцепится, ежели его за волчицу принять?!

- Конечно, видала, - немного удивленно сказала Вирр, - до войны, в Королевском Столичном Театре.

Харману, судя по ее ответному взгляду - пораженная до глубины своей простой орочьей души - раскрыла было рот, но видимо решив, что ссориться снова, едва помирившись – плохая примета и вообще последнее дело, свое рвущееся наружу суждение о сильной половине длинноухого народа оставила при себе. Только ошарашенно головой помотала.

Вирр все же решилась уточнить.

- Но нам на уроках рассказывали, что в вашем обществе подобно нашему - и мужчины, и женщины равны...

- Ну! - подтвердила орчица. – Попробуй они с нами не так – враз бы булавой по темечку схлопотали!

- Тогда что же позорного может быть в том...

- Да не в позоре ж дело, дурилка, - снисходительно разъяснила Шаманка, - позор – трусом или трусихой быть, или косоруким каким. Тут, такая штука: в каком роду родился – за тот и стоишь; как тебе Старший Предок определил отливать – стоя или сидя, так

тому и быть, и не иначе! Поняла? Как народился, так и живи! А ежели ты мужик, а тебя за бабу держат – или обратно – значит плохо волю Предка исполняешь; значит - не то ты, и не это, а ваще – никто и ничто.

Вирр сдержанно кивнула, но про себя в который раз порадовалась, что родилась син'дорай, а не орчицей. *Все-таки, не все традиции у нас плохи; если таким, как у ора'норе обычаям следовать – это что же за жестокие глупости выходят? Родилась, например, у Магов – так Магичкой и будь, а никак не Охотницей? И никаких тебе тигров – одни посохи и жезлы?! Девочка на мгновение представила себе, что она родилась среди орков и как ее с колыбели заставляют быть не тем, кем она хочет, а кем-то другим... Да еще и с шести лет в какой-то пустыне жить заставляют (и это безо всяких книг? Да никакие чудесные скорпионы размером с Рилля того не стоят) ... и тут же, мысленно вздрогнув, положила себе в таком ужасном, невыносимом и маловероятном в грядущих воплощениях случае - немедленно, едва научится ходить – сбежать; добраться до ближайшего мага (разумеется, эльфийского) и уговорить его превратить орчицу-Вирр в Вирр-син'дорай! Правда, про магическую правку отдельных частей тела она хотя бы читала – такое соплеменники Вирр практиковали нечасто; среди син'дорай редко рождались недовольные собой - но про полную (и постоянную!) смену облика и видовой сути даже не слышала. Так тем лучше: какой Маг откажется от нового опыта, да еще и с добровольцем?..*

* * *

Вчера девочки так и не дошли до намеченных лесов с полуденной (или, как говорят орки и люди, южной) стороны Транквиллиона – сперва костер, затем Хесса; да и было уже довольно поздно. Хотя до обещанных Вирр богатыми дичью мест было относительно недалеко, туда еще предстояло добраться – причем в обход городка, находящегося в опасной близости. И потому Шаманка, Охотница и тигр выступили *относительно* спешно, почти не теряя времени; короткое, вежливое, почти что дружеское препирательство – оголодавшая Харману не хотела тратить и часа на дорогу по холмам и настаивала на охоте «где стоим», приводя в пример тигра, который «ну вот точно ночью кого-то ухомачил» - было не в счет. Вирр поразила Харману неожиданным доводом - местное пригородное зверье определено пуганное, и боится уже не столько своего же собрата-зверя, сколько всяких двуногих, вот тигру и свезло; и вообще, добавила она, не стоит ровнять свои охотничьи таланты с возможностями лесного, пусть и прирученного хищника - *даже тем, кто от рождения обладает эльфийской ловкостью и бесшумным шагом.* Харману намек поняла, бег по лесу от некронерубов припомнила и, на удивление Вирр, спорить прекратила. Эльфийка, отчасти тронутая такой неожиданной покладистостью, пообещала Шаманке: если по пути и правда отыщется недопуганная местными син'дорай и Отрекшимися живность - будут охотиться там же. И даже посулила первую добычу сразу же приготовить, и первым куском несчастную орчицу в обход Рилля наделить (правда, втайне рассчитывая все же дойти до затранквильских мест – помимо хороших угодий те леса были знамениты множеством мелких озер, в которых было так хорошо купаться до войны. А если верить отчетам местных ученых-Магов – утверждающим, что Тропа Нежити пролегла далеко и воды озер не затронула – то и сейчас неплохо).

А еще девочка надеялась с холмов бросить взгляд на город при свете дня – хотя бы издали. Вдруг повезет, и будет видна Площадь?

* * *

Если охота в этих местах и была сверх меры изобильна, то явно *до того*, как отчеты местных Следопытов и Магов осели в архивах Столицы. Или, как несколько запоздало подумала Вирр, вероятно их читала не только она одна. Возможно, в них заглядывало даже местное начальство, желая разнообразить свой досуг. А судя по тому, что эльфийке, орчице и тигру пришлось отсидеться в колючем подлеске, укрываясь от развлекающихся охотой верхом на крылобегах(83) двух син'дорай (как успела высмотреть одна глазастая длинноухая – в одежде армейской расцветки с вышивками транквильского гарнизона значительных рангов) – то даже не «возможно», а «вполне определено».

Но дичи все-таки тут было побольше, чем в окрестностях костра Хессы – два крылана, один неосторожный прыголап и – к великой радости Вирр и недоуменью Харману – пара матерых, упитанных, некогда в Чернолесье повсеместных, а ныне довольно редких пауков-прядильщиков.

Если излагать точнее, то изначально крыланов было три и, подстрелив первого, Вир – как обещала! – тут же предложила встать временным лагерем, зверя освежевать, огонь развести и орчицу от голодной смерти избавить; так и случилось бы, кабы бы Рилль не опробовал на Харману свой *особый*, печально-умирающий взгляд с немалой долей укоризны. Орчица продержалась ровно два вдоха, после чего первая добыча традиционно досталась талассианскому тигру.

Сочтя, что на ближайшее время добытого достаточно, девочки остановились передохнуть, разделить часть трофеев и этой частью перекусить на берегу одного из озер, хорошо знакомого Вирр еще по довоенной летней жизни. Она с толикой гордости показала орчице любимое место их отряда, где было так удобно устраивать посиделки и пикники – и вода почти вплотную, и плотные густые заросли вокруг (после Искращения реже не ставшие); если разводить костер аккуратно и с должными предосторожностями, то детей, уединявшихся от надзора воспитателей и наставников, можно было найти разве что с магией. Или просто на них наступив.

* * *

Сегодня Белоре нашло в себе силы хоть чуть-чуть, но преодолеть пелену Затемнения – было по-прежнему сумеречно, но хотя бы относительно тепло - как летом и положено. Рилль, истосковавшийся по шумным водным развлечениям, первый подал пример – сперва скакал по мелководью, дразня и задоря разведивших костер Спутницу и орчицу (Харману то ли не знала, что кошачьи в большинстве своем воду недолюбливают, то ли сочла, что у эльфов и тигры с вывертом, но *водоплавающим котом* не поразились); а потом, видимо решив совместить наглядность искушения с неотразимым доводом, забрался поглубже – так что одна морда была видна, подгреб обратно, выбрался на берег, с как бы задумчивым видом подбрел к пристраивавшим над костром дичь девочкам, и....

- Берегись! – крикнула Вирр, быстро оглядываясь в поисках несуществующего укрытия.

...и хорошенько, со всей кошачьей душой отряхнулся; да так, что стал практически

сухим. Единственный среди всего и всех вокруг; костер разве что чудом не потух, а насаженные на прутик рысьи стейки стали гораздо чище, чем были.

- Ох ты ж... - только и выговорила, отфыркиваясь и вытирая лицо Харману. Вирр, тоже мокрая от сапог до кончиков ушей, прыснула, глядя на ошарашенную орчицу.

- Ну, - сказала Вирр почти философски (казаться серьезной даже в шутку ей сейчас было не по силам), - все равно одежду нужно было выстирать. По крайней мере, мою.

- В-вот я тебя! – притворно рыкнула на Рилля Харману; тот охотно «испугался» и припустил к воде; орчица быстро скинула одежду и вскоре на берегу стало если и не столь же весело, как во времена Вирркиного детства, то уж во всяком случае – куда более шумно, чем когда тут резвились с десятков юных син'дорай; бултыхание, плеск, довольное ворчание Рилля, вопли коварно притопленной тигром орчицы, сулящие неотвратимое возмездие (судя по совершенной фантастичности угроз и, на взгляд Вирр, чрезмерной изощренности обещанного, сама Харману была в полном восторге). Охотница, не без некоторой доли ревности, хотела было прикрикнуть на безобразников – мол, веселитесь потише, иначе соберете всех местных скучающих, на крылобегах и без оных; но вспомнив, что ревность, как и зависть – чувство глупое, варварское, *атавистическое* и Высшим не подобающее, вспомнила и подходящее наставление из уроков Искусства Жизни («чем завидовать и ревновать – присоединись»), убедилась, что костру и стейкам в ближайшее время ничего плохого и лишнего не грозит, поспешила раздеться и отважно вступила в водное (а частично и подводное) сражение, напав на кого-то (в брызгах и пене было не разобрать) подходящего с тыла. Шума стало больше – ровно на одну треть.

К счастью и явной милостью Белоре, ни скучающих, ни ответственных громкие развлечения троицы не привлекли - возможно, их просто не оказалось рядом. Или, заслышав странный шум со стороны озера, они сочли за благо не приближаться – вероятно, приняв все эти вопли и визги за неумный шабаш бесчинствующей нежити.

Стейки, как оказалось, требовали еще немного огня и чуточку времени; Вирр, как ни жаль было от развлечений и шалостей переходить к хозяйству, решила пока заняться стиркой; хочется или нет, а придется - гардероб (пусть, на взгляд матери, и недостойно скромный) в рюкзачок не влез и остался далеко.

Харману же, как выяснилось, пребывала в уверенности, что замечание насчет чистки-полоскания их с эльфийкой одежд было сказано Вирр если и не исключительно в утешение, то по меньшей мере, в шутку. Но увидев, как Вирр, вместо того чтобы одеваться, занялась этим насерьез, орчица с тоскливым выражением потянула с себя уже почти натянутые штаны (сказаться в глазах всяких длинноухих *грязной варваркой* ей не хотелось). После чего с видом Гул'дана(84), пьющего кровь демона на страх и гибель всем врагам орочьего народа, присоединилась к Охотнице и, как сказала бы на сей счет почтенная Кориаль, «обозначила намерение сделать одежду немного чище». Заскучавший тигр мыкался рядом и пытался обеим *помогать*.

Пока полоскали, пока отгоняли Рилля, пока развешивали одежду по кустам – подоспело и угощение. На освободившееся место Вирр тут же пристроила парочку паучьих лапок, все еще сокрушаясь полному и твердому («никогда и ни за что на свете!») нежеланию Харману отведать хоть немного.

...По дороге к озеру Вирр долго и старательно убеждала Харману, что пауки Призрачных вовсе не то же, что насекомые-мокрицы-многоножки, даже крупные; и даже не просто вполне пристойная еда, а самый настоящий деликатес, высоко ценимый столичными син'дорай. Орчица сдержанно раскритиковала и столичные вкусы в частности, и эльфийские в целом (сказав, что после их *театров* она уже ничему не

удивляется).

Вирр призвала в судьи Рилля, поклявшись, что тигр, если на домашних трапезах случались паучьи лапки, всегда претендовал на немалую долю. Шаманка посочувствовала тигру, попавшему с детства под злоторное эльфийское влияние (и присовокупила невесть где услышанное ею талассийское слово: *дурновкусие*).

Наконец Вирр прибегла, как ей думалось, к совершенно сокрушительному аргументу – помня, что Дуротар расположен на побережье океана, она заявила, что брезговать паучьими лапками все одно, что презирать чудесных лангустов и восхитительных крабов, которых и до войны в Кель’Таласе добывали меньше, чем хотелось бы, а уж после - когда все уцелевшие корабли были переделаны в боевые, а на полночных и закатных отменях расплодились без счета мурлоки(85) – об этом промысле и вовсе позабыли. Но Харману, поморщась, брезгливо разъяснила потрясенной Вирр, что орки совершенно непривычны к потреблению морских членистоногих и едят их лишь тогда, когда больше совсем нечего не остается.

Видя непритворную печаль Охотницы, Харману настойчиво, но с осторожностью поинтересовалась – «на кой, извиняюсь, хвост» и зачем Вирр так настойчиво хочет эти волосатые скрюченные лапки ей скормить? И не нарушает ли Харману, от них отказываясь, какой-нибудь странный эльфийский обычай? Или у них в Школе-отряде было такое испытание на стойкость, вроде негласного Посвящения – всякой гадостью пичкать?

На все предположения орчицы разом Вирр честно призналась, что с удовольствием все лапки бы съела сама, без остатка; просто пировать в одиночку таким прекрасным угощением, не поделившись со спутницей, она считает бесчестным и неподобающим...

- А ты с Хессой нашей поделись, - проглотив очередной кусок, предложила Харману, - ей-то - что паучьи лапки, что паук, что паладин человеческий!

- Так то-то и оно, - огорченно заметила Вирр, дую на горячий стейк, насаженный на тонкую палочку, - что, скорее всего не заметит разницы. Она же сказала – им лучше сырое, и не важно, свежее или... не очень. Интересно, а Отрекшиеся различают еду на вкус?

- Вот уж чего не знаю, того не знаю, - удовлетворенно развалилась на траве Харману, - у нее и спроси.

- Спрошу, - кивнула Вирр, - ей мы крыланов принесем. Хорошо, что не стали их свежевать.

- Дело, - согласилась орчица, - раз им плоть нужна, то всякая сгодиться, что мясо, что требуха, что шкура с шерстью. А ей, бедной, хорошо есть надо, может, хоть отрасли себе все, чего положено, а то как глянешь на нее – так плакать хочется, не мужик и не девка, не пойми што! Чем болтает – и то не понятно.

- Похоже, - заметила Вирр, - ее это волнует меньше, чем тебя.

- Да мне-то что!.. – возразила Харману. - Я так... она вот за нас волнуется, ну и я... - она усмехнулась, - тоже попробовала. А крылатиков принесем, не вопрос. Главное, чтоб Рилёк по дороге не схрумкал, - улыбнулась она, косясь на тигра. Рилль на провокацию не поддался, но глаза презрительно сощурил и морду отвернул; он с котеночьих лет никогда он ничего не хрумкал тишком, ему и так все давали – никто не мог отказать! Кроме Вирркиной матушки, но что с нее взять?

* * *

По дороге к озерам первый за этот день добытый в холмах крылан стал не только причиной моральных страданий орчицы-гурманки (и торжества тигриных талантов над нестойкими двуногими) – полюбоваться городом и высмотреть площадь Вирр не удалось; сперва был удачно спугнутый летун; затем Вирр с тоской отметила, что почти половину тула она уже извела (вот что Белоре стоило явить знамение, или прямо нашептать «ну и что, что идешь на пару дней и вступать в частых схватки не намерена - бери стрел вдвое, а лучше прихвати целый рюкзак?»?). А потом, за хлопотами и нелегкой дилеммой «кому первому есть большую летучую мышь», о своем намерении девочка и сама позабыла – до времени, когда спутницы снова проходили холмы, уже возвращаясь к лощине с костром.

Ей повезло: свет тусклого светила удачно попал в просвет между туч и подсветил, если и не весь городок, то, по меньшей мере, самую важную для Вирр его часть.

- Постоим тут недолго? – спросила она Харману.

- А чего? – удивленно переспросила та, - в кустики вроде обе сходили...

Эльфийка было замялась, но отважно решила сказать правду; возможно, честность и впрямь лучшая политика?

- Я хочу посмотреть на статую Сильваны, - ответила она просто. – Она там, в Транквиллионе. Я с детства привыкла – как окажусь в Чернолесье... в Призрачных – всегда ее навещаю. – И добавила, не отрывая глаз от городка, - а теперь и навестить не могу – только издалика...

Ни усмешки, ни, тем более чего язвительного не последовало – орчица только кивнула. Тоже посмотрела вдаль.

- Ты, че, отсюда видишь?

- А ты разве нет? – с некоторым сочувствием спросила Вирр.

- Ну, - задумчиво начала Шаманка, - дома вообще – вижу; площадь - вижу; на площади чего-то фигурное, зеленью окруженное – и как тока сохранили... или заново насадили? – вижу. Но че именно вижу, - она покачала головой, - не, не разглядеть...

- Жаль...

- Во-о! как ее? корчму? нет, *гостевой дом*, в который меня не пустили, потому что денег не хватило - ее узнаю. А те полуразвалины, где ночевала, отсюда не видно... Да ты смотри, я ведь понимаю – если правда то, что ты и Вэлли про нее говорили, да еще чего я краем уха слышала, она... ну, короче - воин. Всамделишная, без подмеса. Хоть и длинноухая.

- Да, – кивнула Вирр. – Все про нее правда. Прости за задержку...

- Да, не, че там, - покладисто, как показалось Охотнице, вроде даже чуть растроганно, ответила Харману. – Эт' как Гарроша увидеть. Ну, почти как, - торопливо поправились она.

- А не Тралла? – серьезно переспросила эльфийка, - он ведь, если не ошибаюсь, шаман – как и ты?

- Ха, Тралл... Тралл, он, понимаешь, мудр и велик – один он такой; ему подражать – лопнешь, надуваясь. А Гаррош, он – как мы, орчата, тока старше, сильнее и воин, себя показавший... Он нам пример, ему и следуем, - она тыкнула в разлапистую татуировку на правом плече, в один из неопознанных Вирр орочьих символов, - во как!

- Ясно, - коротко сказала Вирр, положив себе при удобном случае расспросить орчицу, что именно этот знак означает. Ну и про все прочие – которые они не проходили по языкознанию и этнографии.

- Лан, шмыгнули и двинули, - возвышенно-вдохновленный настрой у Харману был подобен приливу: накатил и сгинул, - а то припозднимся, так Хесса ждать будет. Да и всякие усатые-полосатые уже к крылышкам подбираются.

- Да будет тебе, - вступилась за своего зверя девочка, - он просто понюхал; от крыланов не убудет.

- Знаю я эти нюхи, - протянула орчица, вскидывая на плечо свою часть ноши, - Сама, бывало, как нюхнешь – полпинты эля как и не налито! Вот, помню, было дело - в Кабестане(86); я там на корабль *нашармака* нацелила *протыриться*... А все чего? Так третьего дня кошель у меня в таверне попятели! Воше-т, в ту посиделку все свои вокруг были, а у наших такое не в обычае – тут и роду позор, и руки оторвать могут, но – кто бы ни был, а кошель мой *чухнули*, как и не носила. И сижу я это в таверне, жрать охота, да и во рту сушь; у нас ведь в Степях, оно так - как вдохнешь, так воздух с пылью половина на половину; и это ежели ветер слабоват... Во, ну а кругом одна гобла угощается, а эти - небось, слышала? - мамке родной в чашку не плеснут, ежели за одно тока спасибо. Даже бледнозадых, ну, из корсаров вольных, что ни за нас, ни за *аликов*(87) – ну ни одного! Все, думаю, приперло – придется опуститься до самого гадкого, ужасного и позорного промысла....

Вирр тревожно глянула на спутницу, ожидая печального и трагического продолжения. Она-то про такое только в старинных пьесах читала, да и то – все про Младшие народы.

-...то, есть, как ты понимаешь – наниматься полемойкой. Ну или посуду за еду полоскать. В общем, снимаюсь с табурета, держу курс на Вихлюна(88), он-то, шакал зеленый, уже склабится - еще вчера намекал, гадости говорил...

- Гадости?

- Ну! «Кто не работает, тот не ест», говорил – нет, ну ты прикинь, во гад, а? Так я про что? Ну, причаливаю к стойке, а на ней, понимаешь, пару пинт стоит, и за-а-апа-ах... Ажно клыки сводит! Он, понимаешь, выжига плешивая, на секунду отвернулся – в поварской так удачно чегой-то грохнули, сочно так, со звоном и дребезгом - ну а я, так, знаешь, вскользь – как у вас говорят, *эфемерно*, тьфу, то есть - *мимолетно* – наклоняюсь, и...

* * *

Белоре еще освещало проклятые земли, но костер в лощине уже вовсю горел и Хесса уже сидела на своем любимом бревнышке, рядом с солидной грудой веток: к борьбе с потаенными страхами она, похоже, относилась очень серьезно.

- Я глубоко извиняюсь, что пришлось нас дожидаться, - начала Вирр еще издали, едва они приблизились к костру настолько, что можно быть услышанной, но при этом не кричать.

- Замотались, - пояснила Харману, - летуны – они, понимаешь, приткие такие....

- Извиняться вам не за что, - ответила мертвячка, - это, скорее, мои дела завершились раньше, чем хотелось бы...

Совершенно новой деталью у ее ног смотрелся прислоненный рядом слегка изогнутый кель'дорайский средний меч, серьезно траченный то ли временем, то ли небрежным содержанием до степени, заставившей Вирр удивленно распахнуть глаза - она ни разу не видела отечественное оружие в подобном состоянии. Даже в музейных экспозициях по истории кузнечества.

- А мы, это, с гостинцем! – торжественно приподняла своего крылана орчица и, затем, положила его у ног Хессы, - кушай больше, зараст... эээ... ну в общем, расти большая! Чай, не насекомый какой – вещь! Глянь, что полапать, что слопать приятно!

- Благодарствую... - если раньше интонации и настроение нежити не всегда было можно понять, то теперь ее расстройство было заметно даже Харману; не иначе, как мертвячка с неведомого пока огорчения вспомнила, как это делается. – Право, неудобно: вы позаботились обо мне, а я... Похоже, мои действия привели к нежелательным последствиям.

Все, обреченно подумала, Вирр, тут же забыв о изъеденном ржой мече. Разболтала по меня, кому не следует. Как Белоре ясно.

Одно достоинство: проблема стрел уже несущественна – на ближайшие лет пятьдесят. Или сто.

К счастью для девочки, у Хессы склонность к почти литературной, но весьма абстрактной талассийской речи дополнялось пристрастием к немедленным педантичным, хотя и (даже на взгляд Вирр) многословным разъяснениям.

- Мой руководитель практически изначально проявил сдержанное сомнение в том, чтобы вам помочь. А узнав о твоём, Вирр, затруднении, отказался наотрез. Он сказал – «мы не вмешиваемся в дела союзников, не способствуем и не препятствуем». Так что одно хорошо: уведомлять местные власти о тебе он тоже не пойдет; добавил – «Дела Живых нас не касаются.»

Харману и Вирр переглянулись. Хоть и ходили в Орде слухи, что разумная нежить к проявлению чувств неспособна, но печаль Хессы была совершенно искренней – она даже, обращаясь к Вирр, забыла, по обыкновению, чуть иронично титуловать ее Высшей.

- Хесса... - задумчиво молвила орчица, - ты вот имей в виду: я в речи длинноухих еще щенок – кабы не ваще кутенок; «сдержанное сомнение» - это, ежели по-простому, как?

Хесса опустила голову и старательно – то есть, почти без хрипов, сипов и клекота - вздохнула:

- Излагая неизысканно, но подробно, Старший провизор Ее Величества многоученный Рензитен сказал: «С чего мне отрываться от работы и тратить время и средства на...»

- О как... - поджала губы Харману, - не, ну чё... Ты, Хесса, не кисни – дело-то обычное, с какого ты тут виновата? Тут уж прости, ежели те мозоль какую отдавлю, но что мертвяки, что живые - все они как из стручка. Вот веду, - она подняла палец к небу, - Древние воскреснут – и те лишь так на так дела поведут. Так че он там дальше сказал? – с интересом уточнила орчица. – На кого он не хочет транжирить всяко разно?

- На живых, - вместо молчавшей Хессы пояснила Вирр, скорее, облегченно выдохнувшая, чем всерьез огорченная: пока ее не задержали, всегда найдется и выход из Призрачных, и способ добраться до цели. – Хесса, Харману заметила совершенно верно – ты ни в чем не виновата.

- Взятое обязательство надо исполнять. И вы испытали надежду. – Голос мертвячки был тих, но, помимо сожаления и вины, полон веры и несгибаемого упрямства. – Не исполнить обязательство и погубить надежду – недостойно, и... - она замялась.

- ...И не подобает, - чуть печально, но с пониманием и полностью разделяя, закончила за нее Вирр.

- Слыш, Хесса, - выгнула брови Харману, - ты ваще откуда такая вылезла? Ой, не, - она тут же замотала головой, - прости дуру; глупый вопрос. Лан, ты, это, налегай давай, на зверье! Зубками ее, во!..

Мертвячка подняла печальные глаза, определено вопросительно поглядев на Шаманку и Охотницу.

- Да ты на нас не смотри, - благородно сказала орчица, хотя сама была явно не против

развеять одиночество тоскующих в желудке стейков, - мы уже одну рысю стрескали... А где ты это откопала, такое тупое и ржавое? – Расставшись с крыланами, Харману, наконец, тоже заметила странный меч. – Ты че это... как это по-длинноухому? В археологи подалась? - беззлобно ухмыльнулась она.

- Отчасти, – коротко вздохнула Хесса, робко подтягивая к себе за крыло летуна и, пребывая не то все еще в тоске, не то в задумчивости, откусила – просто, как откусывают хлеб или отбивную, только с хрустом – немалый кусок пополам с костями и всем прочим. Мясо от костей и прочего она не отличала. Несмотря на сомнительный - на взгляд любого живого - вид и цвет ее зубов, они резали и отделяли звериную плоть легко и, казалось, без усилий - как раскаленный нож масло.

- В силу необходимости, - добавила мертвячка, быстро сглотив откушенное. – Под влиянием обстоятельств, - сказала она и откусила от летучей мыши еще кусок – побольше того.

То, что нежити жевать - перед тем как проглотить - вовсе необязательно, стало для наблюдавших трапезу девочек в некоторой степени откровением. А Вирр (учитывая мертвячкины прежние, вполне достойные манеры) - еще и сообразила, что Хесса явно и проголодалась сверх меры, и огорчена куда сильнее, чем казалось на первый взгляд.

Дождавшись, когда от крылана осталась одна голова – мертвячка удостоила ее пристальным взглядом, но, видимо, кромсать череп и выедать мозги при живых постеснялась – Вирр опустила рядом с ней на колено (как учит «Наставление наставляющим», *не превосходить собеседника ростом – знак доверия, намек на равенство и приглашение к откровенности*) и тихо спросила:

- Хесса... То, что твой руководитель отказался нам помочь – это точно твоя единственная неприятность?

- Затрагивающая тебя и Харману – единственная, - ответила разумная нежить не сразу, пряча взгляд.

- А не затрагивающая? – терпеливо уточнила Вирр, помянув добрым словом своих наставников и Учителей (как нынешнего, так и покойного) и испытывая внезапный порыв покаяться перед ними за свою постоянное упрямство.

Хесса сперва молчала, но прижизненное воспитание определенно мешало ей отводить взгляд от собеседника постоянно, чем эльфийка коварно и воспользовалась, припомнив и изобразив самый удачный из душекрушительных взглядов Рилля (когда он выпрашивал седьмой *паучий хрустик* сверх обычной доли) – в переложении на несовершенные возможности двуногих, конечно. Но хватило, как мягко бы заметили эльфийские драматурги, *и несовершенной стилизации*: долго мертвячка не продержалась.

- Почтенный Рензитен счел, что у меня слишком много свободного времени...

- И че? – деловито «поощрила» встрявшая Харману.

- И почтенный Рензитен озадачил меня дополнительным поручением...

- Ну, че, бывает, - пожал плечами орчица, - на то и наставник. Не, ну ты извини, конечно – тебе, все-таки, из-за нас прилетело...

- И что за поручение? – мягко выпросила Вирр.

- Добыть позвонки двуногих земноводных с западного берега, – все так же печально произнесла Хесса.

- И че тут киснуть? Пошла и добыла, - непонимающе истолковала затруднение орчица. – Или они тут у вас с трех кодо будут? – уточнила она у Охотницы.

Хесса молчала, а Вирр задумалась, как правильной ответить. Мурлоки - древние влажнокожие обитатели прибрежных вод континента, походившие на помесь лягушки и

тритона, лишённую хвоста и вставшую на дыбки - всеми народами считались полуразумными общественными (или, если угодно, стайными) - животными. Нарочно на них никто не охотился, но в силу их агрессивности и жесткой территориальности, и кель'дорай и хум'аноре не раз приходилось вступать в схватку с тем или иным племенем (предпочитая, правда называть их *стаями*). В истории наук двух народов случались исследователи-натуралисты, предполагавшие, а некоторые и уверенно утверждавшие их разумность, но эта гипотеза никогда не пользовалась признанием Академий ни Кель'Таласа, ни людских королевств; один философ-хум'аноре, весьма острый на язык, лет восемьсот назад утверждал, что, мол, чего тут удивляться - кель'дорай и людей-то не то что за равных - за Разумных признали не сразу (что владение вроде бы членораздельной речью для тех, кто и животных понимать способен!); а его соплеменникам, то есть людям, тем более хоть какой-то народ считать примитивнее и глупее себя – как бы с полным на то правом - необходимо и желанно...

Мурлоки были, конечно, значительно меньше любого кодо – не выше ребенка начальной группы – и особой силой или природными способностями (за исключением ядовитых для всех прочих существ выделений кожи) не отличались. Справится с одним мурлоком мог любой, даже начинающий Маг, Воин и уж тем более никогда не ходящие в одиночку Охотник или Варлок. Беда была в том, что мурлоки меньше чем стаей тоже никогда и никому не встречались. Они охотно нападали на случайных одиночек, и даже если последний ухитрялся – в случае относительно небольшой стаи - отбиться и не дать себя убить, отважному герою всерьез грозила смерть от мурлочьего яда, которым были покрыты не только сами двуногие земноводные, но и их примитивные орудия из костей крупных рыб.

Вирр коротко - вопрос возможной разумности она тактично обошла – изложила трудности с мурлоками; Харману разъяснения выслушала, в положение Хессы вникла и на дело стала смотреть уже серьезнее.

- Но ведь твой наставник знает, что ты не помнишь Класса и, по сути, сражаться не умеешь? – тревожно спросила у Хессы Вирр.

- Знает. Он сказал – «вот там и научись».

- А оружие ты сама себе нашла? – уточнила орчица.

Хесса кивнула. – Не с ножом же идти. Тут повсюду шли бои, много непогребенных останков и оружия... - она повернулась к эльфийке: - Я надеюсь, тебя не оскорбило, что я... Я понимаю – отчасти, это неприкрытое мародерство, но...

- Не оскорбило, - поторопилась ответить Вирр, - но отчего тебе свои оружие не дали? Задание ведь серьезное.

- А почтенный Рензитен сказал – «на такое простое задание Ученики, не помнящие своего Класса, сами себя вооружают» ...

- Н-да? - почесала в затылке Харману, - а твоего «почтенного» точно Рензитеном зовут? А то мож это мой *п-почтенный* Бхатт, т-талбук бодливый, уже копыта сдвинул, а ваши, как их там - Могило-копальщики? - его оттуда сюда сперли и уже тут, это самое, подняли? Уж больно, я те скажу, пододец у них обоих схож...

Вирр покосилась на орчицу - по виду, та просто-напросто пылала искренним возмущением от жестокости неведомого ей Рензитена и его несправедливости; точно еще вчера она и не восхваляла нелегкие пути обучения своего народа, утверждая их превосходство над всеми прочими. Но ловить ее на слове и непоследовательности Вирр сочла излишним и несвоевременным; сейчас это было неважно – в отличии от непростого положение Хессы.

- Послушай, - обратилась она к нежити, - на самом деле все не так ужасно. Особенно,

если мы тебе немножко поможем. Самую малость, - добавила она и поглядела на орчицу – что скажет, или какую гримасу скорчит она.

- Но... вы не обязаны... хлопоты... - начала было Хесса.

- А че, - подчеркнуто изобразив раздумья, развязно, и вроде бы как немного нехотя, и в то же время вполне одобрительно (сложный был букет настроений, сложный), сказала Харману, - срываться вот прямо сейчас нам, по правде, некуда. То бишь, есть куда, но длинноухую не пустят, враз отловят... А мне без нее – вот горе то! – ну никак, мы вроде с ней как повязаны общей клятвой... ну, есть кому, ты не спрашивай – то тайна страшная и смертельная, знать опасно! Ну а так – мож и правда, и тебе, Хесса, подсобим, и глядишь – себе с бережка какую ни есть лоханку выльем. Да и как ни крути – из-за нас ты вляпалась; Вирр дело говорит – ты нам хотела помочь, так и мы, того... жаждем, во как.

Вирр выдавила из себя радостную улыбку (нет, она конечно и была рада согласию орчицы, и надеялась на него, но – во имя Белоре Светозарного! - как же объяснить той, что не везде, где есть вода, полным-полно кораблей, да так, что в воде от них тесно?! Ну не рассказывать же всем и каждому, что причалы Элунарана все еще... в общем, не контролируются властями – некуда и неоткуда здесь кораблям проплывать!) и перевела взгляд на Хессу – в глазах мертвячки, помимо смущения и неловкости появилась надежда.

- Только, - сказала она робко, - давайте уж не сейчас, а завтра с утра выступим: скоро стемнеет.

- Согласна, - поднялась Вирр.

- А че, мертвые в темноте тоже не видят? – уточнила Харману.

- Видят. Но *вы* не видите. Да и отдохнуть вам надо.

- Не, - легонько пихнула орчица в бок эльфийку, - ну ты глянь, а?! Вот всем – шо мертвякам, шо тиграм, шо желе...

Вирр легонька кашлянула.

- ...ну, короче, любой хитрой твари боги иль предки по умейке в хурджин накидали! А простым оркам че?!

- Клыки, отвагу и бесстрашное красноречие? – невинно предположила Вирр.

* * *

Хоть и собиралась угомониться пораньше, но сразу не вышло: за беседой у костра засиделись почти за полночь. Говорили о всяком: Хесса *повествовала* о своем путешествии через Чумные земли и о паладинах Алого Ордена, не пожелавших узреть разницу между нежитью разумной и Плетью и в своей жестокой ограниченности докатившихся до немыслимой в былом Азероте подлости – убийства послов Отрекшихся; оттого, пояснила мертвячка, Ее Величество Королева-Баньши и повелела начать с орденом непримиримую войну...

- А вы ж, говорят, ну, того, почти неубиваемы? – перебила, удивившись ее рассказу Харману, - ну, говорят, порубит вас враг, или страховидло какое порвет – так ваши тут же обратно сошьют?

- Все так, - печально кивала мертвячка, - но это только если осталось что сшивать. Пресветлые Паладины послов, изрубив, сожгли...

...Харману, в свою очередь, делилась виденными в своем, длившегося уже без малого год, путешествии диковинками и, как правило, смешными приключениями (половина из

которых начиналась запевом «короче, сижу я в таверне и...»); а Вирр вспоминала, как прекрасны были местные леса до войны и как забавно и весело было детям-кель'дорай тут проводить лето – для орчицы и мертвячки, непривычных к изобилию магии и не бывавших никогда в прежнем Кель'Таласе, этот рассказ походил на сказку.

Упомянула Вирр Хессе и свои печали – о невозможности посетить любимый город детства (как оказалось, о Ее Величестве – еще как о Сильване Ветрокрылой - нежить слышала не раз, еще будучи живой – чем сильно порадовала Вирр, после чего Хесса вроде бы даже вспомнила, что видела в своей прошлой жизни прославленную эльфийскую лучницу во время визита той в людскую столицу), и о том, что, по-видимому, так и не удастся узнать, что случилось за время войны в самой полуденной оконечности Чернолесья (ну, или, на манер хум'аноре, самом Северном Лордероне) и стоят ли по-прежнему там, на побережье Первой Высадки, белые башни Основателей, у которых уже две с половиной тысячи лет - почти столько, сколько существуют детские городки Чернолесья - юные кель'дорай посвящались в избранный ими Класс и принимали свое первое, еще учебное, оружие...

В этом месте Харману понимающе кивнула, а мертвячка - до той поры с живым интересом слушавшая - тактично воспользовалась промежутком в воспоминаниях Вирр, выражая озабоченное удивление:

- При всем уважении, но... разве Первая Высадка Высших на нашем континенте не имела место гораздо южнее – в прибрежных лесах Тирисфаля?

Вирр, до того пребывавшая в некоторой рассеянной, свойственной ей в воспоминаниях об утерянном печали, мгновенно собралась; ее голосом, по-прежнему тихим и вежливым, при желании можно было бы резать адамантин, а пристальному взгляду позавидовал бы любой шала'зарам со стажем менее трех столетий службы.

- Хесса, при всем уважении, я глубоко разочарована тем, что ты в свое время могла склонить свое внимание к столь ненаучной, неисторичной и никогда и никоим образом не подтвержденной, с некоторой долей деликатности называя, *теории!*

- Извини, у меня не было намерения тебя задеть... Но в старых свитках...

- Твоей *личной* вины тут определено нет; ты не можешь отвечать за тех своих *бывших* соплеменников, которые в своей неискушенности Младших заблуждаясь или, учитывая недавнее предательство хум'аноре, по вполне осознанному умыслу, распространяли в твоё время подобные - мне, право, просто неловко даже именовать это *знаниями* – совершенно безответственные слухи...

Хесса уже ничего не пыталась возразить – она молча слушала продолжавшую свою пылкую речь эльфийку

- ...внося сомнения в умы честных граждан, извращая историю Старшего народа! Пойми, ссылаясь на никому не ведомые и - кто бы сомневался! – несуществующие в природе свитки, ты (и я очень надеюсь, невольно!) подражаешь лжеученым, лишенным знаний и чести...

Пока Вирр громила заблуждения человеческой исторической школы, пока ее филиппика плавно переходила в инвективу и обратно, Хесса, не без труда оторвав глаза от возмущенной Охотницы бросила короткий взгляд на Харману (по уже негласно сложившейся традиции сидевшей на другом бревнышке напротив, рядом с Вирр) – орчица, уже давно тишком ухмылявшаяся, поймала взгляд нежити и тихонько подмигнула, ухмыльнувшись чуть сильнее; мол, и не говори – и вот такие длинноухие вдохновительные речи каждый день!

-...и вообще: я еще могу понять, отчего Младшие постоянно желают исказить нашу историю – ведь их собственной у нас бы не хватило и на детскую считалочку; но во имя

Белоре Светозарного – отчего они всегда это делают столь безыскусно?!

Примечание к части

(81) Филигрань, здесь – водяной знак.

(82) Читателя просят не забывать, что перед ним фантастическое произведение:)

(83) Hawkstrider, традиционное ездовое животное эльфов Крови; более всего напоминают вымершую в нашем мире диатриму (гасторниса), только с несколько более крупными крыльями.

(84) Gul'dan, печально известный шаман орков, еще на их родине – в Дреноре – заключивший союз с демонами Пылающего Легиона; одни говорят – из жажды власти, другие – ради великого будущего для своего народа и для защиты его от многочисленных врагов (подробнее - <http://wow.gamepedia.com/Gul'dan>)

(85) Murloc, полуразумное земноводное; далее объясняется по тексту. Для нетерпеливых - <http://wow.gamepedia.com/Murloc>

(86) Ratchet, порт на побережье дуротарских Степей; важнейший транспортный и торговый пункт Калимдора. Находится под контролем гоблинского Картеля Хитрой Шестеренки (Steamwheedle Cartel) – по сути, «вольный порт» (подробнее - <http://wow.gamepedia.com/Ratchet>)

(87) Презрительное прозвище сторонников Альянса.

(88) Вихлюн (Innkeeper Wiley), владелец таверны в Кабестане; по второстепенным персонажам WOW сноски будут исключительно в случае, если адаптация их имен была сделана ОЧЕНЬ вольно, и игравшие на американских и европейских серверах русскоязычные читатели просто не поймут о ком идет речь без нарочитого пояснения.

«На ту сторону»

Проснувшись утром Вирр заметила, что исчез последний из принесенных Хессе нетопырей и - как, впрочем, девочка и ожидала – голова предыдущего; мертвячка была явно не из тех, кто позволяет доброй еде пропадать. Вирр попыталась спросонья понять – какая причина помешала дружественной нежити разобраться с черепом при них с Харману? – и даже слегка обиделась, решив, что Хесса стеснялась именно ее. *За кого она меня принимает? За мать и ее салонных подруг? Или я не Охотница, и дичь не разделявала?* Впрочем, с малых лет развиваемая - и своими силами, и силами отца - честность с собой вынудила Вирр тут же мысленно оговориться: почтенная и *чарующая* Кориаль, конечно истинная Высокородная немалых светских достоинств; и, конечно же, далекая – кто бы спорил? - от приземленных безобразий и всяческой неизысканности, но она и подольше отца прожила, и уж тем более куда старше и гораздо опытней самой Вирр. И то, что Кориаль при дочери ни разу не озвучила, скольким врагам Королевства ей довелось (как бы она, несомненно, выразилась) *погасить свет воплощения*, вовсе не означало, что она знает о тех или иных кровавых заботах лишь понаслышке. Ну а уж традиционное заблуждение неискушенных в колдовском искусстве (преимущественно начинающих и малолетних Воинов и Паладинов) – «Маг, как и Охотник, чаще убивает издалека и не вкушает неприглядных и неприятных последствий своих действий» - Вирр было тем более не свойственно. Девочка, в силу Класса, не изучала колдовское искусство углубленно, но посетила уроков и прочла книг достаточно, чтобы знать: не только Огонь или Лед, дающие врагам Мага (пусть и каждый наособицу), без сомнений, весьма мучительный конец, но и излюбленное Направление самой Кориаль - Магия Аркана - на взгляд новичка, не столь зрелищна (и заодно не пугает запахом сожжённой плоти), но тем не менее способна сотворить с противником очень много изощренной и затейливой, как сказала бы Харману, *глоде* – более чем не всегда приятной на взгляд и прочие чувства восприятия стороннего свидетеля. А уж недолгие (это в случае милосердия Мага) ощущения непосредственной жертвы и их внешние проявления лучше бы себе и не представлять вовсе...

Предположительно приняв Вирр за утонченную барышню Хесса скромно сидела на своем бревнышке, и терпеливо ожидала, когда избежавшая неподобающих зрелищ Охотница поднимется и тем даст понять, что к ней можно будет обратиться не нарушая вежливости и приличий.

- Приятная встреча! Как ты? – нарочито церемонно (хотя Вирр могла присягнуть на Книге, что выражение мертвячиных глаз было смешливое) сказала Хесса.

- Белоре сопутствует нам, - ответила эльфийка в тон и, покосившись на пасмурное небо, добавила: - Я надеюсь...

Указывать нежити, что в талассийском даже полтора столетия назад не употребляли *сину а'маноре*(89) кроме как при первом знакомстве или представляясь, а для последующих встреч вполне достаточно умеренного *бал'а даш*(90), она постеснялась: вчерашнее ее негодование уже схлынуло, растворилось во сне и сегодня Вирр было немного неудобно за свои вчерашние резкости.

- Вероятно, - сказала Хесса эльфийке после затянувшегося общего молчания, - мои познания в вашей истории, и правда, были несовершенны. И неточны. Я прошу прощения Высшей.

- И ты извини, если я вчера... погорячилась.

- Разве что самую малость, - серьезно ответила Хесса.

Скрывая неловкость, Вирр торопливо огляделась: Харману, несмотря на звучавшую

рядом беседу, еще спала, вольно раскинувшись рядом со своим *хурджином*; Рилль - уже (или еще?) бодрый и предвкушающий приключения – тихим *ррру* поприветствовал Спутницу и вновь уставился на орчицу, явно наметив устроить ей скорую побудку.

- К слову, а как обычно тигры знакомятся? – приглядывалась к крадущемуся Риллю спросила негромко Хесса, видимо, припомнив позапрошлую ночь. – Незаметно подбираются и... напрыгивают?

- Ну что ты, Рилль – воспитанный зверь, без повода никому вреда не причинит, - столь же тихо возразила Вирр; мешать тигру шалить ей тоже не хотелось. – Обычно он, и правда, подбирается к сидящему новичку сзади и просовывает голову под руку. Или просто кладет морду на плечо - если размеры будущего знакомого излишних вольностей не позволяют.

Рилль, подкравшись к орчице, задумчиво обзрел спящую – Вирр и мертвячка замолчали и заинтересованно замерли, в ожидании развязки интриги – и подошел к делу неожиданно и творчески: потянул к себе за ляжку когтем орочий хурджин. Видимо, никогда полностью не замирающая харманушная чуйка (все-таки, ни эльфийка, ни мертвячка еще ни разу не слышали от нее рассказ, начинавшийся со слов «Вот сижу я это в таверне, а хурджин у меня третьего дня как во сне сперли...») тут же пихнула сладко спящую Шаманку в некое чувствительное место. Не раскрывая глаз и даже до конца не проснувшись, Харману быстро рукой вцепилась в мешок и на весь лес рывкнула: - *А вот ща как по сопатке!*

Причем, отчего-то по-гоблински.

Рилль с наречием зеленых мелких ушастых торгашей-затейников был мало знаком, почти никогда его не слышал, но хурджин быстро отпустил - коты хорошо понимают значимость интонаций. Харману спросонья прижимала к себе мешок и ошалело таранилась на спутниц (сам тигр проявил, как обычно, тактическую смекалку и к моменту, когда орчица уже раскрыла глаза, пребывал у нее за спиной) - Вирр (изучавшая гоблинский на добровольных занятиях(91)) тихо хихикала в кулачок, а Хесса, (скорее всего, гоблинского в свое время не знавшая, но уловившая все сказанное не хуже Рилля) громко, похрипывая, но оттого не менее заразительно, смеялась; подперев голову ладонью, точно боясь, что шейные позвонки не выдержат, голова отвалится и придется ее пришивать.

- А народ врал, что ваши смеяться не умеют... - зевнув, задумчиво сказала Хессе орчица. Затем посмотрела на хурджин, потом нахмурилась, исподлобья глянула на киснувших от смеха эльфийку с мертвячкой, что-то сообразила и быстро обернулась – Рилль, как настоящему коту и положено, сидел с невинным видом, задумчиво пялясь куда-то вверх.

- Ну да, - проворчала Харману, - орчонка всяк норовит обидеть... Не, ну че вы ржете, как две жевры над безрогим жирафом(92)?!

* * *

Дорогу к побережью прокладывала Вирр, как лучше всех знакомая с местностью; Хесса, единодушно признанная самым уязвимым членом отряда (в безупречно-деликатном исполнении эльфийки – «Если с тобой что-нибудь случится, кто же отнесет Рензитену его позвонки?»), шла посередине. Цепочку замыкала Шаманка, периодически касаясь бубна и что-то нашептывая (видимо, выясняя настроение своих духов на сегодня и их готовность «подсобить, если чё»). Рилль *осуществлял охранение* со всех флангов

сразу – то есть, месил лапами листву и шевелил подлесок то справа, то слева, переходя туда и обратно; при этом – разумеется - едва не наступая на пятки всем трем барышням и (несмотря на свои совершенно не домашнекошачьи размеры) ухитряясь периодически путаться у них под ногами. Не чуя опасности – Вирр обещала провести дорогой и кратчайшей, и относительно безопасной – тигр определенно скучал и жаждал внимания. Вирр тихим шепотом его урезонивала, просила побережь их конечности (которые, в случае Хессы, совершенно нет времени пришивать обратно), суля скорых возможных приключений в виде бродячей нежити.

Мурлоки побережья пока были опасностью, что называется, *в перспективе* – до того путешественникам еще предстояло пересечь Тропу Плетя. И хотя Вирр утверждала, что переждать *цикл* или застать *паузу* вовсе не сложно (приводя в доказательство присутствующим вполне очевидный факт, что они с Риллем Тропу уже переходили, в живых остались и «хвостами бодро машут»), срок нарождения очередной мертвой стаи она себе представляла весьма приблизительно. Сведения об этом были доступны всем син’дорай и секретными не были – слишком много от них зависело жизней; беда была в том, что сведения эти до сих пор не были точными: из Десхольма, гнезда Плетя в Призрачных лесах, пока еще никто не возвращался - не исключая охотников за удачей и прочих самонадеянных искателей приключений; хотя некоторые из них, порой и заявлялись во Дворец Ярости Солнца(93), свидетельствуя свою доблесть, хвалясь удачью и потрясая доподлинными доказательствами деяний (насколько знала Вирр, за истекшее десятилетие во Дворце уже скопился едва ли не десяток голов Дар’Кхана-Предателя(94); отрубленным же рукам учета и вовсе не вели). И Десхольм, и многоглавие его условно мертвого (и предположительно выжившего) хозяина были неизбежно упомянуты Вирр во время обсуждения плана похода за позвонками и, когда орчица с мертвячкой отсмеялись, эльфийка добавила - самое смешное в этой истории было то, что все десять с чем-то голов (не считая рук), тщательно изученные Магами-син’дорай, оказались самыми что ни на есть настоящими и содержащими именно что *доподлинную телесную суть* мятежного члена Городского Совета. Подругам смеяться сразу расхотелось; Хесса опасливо качнула головой, а Шаманка (дабы никто не счел, что орков можно испугать всякими дохлыми головами) немедленно высказалась в том смысле, что, мол, «длинноухие и помереть нормально не могут».

Сейчас девочки и тигр шли через лес, держась справа от дороги, ведущей от Транквиллиона к городку «Золотистая дымка»; где-то почти сразу за Тропой, как помнилось Вирр, дорога разделялась надвое, уходя второй своей веткой к побережью - почти напротив острова Шаландис(95).

Идти непосредственно по дороге выходило быстрее и, возможно, экспедиция за позвонками достигла бы побережья уже к вечеру этого дня, но эльфийка убедила спутниц, что охотиться ночью - затея нездравая: все одно придется делать на ночь привал, а где именно его лучше делать – в каком-нибудь укромном месте на полпути в лесу (со зверями и нежитью) или на открытом побережье (заявляя всех окрестных мурлоков на огонек) – вопрос спорный (свое нежелание столкнуться на дороге с син’дорайскими Следопытами и патрулями Стражи Вирр решила скромно не озвучивать – вдруг да боевые подруги сами догадаются). Уже не раз девочка жалела, что спутниц у нее две, а Рилль всего один; втроем на нем не поскачешь.

* * *

Белоре еще не достигло зенита, когда впереди показался просвет. Засидку устроили не доходя до края леса: подлесок вокруг был слабоват, да и деревья относительно резко сходили на нет – рисковать не стоило. В конце концов, обычно нежить Плети по Тропе (а по чести сказать, и вообще повсюду) бродила не таясь, шумно и ничуть не скрываясь – что за десять шагов от Тропы, что за полста, и чтобы не заметить очередную, скачущую к Элунарану мёртвую ватагу нужно было всерьез постараться. На том все трое бессловесно и порешили, затаясь и прикинув к черным стволам; а Риллю было все равно, где именно скучать.

Тропа на новейших картах Кель'Таласа именовалась «тропой», скорее, образно. Поэтически. Если, конечно, не упорствовать в необоснованном мнении, что вытоптанная, выжженная ядом и колдовской скверной, загаженная мусором и обломками, бесплодная черная полоса некогда зеленой и цветущей земли - шириной более сотни шагов и протянувшаяся от полуденных окраин до самой столицы – это и есть самый, что ни на есть обычный и привычный каждому случай тропинки. И если к вопросу топонимики(96) подходить дотошно и придирчиво (а каждый, постигший таинства ономастики в совершенстве, по-иному и не способен), то даже второе прозвание - «Дорога Мёртвых» - вызывало ощущение некоторой неточности.

По чести сказать, место было не совсем удачным – Вирр вывела свой отряд как раз к тому участку Тропы, где и она, и транквильская дорога пересекались с небольшим рукавом Элрендара. Речушка была маленькой, до несерьезного мелкой (за исключением нескольких омутов, едва доходила взрослому син'дорай до колен), но шумела она за весь Элрендар и, вероятно, еще и за парочку фераласских(97) водопадов в придачу. Охотница слегка поморщилась – *отделить ушами* шум воды от всего возможного прочего даже для нее было непросто. Увы, обходить этот тройной «перекресток» что с полночи, что с полдня не стоило – нежить там встречалась куда чаще, а полуденный путь, кроме прочего – тот, что вел мимо древних рудников к «Лагерю Ветрокрылых» - еще и занял бы вдвое больше времени. Так что, как носом ни крути, но перебираться в закатную часть Призрачных придется тут; а удобства маленькому отряду никто и не обещал.

А в остальном было тихо; окрестная лесная живность, не исключая и насекомых, Тропы явно избегала. Риллю тут тоже не нравилось; припав к земле у ног Спутницы, он нервно подергивал шкурой и недовольно принюхивался. Вирр стояла, прикрыв глаза – так было удобнее слушать (верно говорил Полтораух: *убеди себя, что глаз у тебя нет - и твои уши тебя удивят*). Да и бесполезно было смотреть на просеку – гигантский шрам, протянувшийся через весь полуостров, тем более на полдень, откуда и стоило ждать беды: шагов через полтораста в том направлении местность резко понижалась; и захочешь, да не увидишь - пока не станет слишком поздно; а местная, *натропинная* нежить бегают быстро. Уши куда надежнее.

Вирр уже почти удалось *отодвинуть* шум воды; и даже *замять* едва слышные шорохи одежды о кору и почти незаметные похрустывания всяким мусором под ногами, издаваемые мертвячкой и орчицей (*все-таки, как же легче, и проще, и бесшумнее, если с тобой в лесу, на задании - свои же син'дорай!*), когда сосредоточение эльфийки прервал тихий (по крайней мере, он так задумывался) и едва слышный (разве что для тех некоторых, у кого и ушей не разглядеть) шепот Шаманки, показавшийся эльфийке чуть ли не близким громовым раскатом:

- Ну че? Никого, да?

Эльфийка, тряхнув ушами, подавила было вспыхнувшее раздражение; по чести сказать, Харману, поторапливая Вирр, была права: нельзя бесконечно стоять и прятаться - пора принимать какое-то решение. Как рассказывали наставники, обычно при

переходе Тропы долго не ждут – ведь можно и *дождаться*; но обычно ведь Тропу и не втроем-вчетвером переходят – случись что, у попавшего под волну полноценного отряда есть все шансы отбиться, никого при том не потеряв. Нет, конечно, и в одиночку можно пересечь – что вдоль, что поперек; но это если только ты опытный Следопыт или – не менее опытный Лазутчик, которых (если они того захотят) и на голой равнине в полшаге от себя не заметишь (как там в старой детской смешинке? «Сошлись раз на дуэли Лазутчик и Следопыт; три дня друг друга в соседних кустах подсиживали – а вышла ничья...»). *Но это, про себя вздохнув после очередной хрустнувшей под башмаком Хессы ветки, подумала Вирр, тоже не наш случай.*

Выдохнула. *Ладно. Когда ни помирать, а родных все равно огорчать...*

И сказала – оглядев спутниц, убедившись, что они и слушают, и слышат:

- Сейчас, быстро; держимся вместе; Хесса- вперед, Рилль – ты слева; Харману, ты...

- Нет.

На мгновение Вирр показалось, что она ослышалась: учитывая вредность характера, эльфийка, скорее, именно со стороны вредной Шаманки ожидала (как почтенная Кориаль всегда именовала попытки дочери с ней спорить) *несвоевременных и безосновательных дискуссий*. Но чтобы тихая – чтоб ни сказать, робкая – Хесса...

- Не сейчас. Приближаются. Много. – Мертвячке тихий шепот давался с трудом, и она, торопясь объяснить и предупредить, старалась говорить коротко и отрывисто.

- Это с какого... - начала было оправдывать свою репутацию орчица, но Вирр, уже и безо всякого сосредоточения и полтораухих хитростей услышав нарастающий звук – тот самый, который она до того безуспешно пыталась уловить (и надеялась, что так и не услышит) – быстро прошептала: - Замерите, все!

Все замерли; девочки вновь прижались к деревьям, а Рилль, ощутивший в себе (видимо, для разнообразия) особое рвение к послушанию, даже сдал чуть назад – ползком, поглубже в кусты.

Теперь уже, пожалуй, все - даже обделенные чутким слухом - слышали близившийся многолапый топот. Из полуденной низины на гребень выскочила хорошо (даже слишком хорошо!) знакомая Вирр, не раз навещавшая ее в детских страшных снах багрово-бурая, некрупная – не больше среднего син'дорай - но плотная, бугристая и гибкая, точно свитая исключительно из мышц и жил оскаленная тварь с всклокоченной гривой волос неопределенного цвета. И сразу же показались прочие. Трое, пятеро, двенадцать...

К Элунарану мчалось три дюжины.

На дюжину больше, чем обычно, подумала Вирр. Странно.

Стая пронеслись быстро – быстрее, чем таящимся за стволами и в кустах хватило бы времени как следует вообразить картину «а если заметят?!» - вспенила воду и вскоре пропала вдали за деревьями.

И стало тихо.

Вирр сглотнула и оглянулась на Рилля: тот сидел молодцом, лишь подобрался, прижав уши; его все еще не отпускала готовность рвать, хватать и прыгать – в любом сочетании. Хвост его мелко подрагивал; похоже, тигр-то как раз успел себе представить все последствия неслучившейся (и хвала Белоре, и всем кошачьим богам!) схватки и в боевом восторге не пребывал. Затем обернулась к спутницам: Хессу по лицу не понять, а глазищи как были, так и выглядят – мерцают, как угольки; Харману же бодрилась – хваталась за топорики (как бы невзначай) - но *лицом своим*, как любит писать одна новомодная романистка, *изрядно изменилась*. Чуть не до салатového оттенка, не без ехидства отметила Вирр, но тут же честно предположила, что сама она тоже вряд ли сейчас напоминает героиню батальной картины «Последний бой Ветрокрылой».

- Как волки... - глядя сквозь Вирр, по-прежнему шепотом произнесла Шаманка.

- Что? – переспросила эльфийка.

- Прямо как наши волки, - очнувшись, уже нормальным голосом пояснила Харману. – Как хорошо обученная стая... Не воют, не рычат - молча бегут, точно их притравили на кого. У нас, бывало... - тут она осеклась, слегка отмахнувшись рукой, как бы подчеркивая неважность подробностей. – Да хвост с ним.

- Известно, на кого, - ответила Вирр. – На нас притравили, на син'дорай. Эти - к столице всегда бегут. Уже одиннадцать лет - по паре стай за день. Только, - добавила она задумчиво, - обычно их бывает меньше...

- Слыш, - вскинулась орчица, - мож-таки вякнуть кому здесь из ваших, а? Чтобы они, ну, там, сокола какого, или ворона, или магией – чем у вас тут сообщаются? - в столицу эту вашу дали знать? Ну да, тебе нельзя, помню – не дура, но я б сама сгоняла – ну нельзя ж не предупредить, нехорошо это, ты должна сообщать!..

- Не волнуйся, - успокоила ее Вирр голосом, не лишенным благодарности, - есть дозоры, есть патрули, и все рассчитано на куда большее число... - она хотела сказать «нежити», но постеснялась обидеть Хессу, - врагов. Год Вторжения для нас не прошел даром.

- Ну... - пожала плечами Харману, - тебе виднее. Была бы честь предложена. – А че – они тут всегда одинаковым числом скачут?

- Когда как. Когда дюжина, когда – полторы; случается, две.

- И всегда... - орчица явно нарочито посчитала на пальцах, - на шесть делится?

- Да. Наши ученые на это тоже обратили внимание. Но чтобы три дюжины - никогда до сего дня.

- Странная нежить, - подала, наконец, голос Хесса. - таких мы в Чумных землях не видели. И мне о таких не рассказывали. И ведь все равно – нежить, – задумчиво добавила мертвячка.

- Ты, это, - деловито вернулась к прерванному появлением Мертвой Стаи допросу Харману, - как учуяла?

- Они – нежить, и я нежить, - просто ответила Хесса. – Мы чувствуем, когда кто-то подобный нам рядом.

- М-мать моя ослица!.. – досталось кулаком невинному дереву от орчицы, - что ж ты раньше не сказала, стеснюха ты вяленая! Нас бы щас выпасли - как два когтя обкусать! Не-е, - она мотнула головой, - верно старики говорят – дурням предки чаще помогают...

- Они и *выпасли*, - переждав орочью инвективу, спокойно ответила Хесса. – Но *не вас*, а *меня*. А нежить мертвеца не трогает – если, конечно, тот сам не нападет.

- Ну да, - проворчала Шаманка, - ворон ворону...

- Харману, это все неважно, - вступилась Вирр за мертвячку, - нежить нас, живых, может просто учуять по запаху. И не хуже Рилля, - кивнула она на тигра. - Но эта нежить, пока не достигнет Столицы, с Тропы не сходит... а проще сказать, почти никогда не сходила. Тут главное – на самой Тропе под волну не попасть...

- Ну, дык, - усмехнулась Шаманка, - не беги впереди злого кодо с колючкой в...

- ...а еще главное, - завершила свою мысль эльфийка, - перебраться на ту сторону, а не дожидаться следующей волны, сокрушая редкие многолетние растения.

- Да где ж - растение, оно ж дерево!..

Вирр, взяв себя в руки, оставила без внимания как новинки прикладной орочьей ботаники, так и смешок Хессы; припомнила те нечастые безнадзорные задания, где ей выпадало быть старшей, собралась с духом и, не размениваясь на повторные *тактические расклады*, попросту рявкнула:

- Бегом!

Получилось отменно – в лучшем стиле старины Полторауха. Мертвячка послушно припустила к тропе, Рилль догнал ее одним прыжком и, не соревнуясь в скорости, затрусил рядом – охранял. У Харману тоже, видимо, сработали некие незабываемые навыки времен памятной Долины - орочьи ноги подчинились раньше, чем орочья голова успела возмутиться эльфийскому произволу. Но в долгу не осталась: когда отряд миновал середину Тропы, Шаманка на бегу обернулась, и процедила:

- И че – редкое? Вона их скока...

* * *

...Когда они, уже молча, углубились в лес, оставив опасности Тропы – и миновавшие, и еще возможные – позади, Вирр по привычке вспоминала сказанное и упомянутое ранее, мысленно перебирая и разделяя на важное и несущественное; а то и на требующее немедленных действий. С избыточным числом набегавшей на Столицу нежити она орчице не слукавила: случай был занятный, чтоб не сказать, уникальный, но внезапная лишняя дюжина для удальцов Джаэлы – это, все-таки, слишком мало, чтобы озаботить всерьез; просто потребуется больше стрел. И, возможно, магии - кузен ее пары Илли, третьего месяца зачисленный в один из летучих отрядов штатным магом, навещая домашних, упоминал: кроме него в корпус охотников на нежить призвали еще пятерых того же Класса. И Джаэла, учинив им всем смотр и испытания, результатами оказалась недовольна; ругала Городской Совет и правительство (впрочем, умеренно; в обличении некомпетентности поднималась не выше младших Советников и секретарей Министерств) и потребовала от новичков (уже ни в чем себя не стесняя) постоянной и частой практики – как раз на вечнопесенной части Тропы. С этим все ясно.

Но вот то, что Отрекшиеся, перестав быть частью Плети, сохранили некое единое *взаимочувствие*... Об этом нигде и никогда не упоминалось. Ничего подобного Вирр не читала и не слышала - даже в намеках. Даже в досужих выдумках, детских дразнилках и городских фривольных рассказах. Оставалась, конечно, вероятность, что *те, кто всегда начеку* – «глаза и уши Совета, доспех и клинок Высших» – уже все проведали и выписку, кому положено, на стол положили, но... Но надеяться на это – на то, что за тебя что-то сделают другие, пускай им и по должности положено – не подобает Высшей и син'дорай не достойно. Следовало при первой же возможности, когда бы она ни случилась (а чем скорее, тем лучше!), отписать в Столицу... Но как и куда? Если не сдаваться патрулям, если им с Харману удастся покинуть Призрачные, то письмо – кому бы то ни было – в ее, Вирр, случае отослать можно лишь гоблинской почтой. А значит, открытым слогом излагать, что новые союзники по Орде способны издалека («дистанционно, но на неопределенно ограниченном расстоянии», привычно, как в школьном эссе, уточнила будущую формулировку девочка) чуют и друг друга, и прочую нежить – просто немыслимо. И это даже если местом назначения будет указана вовсе не *улица Хрустальных Башен, Канцелярия Общественного Порядка и Спокойствия*. Гоблины, конечно, письмо доставят непременно (хотя и берут, по слухам, за почту, как за конвой через Чумные) – мелкие торгошники могли надуть при сделке (а точнее, надували всегда), но условий договора придерживались, чего бы им это ни стоило. Гобла, как сказала бы Шаманка, письмо-то доставит, но непременно вскроет и прочтет.

Значит, *в открытку* писать никак нельзя, а зашифровать или заколдовать... Увы – она, Вирр, по-прежнему не армейский дознаватель, и все еще не Магичка. А

планируемое сообщение – не школьная записка о свидании; и некий хитрый мозговитый гоблин – ничуть не доброжелательный наставник, избегающий излишнего вторжения в личные дела Учеников; простыми школьными ухищрениями тут не обойтись.

Уклоняясь пока от вопроса, откуда она возьмет деньги на гоблинскую почту, не забывая поглядывать по сторонам, следить за спутницами (в основном, конечно, за Хессой; орчица в лесах вполне освоилась) и приглядывать за как бы вновь не начавшим борьбу со скукой Риллем, Вирр вскоре додумалась до простой – как две стрелы послать! – и, как ей хотелось верить, не без изящества идеи: сведения нужно отправить кому-нибудь из своих - да вот хоть той же Иллот из Парящих-с-Ветром! И написать не доклад-сообщение (и уж тем более не эссе), а замаскировать письмо под ожидаемую для чужаков (но удивительную для Илли) пустосодержательную «эпистола утонченной эльфийки». А между делом (и ни в коем случае не в конце, или в начале!) вписать пару-тройку строк *с содержанием* - конечно же, стихотворных и, безусловно, дурновкусных... Да! якобы очередной ее, Вирр, сонет (уж Илли-то знает, что ее подружка стихов добровольно – кроме как на уроках Словесности - не сочиняла от рождения; а уж тем более – сплетения сонетов). И, сразу за тем – слезно-канючащую до отвращения просьбу показать стихи их общему знакомому *магистру Моргэсу, Кель'Таласу и за его пределами известному ценителю любительского творчества устного и письменного* – вот именно так! Вирр улыбнулась: главу шала'зарам – Высшего Мэгрота - в Элунаране не знали разве что совсем маленькие син'дорай. А с такой детской анаграммой Иллот-Парящая управится, как Полтораух с одиноким и больным орком...

...Мечты о грядущем (и, разумеется, неизбежном) торжестве над коварной любопытной гоблой были грубо прерваны громким и сухим треском – мертвячка, в очередной раз раздавившая не успевшую вовремя убраться из-под ног ветку, ойкнула и бормотнула «Извините...».

Все как по команде остановились. Даже Рилль дернулся и посмотрел на Отрекшуюся откровенно укоризненно (коты вообще не любят громких и внезапных звуков; они предпочитают производить их сами).

- Хесса!.. – начала была яростно (хоть и стараясь не повышать голоса), потерявшая терпение Вирр, но обернувшись и увидев полные проникающего в душу раскаяния, стыда и сожаления глаза мертвячки (*не иначе как у Рилля научилась*, подумала эльфийка. *И когда успела?*), невольно выдохнула и продолжила уже куда мягче, - милая, ну постарайся идти *тише!* Или, хотя бы. внимательней...

- Ка-ароч, смотри куда ноги ставишь, – хмуро «перевела» орчица. Она напряженно озиралась, видимо, ожидая, что на треск сейчас явится вся немертвая рать с многоруким и многоглавым вождем во главе.

- Я смотрю, - опустила голову Хесса. – И я стараюсь. Просто не всегда получается пока. У меня еще не все... восстановилось.

- Жилы не все отросли? – уточнила Харману.

- Можно и так сказать, - вздохнула мертвячка. - Чтобы хорошо управлять конечностями, приходится сосредоточиться... И все равно – хочешь двинуться так, а получается...

- Наперекосяк, - уже вполне благожелательно, даже сочувственно подсказала Шаманка. – Знамо дело – от, помню, мне в Долине скорпина, поганец, левую заднюю пропорол...

- Извините, - убито повторила Хесса, - зря вы со мной пошли. Одни вам неприятности...

Вирр попыталась, не мешкая, найти нужный и правильный ответ – в духе

«Наставления наставникам», то есть такой, что не подрывал бы веру Хессы в себя окончательно (и, одновременно, не звучал совсем уж откровенной неправдой), но вместо этого в голову пришла довольно неприятная и до тошноты несвоевременная мысль: собираясь *осведомлять Хрустальную* о способностях народа мертвячки, она, Вирр, поступает не лучшим образом. И, глядя правде в глаза, откровенно предает *дух братства по битве* – что недопустимо; и для Высшей, и вообще. С другой стороны – долг гражданина обязывает. И Хесса не просила сохранить сказанное в тайне. С третьей стороны – полностью доверяя Вирр и Харману (ну и что, что знакомы всего пару дней – вместе к бою готовились!), она могла просто не задуматься о такой возможности. С четвертой стороны – по всем правилам чести, надо бы спросить ее прямо. А с пятой стороны – ну вот что ты станешь делать, если Хесса вежливо – со всеми реверансами и извинениями – попросит тебя в ответ «никому не рассказывать»? Да еще и (упаси Белоре!) попросит стать ее *медив*(98)- или как там у хум'аноре зовут Разделившую Тайну?..

Запутавшись в обилии «сторон» и немного сожалея, что в отличии от большинства своих сверстников она привыкла применять логику не только на уроках по ней же (и потому не может подобно многим прочим легко и непринужденно полагать, что выдавать своих нашаливших приятелей Учителям и наставникам *никак нельзя*, а секреты, пусть и чужаков, но все же, спутников и друзей – во блага государства - *вполне можно* и даже нужно), Вирр мрачно велела Хессе не говорить глупостей, а всем сразу - «и вообще привал». Как только подыщут относительно подходящее место, желательно с родником. И добудут хоть что-то, съедобное *для всех*. Ибо в отряде с тигром любые запасы дичи и возможные остатки с предыдущих трапез долго не живут.

Впервые с того часа, как спрыгнула на Рилле с балкона, она испытала огорчение от невозможности посоветоваться с отцом - с Ансвэ Солнечным Бликом, учившим маленькую Вирр мыслить логично и правильно еще до Школы.

Примечания (в "комментарий к части", увы, не поместилось):

(89) Sinu a'manore – Приятная встреча (талассийск.)

(90) Bal'a dash – Приветствую (талассийск.).

(91) Син'дорай (а ранее - кель'дорай) изучают в детстве языки всех союзников, врагов и прочих значимых нейтральных народов, но именно язык как раз гоблинов малозначим – сами гоблины почти не говорят на нем, используя его лишь между собой и в крайне редких случаях, предпочитая речь тех народов, среди которых живут и торгуют. В обязательном порядке у син'дорай гоблинский изучают дипломаты, разведчики, языковеды, историки, инженеры и, разумеется, шала'зарам.

(92) Zhevra и Giraffe - эндемики калимдорских Степей; первая похожа на нашу зебру, но имеет на черепе два рога – большой (на манер единорога) и второй, чуть поменьше – ближе к нос; степной жираф обладает рогами, похожими на газельи.

(93) Дворец Ярости Солнца – резиденция Регента и Совета Элунарана.

Примечание к части

(94) Dar'Khan Drathir – бывший член довоенного Совета Элунарана, вступивший в сговор со вторгнувшимся в Кель'Талас Королем-Личем, что позволило последнему легко преодолеть магическую оборону кель'дорай и открыло Плети путь на Столицу.

(95) Shalandis; в русской версии, отчего-то – Шаландрис.

(96) Топонимика – наука, изучающая географические названия, их значение и происхождения; является разделом ономастики – науки о именах. Как ни странно, ономастика существует не только в фэнтези-мирах (например, в Земноморье леди Урсулы), но и на _этой планете_.

(97) Фералас – лесная местность в Калимдоре, Западном континенте. Знаменита едва ли не самыми высокими деревьями в Азероте (кроме, конечно, Нордрассиля, Мирового Древа) и крайне неравномерной местностью – отчего и водопады.

(<http://wowwiki.wikia.com/wiki/Feralas>) (<http://wowwiki.wikia.com/wiki/Nordrassil>)

(98) medivh (талассиск.) – носитель секретов; в данном контексте – слово, обозначающее у подростков-син’дорай подругу-наперсницу, поверенную в тайны и секреты. Или – друга. Ранее, в том числе, так назывались у кель’дорай лица, допущенные к государственным тайнам Королевства. Но после того как носящий такое же прозвище известный человеческий маг-пророк, последний Защитник Тирисфаля

(<http://wowwiki.wikia.com/wiki/Medivh>) сыграл непростую и довольно одиозную роль в истории и континента и всего Азерота, термин употреблять перестали. А у син’дорайских детей сохранился.

«Разум веет, где хочет»

- Слышь, Хесса, - не отрываясь от запечённой паучатины, покровительственно прочавкала орчица, - ты, это, мордой к огню сидеть-то отвыкай! Не дело. Вот стемнеет – обернешься, случись чё поглядеть, хто там окромя нашей тигры шуршит, а не зги не увидишь, пока жрать не начнут: гляделки, как слепые, еще скока будут...

Тигра, своего честно выделенного паука уже приговоривший всырую, в лесу по кустам вовсе не шуршал, а совершал вокруг едоков (а точнее, вокруг Вирр и Харману; Хесса свою долю поглотила аккуратно, но быстро) сложные кошачьи маневры, примериваясь к лежавшей на хурджине харманушной доле – *понюхать*; мол, правильная ли орчице досталась паучатина. И не испортилась ли?

- Благодарствую, - чинно ответила мертвячка, - я знаю. Но на наше зрение это не действует. Мне – можно.

Вирр ожидала, что Харману снова выскажется на тему непомерной везучести отдельных народов, но та только пожалала плечами и жадно впилась в мясо (несмотря на то, что совсем недавно - когда из всей подходящей живности удалось наскоро найти лишь двух прядильщиков – горестно и с надрывом провозглашала свою скорую смерть от голода в силу невозможности есть всякую гадость).

Ели, само собой, беседа – все-таки, в дороге, к тому же по небезопасным местам, не очень-то и поговоришь; да и ужин за общением уже не кажется таким скромным. И вообще, как с некоторым вызовом озвучила Вирр, пока паучье мясо запекалось, «у син’дорай еда в компании – время для бесед».

(Однажды, лет двадцать назад, когда с визитом к Солнечным Бликам случился начинающий коллега отца, Вирр дождалась момента, когда почтенная Кориаль увлекла супругу гостя посплетничать о чем-то настолько светском, что для мужских и детских ушей оно ни в коей мере не предназначалось. Помня из родительской болтовни, что молодой ученый до обращения к археологии провел в Семи Королевствах семь лет культурным атташе, Вирр церемонно – на правах младшей хозяйки дома - завела *научную беседу* с целью выяснить: верно ли, что у хум’аноре запрещается разговаривать во время еды, да еще под страхом весьма жестоких наказаний? И если не во всех Семи, то, по крайней мере, в некоторых? Причиной настойчивого и столь предметного интереса было привезенное из учебного лагеря старшим братом Илли довольно потрепанное «Показание к благоповедению юным» - книжка, изданная в Штурмграде столетия три назад и неизвестно чьей волей или посредством каких чар очутившаяся на чердаке Дома Старших «Золотистой Дымки» - где ее и отыскали Ученики, которые сочли невозможным не разделить с младшими неожиданную и вызвавшую немало как здорового веселья, так и мрачного удивления, находку.

Оставленный с любознательной девочкой наедине гость - Ансвэ, поощряя дочь к познанию, приятелю на помощь не пришел и полностью отдал того «на растерзание» - немного растерянно, ибо своих детей у него еще не было, поведал, что во время трапезы у краткоживущих запрещается разговаривать только детям; взрослые же хум’аноре за едой обычно беседуют едва ли не больше, чем хорошо воспитанные кель’дорай - разве что с куда меньшим искусством и не столь изысканно.)

- Далеко еще до берега? – прервала Харману детские воспоминания Вирр.

- К вершине следующего дня дойдем. Главное, - заговорщицки-серьезно добавила Охотница, - повороты не перепутать.

- А то чё?

- А то попадем не к побережью, а например - к гнолльским копям.

- И чё за гноллы?

- Жили там всегда, - пожала плечами Вирр, - еще до Прибытия Основателей. А когда пришли мы – добывали для нас торий. Я читала, в древности они не знали его ценности и использовали как украшения...

- Погодь, - перебила орчица, - кузнецы говорили - он ж ядовитый, как... как Зацепа с похмелюги!

- У гноллов врожденная устойчивость к... в общем, ядам и прочим неприятным воздействиям... скажем так, каменного происхождения. Да и ториевые жилы, пусть и не сразу – ко времени окончания Тролльских войн, но истощились; с тех пор они добывали уже только медь...

- В рабах, что ль, у вас ходили? – процедила Харману. Хесса, по обыкновению, больше любившая слушать, молча оскалилась (то есть, улыбнулась).

- Отчего ты так решила? – спокойно переспросила Вирр. - Нет, в своем анклавe они жили как хотели. И руду мы у них всегда покупали.

- Ну, за свою цену, небось... - ухмыльнулась Шаманка.

- А вы иначе торгуете? – парировала эльфийка.

- Да откуда ж я знаю, - отступила Харману, - я тебе не купец какой... А раз у вас все в меду, ну и чё – забредем туда, на гноллей попялимся, потом дальше, к берегу вывернем...

- Все было мирно до последней войны, – пояснила Охотница, - сейчас там небезопасно.

- Чего так?

Вирр вздохнула.

- Когда Основатели приплыли сюда, с гноллами, в отличии от троллей, даже не воевали: гноллы тогда не представляли опасности. Больше того - они увидели в нас защиту от истреблявших их Амани. Но когда вторгся Ненавистный и множество син'дорай погибло, гноллы – впервые за тысячи лет - стали нападать на нас. Убивали выживших, нападали на нетронутые Плетью поместья, разрушали святилища. Только когда здесь восстановили гарнизоны, гноллов вновь оттеснили на их землю.

- А потом?

- Послов они обстреляли. Отходить от своих рудников они больше не рискуют, но убивают любого чужака, оказавшегося рядом. Им что син'дорай, что орк, что... - Вирр свободной от еды рукой повела в сторону мертвячки.

- У любого народа долгая память... - пробормотала Хесса

- Видать, им ваши расценки на медь не сильно нравились... - попробовала съехидничать Харману.

- На этот случай у Разумных приняты переговоры, - не поняла шутки Вирр.

- И что вы теперь собираетесь с ними делать? - тихо спросила мертвячка.

- А как ты думаешь? – так же тихо ответила Вирр.

Они помолчали.

- Да че тут думать, - сказала орчица. - Никто под боком у себя враждебное племя терпеть не станет. Иль сгоните к демонам куда подальше, или... Хотя куда их гнать-то – они ж, чую, у вас как колючка в зад – кругом них сплошь ваши земли, не? Слуш, - она оживилась, - а расскажи-ка, че тут вообще вокруг, а? Я ж тут всего без году неделя! Да и Хесса послушает – чай, за полторы сотни годков че-нито у вас да изменилось...

- А к слову, - спросила Вирр то, что давно ее интересовало, - как ты сюда добралась, если не через Чумные и не столичным телепортом?

- А-а, - дернула свой чуб орчица, - вот не поверите, иль оборжете – на *перелетку*(99) разорилась. Не, ну чё, – напирала она, - деньги были - в порту, уже по эту сторону

обломилось - и как раз вот чтоб досюда! Дай, думаю – раз в жизни-то попробовать надо; а то не сегодня-завтра прибьет кто – и чё?

- И-и? – подбодрили ее Вирр и мертвячка.

- И слетала. Правда, - досадливо добавила Харману, - тут слезла уже, считай, почти без гроша – тока с тем, шо в складки затесалось. И ни хвоста тут у ваших не заработаешь... Лан, так чё тут есть-то – ну, окромя домиков для детишек и тролльих могильников?

Вирр кивнула:

- Сейчас доем, достану карту и все покажу.

- А че, те карта твоя жевать мешает? – прыснула орчица.

Вирр припомнила самый строгий тон почтенной Линфир, наставницы в Этикете, и посмотрела на Харману *соответствующе*.

- Книги и карты берут исключительно чистыми руками!

- И как вы жрать-то ухитряетесь... - мотнула головой Харману, - тебя послушать, ты тока книги и мусолишь.

Вирр на подначку не поддавалась и, торопливо завершая трапезу – ей и правда хотелось рассказать о любимых местах по карте – глянула на помалкивающую Хессу. Как всегда, на очередное столкновение орочьей и син'дорайской культур, мертвячка взирала - как бы противоречиво это ни звучало - с более чем живым интересом.

Затем Вирр, нарочито не торопясь, потерла песком и ополоснула руки (безоглядно пить из первого встречного родника здесь не стоило, а вот привести себя в порядок – сгодится). Задним числом сожалея, что не сообразила прихватить из запасов Вэлли какое-нибудь полотенце или хоть что-то подобное, потрясла кистями в воздухе, ожидая пока просохнут; вытирать их сейчас о штаны – это после сверхкраткой-то лекции о манерах и аккуратности! – было бы, мягко говоря, немного неуместно. И уже только после подошла к рюкзачку.

В течении всех ее перемещений Харману сидела молча, доедая (к огорчению Рилля) последний свой кусок, но всем видом выражая крайнюю степень бесконечного и тоскливого ожидания.

Уже распустив завязки и доставая карты, Вирр вспомнила про подарок-огнелилию: являть ее всему миру (по крайней мере, при вредной орчице) не хотелось, но отступить было поздно. Она было подумала ограничить наглядный урок картографии одолженным у девочки-Стража портуланом (благо он лежал сложенный отдельно), но, мысленно послав к демонам и Харману, и всех вредин и насмешниц в каждом племени, сколько их ни есть, потянула из рюкзачка свиток и невозмутимо извлекла из него цветок – на удивление свежий и нисколько не увядший. Вирр улыбнулась (мысленно, конечно): не иначе как мальчишки исхитрились зачаровать свой прощальный подарок, либо попросили кого-то из Старших – сами юные Лазутчики в подобном колдовстве были не сильны; а то и вовсе отыскали Мага-наставника, не нашедшего в себе строгости отказать подопечным в столь романтической просьбе.

По-прежнему *держала лицо* – все-таки, несмотря ни на что, не настолько еще близко они с спутницами знают друг друга, чтобы делиться столь личными и приятными воспоминаниями – Вирр отложила огнелилию и, выбрав карту былого Чернолесья, развернула ее на траве - подальше от костра. И только потом посмотрела на Харману и Хессу.

Мертвячка рассматривала карту; орчица, да, косилась на лежащий поверх эльфийского рюкзачка цветок, но без насмешки, а, скорее, с недоумением пополам с напряженным размышлением. Затем, по-видимому, усердная мысленная работа дала

некий результат и Шаманка, потеряв интерес к огнелилии, приняла (как сказала бы наставница Сценических Искусств) *недостоверно утрированную* позу жадного внимания и провозгласила:

- Ну – гляделки нароспашь, уши настезь! Зачни!..

Эльфийка не без иронии поблагодарила Харману «за милостивое одобрение» и, указав наскоро на карте уже второго дня подробно упомянутые детские городки, приступила к рассказу, стараясь не спутать, о чем обязательно поведать подробно, а о каких местах, ей случайно известных, упоминать перед не-син'дорай не стоит...

...к восходу от моего городка, в котором мы с Харману встретились, посреди наибольшей части озера, есть остров – небольшой. Он пуст и весь покрытый скалами, но примечателен пещерою; причем не какой-нибудь отрытой, не бывшей шахтой, а самой настоящей, созданной природой(100). Дети часто плавали туда на лодках – не только для игр, но и в поисках возможных следов прошлого.

...А еще дальше, на другом берегу, совсем близко от него – Восходные Горы. Они тянутся далеко на полдень, переходя в Талассийский Хребет, который служит естественной границей между Кель'Таласом и Королевствами хум'аноре. Вдоль Восходных цепочкой расположены древние поселения Амани; до войны наши ученые там проводили раскопки, а детей водили на экскурсии... ох, Харману, ну, водили посмотреть, как все было тысячи лет назад! Да, в первые послевоенные годы, пользуясь нашей временной слабостью, тролли спустились с гор и вновь поселились в предгорьях и в своей бывшей цитадели – Зул'Амане. Но это, несомненно, ненадолго; сейчас их натиск сдерживают Следопыты Закатных Странников, и недалек час, когда троллям напомнят прошлое: ведь син'дорай уже изгоняли захватчиков из своих лесов - прогонят и вновь.

- А тут чего?

- Здесь, и здесь – у озер...

- Эт' там, где мы бултыхались?

- ...да, там частные поместья и мелкие дачные поселки... были. Что Плеть не разрушила сразу, потом... ну, в общем, то потом Плеть доразрушила. И гноллы стороной не обошли.

- Усекла, давай дальше! Э, не, погодь, - ткнула в карту Харману, – а вот это че такое, на отшибе? Вот тут, ниже троллячьей крепости – еще ихнее поселение?

- Ихнее, да не совсем, - рассмеялась Вирр, - помните про учебных зомби? Так вот: это не настоящая деревня Амани, а нарочно выстроенная – совсем как во времена Тролльских войн...

- Да на кой хвост?!

- Для обучения и военных игр. Что тут удивительного? «Который отряд первым принесет голову главаря троллей» - все три детских городка состязались!

- А вам че, местных троллей не хватало, что уже зомбей растили? Или молодежь у вас на них не пускали, пока не заматереете?

Вирр пояснила: тогда остатки Амани с гор не спускались. А так – игры и учебные тролли напоминали юным син'дорай о былых подвигах предков и некоторых, ныне вполне здравствующих героев и героинь.

...с этим «главарем троллей» (дети звали его Келгашем, придумывая этому имени самые разные толкования), произошла забавная история, хоть и причиной ей послужило,

как ни печально, Вторжение. Игру-соперничество в то лето провести не успели и зомби, разумеется, никто не усыпил – не до того было, и некому. Созданы учебные зомби были отменно и со старанием – в Королевстве ничего не жалели для детей (и это были не просто слова!) – а потому существовать они самостоятельно, без присмотра, могли достаточно долго. Нет, Хесса, конечно не сотни лет, но уж десяток или чуть меньше – непременно; точно не скажу - я не слышала, чтобы это когда-либо проверяли.

...И вот, пока Кель'Талас залечивал раны, а Совет и Регент вновь обретали власть над землями, шли годы; и тролли-зомби так и бродили, наверное, по своей «деревне», делая вид, что занимаются хозяйством, варят зелья на кострах, ходят в дозор и практикуют вуду. А их главарь делал вид, что правит. И сочиняет планы вторжения и лютой мести эльфийским колдунам - все как положено. Нежить Плети зомби как добычу не воспринимала, и они Плеть не замечали - как не предусмотренную управляющими заклятьями. Со временем, когда в Транквиллионе, как прежде, встал гарнизон и после того, как син'дорай почти расправились с Предавшим и осколками Плети, дошли бы, рано или поздно, руки и до этих позабытых... именно, Хесса - наглядных пособий. Так бы все и случилось, если бы не тролли настоящие и вполне себе живые - возжелавшие, воспользовавшись бедствиями Королевства, переиграть проигранные в прошлом битвы и спустившиеся с отрогов хребта. Да, все верно, Харману – одна несчастливая банда нашла этих зомби первыми. Ведь некромагия у зеленых варваров - часть почитания предков; додуматься об истинном происхождении, а тем более, о назначении этих зомби, разбойники-Амани никак не могли. И, разумеется, приняли их за своих настоящих пращуров, самостоятельно восставших из катакомб, конечно же, в давным-давно «предсказанный» час возмездия бледнокожим. И немедленно воздали им почести – все, какие были... Нет, смеяться пока рано. Ибо потом на шум, восторженные крики и славословия, к своему народу вышел Келгаш. Старший шаман Амани сразу признал в нем какого-то древнего и памятного вождя, да не простого, а легендарного – чуть ли не унгана-над-унганами. Бедные тролли окончательно впали в восторг и благоговение, а старина Келгаш, не дав троллям насладиться причастностью к зримо воплощаемой легенде, немедленно - отыгрывая вколдованный в него сюжет - провозгласил кровавый поход, предрек смерть всем без исключения пришлым чужакам, посулил обильную добычу, пообещал вдоволь свежей плоти и ...вы уж поверьте - у нас для учебных врагов речи пишут не худшие драматурги (Харману, для тебя поясню – выдумщики историй!), и поведал вдохновленным троллям свой гениальный и коварный план нападения на крепость беспечных и ни о чем не подозревающих захватчиков (если кто не догадался – на наш же, уже давно пустующий, городок). И все бы ничего – ну пришли бы недоумевающие Амани, попутно сражаясь с бродячей нежитью Плети, в заброшенную «Солнечную»; удивились бы отсутствию своих исконных врагов. Возможно, о чем-то бы и догадались; а быть может и нет – теперь уже об этом можно лишь предполагать. Ибо на пути к детскому городку – вот здесь, у полуденной оконечности озера - вторженцев ожидал анклав Закатных Странников: к тому времени существовавший уже лет пять или шесть, но, как можно догадаться, в довоенной еще памяти Келгаша никак не отраженный. Следопытам Странников было уже не впервой отлавливать бродячие банды в предгорьях, но с атакой одной из них на свой хорошо укрепленный оплот – атакой прямой, стремительной, без долгой разведки и непрременных тролльих хитростей – они столкнулись впервые.

Бой, как рассказывают, был скоротечным: форпост Закатных в Призрачных рассчитан, все-таки, на куда большее число неожиданных противников; да и не на столь бесхитростных. Хотя – это уже не по отчетам, а по слухам – после того, как Странники

допросили выжившего пленного и разъяснили для себя, откуда в рядах безрассудных нападавших случились раритетные, довоенной еще работы школьные зомби, какое-то время форпост пребывал практически беззащитным...

- И че, этот - как его там? – старина Келгаш? – спросила, отсмеявшись, орчица.

- Как ему и положено по сюжету игры – проклиная судьбу и сокрушаясь попустительству богов, бежал с поля боя в свое логово; там его и должны были в завершение военной игры отыскать Ученики. К слову, там его спустя где-то полгода и нашли - но, конечно, не Ученики; и уж тем более не Следопыты. Какие-то ордынские охотники за наградами натолкнулись на беднягу Келгаша случаем, изрубили его на куски, обнаружили при нем «секретные планы» и принесли их вместе с отрубленной головой в Анклав, ожидая награды...

- А им вместо нее, - оскалилась Хесса, - довоенный приз победителей в школьной игре?

- Нет, - Вирр изо всех сил пыталась не рассмеяться первой, - с них взыскали за порчу собственности Министерства Ученичества и Наставничества.

...Два святилища в Чернолесье – Святилище Солнца, на восходе; на закате – совсем рядом от нас - Святилище Луны, самое древнее и первое, заложенное Основателями в этих землях ... Да, все верно, Хесса: мы давно не поклоняемся ни Луне, ни лунной богине – уже многие тысячи лет. Но син’дорай не разрушают свое прошлое – оно часть нас и наша память, даже если речь идет о давным-давно отвергнутых суевериях. Нет, как святилище оно, конечно, уже давно не используется – до Войны там был музей; и - лаборатория Магических Энергий. Нет, Харману, туда мы не «заскочим»; лаборатории были заброшены в дни Катастрофы, защитные поля рассеялись и возникло много опасных аномалий... да, Харману, много всякой глode, в которую можно нечаянно наступить или которая может на нас напасть. Да, я так и говорю...

...Тролльи катакомбы лежат под самой высокой горой Черных лесов и всего Кель’Таласа – Дотянувшейся-до-Солнца(101). На ее склоне, на небольшом плато Ан’телас - одно из трех ранее самых тайных мест Чернолесья. Магические устройства, расположенные в нем, как и в двух других - Ан’овине и Ан’дароте(102), они на полдне и на закате от Транквиллиона - оберегали Королевство от вторжения и закрывали путь в Леса Вечной Песни. Но Предатель – да, Харману, тот самый, с кучей рук и голов – выдал ключи от них Ненавистному и теперь это уже не никакая ни тайна, хотя сейчас туда тоже просто так не попасть – эти места охраняют. Нет, больше об этом я ничего не знаю.

Как оказалось, на закатной стороне Призрачных обе барышни – и орчица и мертвячка – оказались впервые. И потому, едва Вирр, исчерпав достопримечательности в части восточной, перешла к другой половинке карты, стали слушать с еще большим интересом; но переспрашивать и уточнять не перестали. Так Хессу уже полдня волновало изобилие некоторых трав - в иной, транквилльской, части лесов, попадавшихся ей куда реже; например, *магорозы* (мертвячка умудрялась собирать ее в течении всей дороги прямо на ходу – благо ценностью, по крайней мере, на взгляд фармацевтов-Отрекшихся, обладали только *вершки*). Вирр объяснила – внешняя часть этих земель изобильна линиями леи (оттого именно здесь, в древнем святилище, лабораторию и обустроили), и растениям, имеющим к магии особое сродство, здесь полное раздолье.

...На побережье, но на полдень от тех мест, куда мы идем, стоит поместье

Ветрокрылых – их первая обитель и самая старая - да, после Белых Башен, конечно! – постройка в землях син’дорай. Она очень красива, хотя в те времена - пока еще не изгнали Аmani – Основатели больше заботились о защите и безопасности, нежели об изяществе и гармонии; потому это настоящая крепость. Ученики раньше часто посещали ее, чтя реликвии Семьи и слушая рассказы о доблести великого Дома. Теперь, говорят, он захвачен нежитью – мертвецами и баньши; и призраками погибших защитников. Нет, Семья Ветрокрылых и до войны жила в Столице – их старое поместье уже довольно давно служило скорее памятным местом, свидетельствующим о славном прошлом Королевства. А не отбили его до сих пор, Харману, оттого, что война по-прежнему не закончена; остатки Плети бродят по Призрачным землям и даже случаются у Столицы; враги син’дорай (и, между прочим, Орды!) повсюду, и в Азероте, и в Запределье; а потому дружины Ветрокрылых нужны везде - не только у стен их оскверненного поместья; ведь «Личное не значит важное» - таков девиз их семьи...

- Слуш, а у ваших у всех – ну, в каждом роду - есть девиз?

- Нет, только в Старших... в старых, древних фамилиях.

- А в вашем роде - есть? – напирала орчица.

Вирр слегка улыбнулась. Когда-то давно она, еще совсем маленькая, начитавшись должных книжек, пришла к отцу и задала ему точно такой же вопрос. Ансвэ рассмеялся, подхватив на руки, подбросил восторженно взвизгнувшую Вирр почти до потолка и затем, поймав обратно, заговорщицки оглянулся (не слышит ли порой слишком серьезная супруга?) и задорно ответил: - Конечно есть! «Знания – хоть из-под земли!»

- Нет, - Вирр покачала головой. – Не всем же быть Ветрокрылыми. Но каждый син’дорай стремится.

- Эт’ понятно, - задумчиво сказала орчица, - у нас с Траллом и Гаррошем так же, всем орчатам пример... О, слышь, Хесса, - она оживилась, - вот смотри: у нас у каждой чегой-то эдакое в мелком детстве было – ну, меня в Долине в «Стаю Гарроша» посвящали, татуху вон набили; длинноухую нашу у каких-то там древнучих Белых Столбов в синдорята принимали... Ну а вот у тя чего такого, да шоб памятного, было?

Нежить мгновение-другое размышляла, затем посмотрела на орчицу (Вирр могла поклясться - в глазах мертвячки мелькнуло сдержанное лукавство) и серьезно предположила:

- Первое причастие в Соборе Лордерона?

...а вот тут, прямо напротив побережья мурлоков, совсем близко – вы его хорошо увидите с берега – небольшой островок под названием Шаландис. Обретя земли Кель’Таласа, Основатели, без сожаления разорвав связи с народом Ночи, но тоскуя по родным для них лесам, не стали обживать остров, но засеяли его семенами с оставленных в закате берегов. Рассказывают, что самые высокие деревья острова выросли из саженцев, посаженных Дат’Ремаром-Великим. Таких деревьев и растений, как в лесу Шаландиса, нет больше нигде в пределах Восточного континента; вплоть до последней войны эта частица старой родины Основателей почиталась заповедной...

- Прости, если ошибаюсь, - воспользовалась Хесса заминкой Вирр, - но разве слово шаландис не из языка Ночных эльфов, вашей дальней родни? Правда, не помню, что оно означает - в мое время, в основном, люди Королевств учили талассийский. Но языки, и их, и ваш, очень схожи...

По слухам, друиды Ночных эльфов, заменяющие им ученых, языку сородичей Вирр в праве на самостоятельное существование отказывали, всерьез полагая талассийкий

всего лишь искаженной формой «высокого дарнассского». Говоря прямо – считали дикарским диалектом. Насколько знала Вирр, син’дорайские языковеды к подобному «знанию» относились с откровенным безразличием – ненаучный бред, противоречащий ясным фактам, ни презрения, ни гнева недостойн. И на сей раз, помня вчерашний спор об истинном Месте Высадки, Вирр успела взять себя в руки и ответить ни резко, ни насмешливо, а где-то даже почти мягко:

- Я, к моему сожалению, тоже не знаю, что именно оно означает; язык ночных друидов, наших *давних* врагов - а подобно хум’аноре, еще и заклятых врагов Орды, если я не ошибаюсь (Вирр мельком посмотрела на орчицу, и та солидным неторопливым кивком и прикрыв, для важности, глаза, подтвердила правоту сказанного), мы учим ограниченно.

- Но вроде бы раньше...

- Исключительно на случай допроса пленных воинов или лазутчиков, - еще мягче продолжила Вирр. И уже совсем мягко – так мягко, как только возможно, добавила: - Что же до родства наших языков, то его степень, не говоря уже о значении, с некоторой долей деликатности говоря, *несколько* преувеличена.

- Я не спорю, я лишь уточняю, - примирительно сказала мертвячка, - моя память еще не полностью служит мне и...

- Э, да погодите вы со своими терками! – перебила орчица, - слышите, не? Где-то там, вдалеке - вроде как хруст был... Ну, точно матерущий кабан через кусты ломился?

Нежить покачала головой, к чему-то прислушиваясь, а эльфийка – покосившись на дремавшего у костра Рилля - спокойно и не торопясь, ответила:

- Что-то такое было. Ты совершенно верно обратила наше внимание, но не волнуйся – это и правда какое-то животное: тролли досюда не заходят, мурлоки лесов избегают, хищники так не шумят, а нежить или подбирается тихо, или, преследуя жертву...

- Это нежить, - негромко, но отчетливо произнесла мертвячка.

- ...издают значительно более... Что?!

- Там мертвец. Близко, – хрипло пояснила Хесса. - Но не... не дикий. Не Плеть.

- Ого! – хохотнула Харману, - Еще *отрёк*? А вы чё, все так по лесу ходите, шо отсюда даже в Огри слышать? Не, ну ты, смекни, - это уже эльфийке, - а заливала-то, а, заливала? Не отросли жилы, говорит; *сосердоточить конешности*, говорит...

Через мгновение у костра и в лесу стало очень шумно. Тигр, точно и не спал, вскочил на лапы и оскалился, зарывав. Из лесу – со стороны недавнего треска – послышались визгливые крики, шум и куда больше треска, чем прежде.

Рилль поймал взгляд Спутницы и коротко рявкнул – невнятно для окружающих, но более чем ясно для Вирр.

Нежить!

И нежить *недобрая*.

- Если там и был Отрекшийся, то он уже не один, - «перевела» для остальных Охотница.

- Помочь надо, - быстро сказала орчица. – Ежли там даркхановы дохляки... А ну как отрёк - вроде нашей? Тока из домовины вылез?!

Вирр поглядела на Хессу. Та молчала; просто смотрела на Вирр.

- Ладно. Идем. Хесса, ты - уж извини, скажу прямо – держись позади; что пойдет не так – беги, быстро, как можешь; в Транке расскажешь... Харману, брось костер, не до того сейчас!

- При все уважении к Высшей, я в состоянии самостоятельно решить, как мне поступать, - тихо, но твердо, уже на бегу сказала мертвячка.

Во имя Белоре! Как же удобно, когда и вообще, и на бегу дышать не надо; болтай - не

хочу, мельком позавидовала Вирр. Спорить было трудно: бежали быстро - насколько это было возможно поздним вечером в лесу. Впрочем, если судить по приближающему шуму, до места схватки было рукой подать...

Когда меж деревьев замелькали вурдалачьи спины – нежить небольшим числом, то гортанно рыча, то взвизгивая, отпрыгивала и на скакивала вновь, пытаясь достать кого-то, забившегося под ветролом (увы, власть над погодой в своих землях син'дорай еще только восстанавливали; и покамест сил хватало лишь на Столицу и пристольные леса) - Охотница на бегу вскинула лук; времени на тактические совещания не было – оставалась надежда, что все и так поймут, что им делать.

Повезло: прежде чем разъяренная нежить заметила прибежавшее с тыла подкрепление, девочка успела вывести из строя, обездвигив, двух из пяти; затем в дело вступила Шаманка – встряхнула бубном, что-то коротко провыла и одного из бросившихся на лучницу мертвеца оплела упавшая откуда-то сверху, из крон, яркая плеть разряда. Пока жертва орочьих духов содрогалась на месте, орчица перекинув бубен в левую руку, правой выхватила один из топориков и разнесла противнику череп, сопроводив бросок краткой, но выразительной (хотя и неопознанной Вирр) орочьей фразой - видимо, вместо заклинания. Одного из оставшихся двух, того что покрупнее, взял на себя Рилль – метнулся в прыжке наперерез и сбил с ног, по земле покатился рычаще-визжащий клубок, полетели клочья шести, истлевшей одежды и крупные куски зеленовато-серой плоти. Тигр явно был счастлив: наконец-то ему довелось кого-то разодрать.

Выстрелить в третий раз Вирр не успевала; выхватить клинки времени тоже не было; Харману, хоть и ухватила уже второй топорик, медлила - опасалась задеть эльфийку; Рилль же увлекся *нежитедранием*.

Хесса, изначально державшаяся (как и было велено) позади Вирр, внезапно – быстрым, совершенно непривычным для нее движением – оказалась между эльфийкой и последним вурдалаком; тот, уставившись на мертвячку, на мгновение-другое замер, что-то недоуменно-яростно каркнув. Тех мгновений и хватило: Вирр, оттолкнув мертвячку, снесла вурдалаку голову.

- Извини, - нарушила наступившую после боевого неблагозвучия лесную тишину Вирр. С учетом обстоятельств, сказанное прозвучало, отчасти, не к месту, но - воспитание обязывало! - ничего с собой девочка ничего поделаться не могла.

- Ничего. Все правильно, - ответила, не оборачиваясь, Хесса, пристально вглядываясь в ветролом.

Вирр кивнула и подозвала Рилля, все продолжавшего увлеченно утаптывать уже не шевелящегося мертвеца, осмотреть – не ранен ли; тигр довольно мотал головой и немощи не выказывал. Харману, не без труда выдрав из головы *своего* вурдалака топорик, вытирала его обо что придется, вполголоса ругаясь на *неправильных* врагов, у кого не печени отъесть, ни крови испить, но после чьих потрохов замаешься оружие чистить.

Теперь появилась возможность осмотреться – кроме только что поверженных противников, у поваленных и накренившихся стволов лежали еще несколько трупов. Вирр пригляделась – слуги Плети были убиты откровенно непривычным способом: двоим были нанесены странные, глубокие и круглые, явно парные раны; третий же был, по сути, разорван пополам.

- Не наша работа, - высказалась подошедшая Харману. – Этот отрёк, пока не подняли, явно был тауренище, не иначе... Вона – точно на рога принял! А где он вообще? Эх, неужто порвать успели?! Слышь, Хесса – чуешь, мож куда сныкался?

- Он здесь, - просто сказала мертвячка. – Там, в глубине завала. Он ранен. И, кажется, тяжело, - она подошла поближе к завалу и что-то произнесла на

гуттерспике(103), языке Отрекшихся.

- Только он не отвечает, - огорченно сказала Хесса уже спутницам. – Наверное, повреждена гортань, и он... или она не может говорить...

- Нд-а? – Харману переглянулась с Вирр и обе уставились в указанное место, слишком затемненное из-за обилия стволов, кустарника и просто наступавшей ночи. – Ща глянем... - пробормотала, пожав плечами, Харману и сунулась вглубь завала. – Ну-ка... АХ ТЫ Ж ХВОСТ ТЕБЕ ПОД ЛАПУ! – заорала она, отскочив, отмахиваясь сразу и топором, и бубном. На ней, что называется, не было лица. – Т-т-там...

- Кто... Что там? – тревожно спросила оглушенная ее воплем Вирр; руки, точно сами собой, уже наложили стрелу – *настолько* перепуганной орчица еще никогда не была.

- Г-глоде там, - сглотнув, выдавила Харману. – Как есть глоде. Д-дохлое. Ну, это, - добавила она, уже взяв себя в руки, - недохлое, во.

Вирр отложила лук, нащупала на земле веточку посуше и подпалила ее – от души и не жалея Силы; не тот случай. Затем обнажила клинок и медленно заглянула в темноту, разгоняемую огоньком. Слабый свет восьмикратно отразился в двух рядах выпуклых глаз.

Отчасти подготовленная к увиденному (но лишь отчасти; слишком уж многозначно у орков это слово), эльфийка умудрилась отпрянуть *относительно* медленно; но сдержаться полностью уже не смогла.

- *Вендел'о эрану*(104)...- потрясенно прошептала Вирр. – Это же...

- Валить его, - деловито, скрывая страх, приговорила орчица, - А то оно ща как прочухается, и...

- Постойте! – вмешалась Хесса, - Кем бы ни было это существо, оно – Отрекшийся. Я же чувствую.

- Знаешь, че, подруга, - начала заводиться Харману, - вот такое вот *существо*, ежели не оно самое, нас с длинноухой пару дней назад чуть не схарчило. На общачок с приятелями... Мне и того раза от по сих вот хватило, - она чиркнула бубном у горла.

Хесса подошла ближе и встала вплотную у завала – лицом к спутницам, к изорванному нерубу спиной.

- То были мертвецы Плети, а это - Отрекшийся.

- Да не бывает таких!.. - начала было орчица, но вежливая мертвячка прервала ее – негромким, но едва ли не властным речитативом.

- Первая из нас – Ее Величество Сильвана – без помощи, никем не освобожденная, от воли Лича освободилась сама; и обрела разум, и вернула себе волю; и власть над собой; чем он... оно... чем это существо хуже нее? И если для вас нет разницы между ними, – Хесса повела рукой в сторону валяющихся вурдалаков, - и мной, если разум для вас значим лишь в привычной глазу форме – отчего я до сих пор не лежу рядом с ними? С отрубленной головой?

Харману смущенно засопела, а Вирр (в который раз напомнив себе, что Высшим не пристало судить по одеждам или телесной оболочке), вздохнула и строго спросила Хессу:

- Ты уверена, что это Отрекшийся? Что он разумен?

- Да, - твердо ответила, кивнув, мертвячка. И добавила, явно цитируя кого-то, неизвестного Вирр: - Разум веет, где хочет.

Охотница глянула на орчицу и немного неуверенно, едва не смущенно – точно оправдываясь, сказала:

- Вообще-то, и Рилль в нем врага не чует, как и в ней. – Вирр пожала плечами. - Может и правда...

- Ладно... Х-хорька вам в штаны... - оказавшись в меньшинстве, Харману с явной неохотой вернула за пояс топорик; но бубна из рук не выпустила. – Но попомните!.. – Она воздела бубен к небесам и запнулась, видно, подбирая, что бы такого сказать пострашнее, - когда он нас жрать начнет, я-то успею крикнуть, что вы, обе-две – как есть дуры!

Хесса просто кивнула и, повернувшись, стала осматривать неруба; источник света разумной нежити не требовался. Вирр же, чьи умственные способности Харману уже второй раз рискнула подвергнуть сомнению, тоном принца Кель'таса, сулящего предательству хум'аноре скорое возмездие, сурово изрекла:

- Син'дорай готовы заплатить эту цену.

- И че нам с ним делать теперь? – окликнула орчица Хессу, когда молчание (изредка прерываемое негромким бормотанием мертвячки и странными резкими свистящими звуками), немного затянулось, – оно как, ваще, ходить-то или ползать может?

- Нет, - слышался из завала голос мертвячки. - Нужно его покормить. Если вы помните, мы, неживые, быстро восстанавливаемся, если есть достаточно плоти...

- Ты че, с горы скатилась?! – тут же вызверилась орчица. - Где мы тебе охотиться будем? Ночь же почти! темень, как у кодо в...

- Можно, правда, послать Рилля, – неуверенно сказала Охотница, большей частью не желая поддерживать Харману и тихо надеясь, что тигр намерение покуситься на его, Риллеву законную ночную добычу, всерьез не воспримет.

- Зачем? Во имя Света, оставьте несчастного, вечно недоедающего зверя в покое... - раздался шорох, хруст; так и не съеденная нерубом Хесса выбралась наружу, - зачем охотиться? Вон сколько еды вокруг! – и мертвяка указала на трупы вурдалаков.

- Так они ж... дохляки! Ну, неразумные дохляки, - торопливо, не желая вновь обсуждать двойные стандарты в отношении к нежити, поправилась Харману.

- Разве плоть дичи менее мертва, чем плоть этой нежити? – ответила вопросом на вопрос мертвячка. – Давайте, барышни, поступим так: я подтащу к нему павших недругов, а вы сходите за нашими вещами. Да и костер все-таки надо затушить – пожара уж очень не хочется, - она поежилась; не то взаправду, не то нарочито.

- Хорошо, - кивнула Вирр и сделала знак Риллю: *«Будь тут! Охраняй! Я скоро.»*

- А че, пожар... - проворчала орчица, - ежли отсюда огня пока не видать, знать пожара нету.

- Или еще нет, - въедливо заметила Вирр.

- Ты, это, сама б тоже подкормилась, - посоветовала, обернувшись на ходу, орчица мертвячке, - ну, раз и тебе такое сойдет.

- Сперва – нужды увечного! – твердо ответила Хесса.

Когда Вирр с Харману уже немного отошли, орчица задумчиво произнесла:

- Хы, знать бы, как он трупачье-то жевать будет? Зубей, вон, всего два; хотя и знатные...

- Это не зубы, – поправила ее Вирр. - У пауков зубов нет – есть хелицеры...

- Да как ни назови, все одно – *зубищи!*

- ...и питаются они довольно... непривычно на наш вкус.

- Да лан тебе! Че там особенного-то? Не, ну мух, конечно, сама я б не стала, пока не припрет... Слыш, Вирр, ты вот умная, точняк знаешь - а чем вообще пауки, ну, того, жорят? И как они жорят?

- Ты не захочешь это видеть, - невинно предположила эльфийка.

- Да брось!

- Как скажешь, - покорно согласилась Вирр, даже не стараясь скрыть – все одно

темно - довольную коварную улыбку. Мечь за «дуру» удалась: после завершения лекции о питании пауков и нерубов, по меньшей мере, до следующего дня орчице ни голода, ни вообще аппетита испытать не придется.

* * *

Загашенный и возрожденный на новом месте огонь освещал картину, нечастую в Призрачных; хотя, конечно, по отдельности и Отрекшиеся, и син'дорай, и орки – и даже некронерубы - в этих лесах случались. Иное дело, что до сей поры у одного костра всем им собираться не доводилось. Вероятно, поэтому как минимум двоим из этой странной компании было несколько не по себе (Хесса вполне непринужденно ухаживала за нерубом, на глазах заживляющим раны, а как относился к ситуации сам нетрадиционный Отрекшийся, понять было непросто – как оказалось, с привычными для двуногих разумных проявлениями внутреннего мира у некроарахнидов было еще сложнее, чем у Отрекшихся менее экзотичных видов).

- Слышь, подруга, - спросила, не выдержав первой, Харману, - и как ты к нему подходить-то не боишься? Тем паче, аж мордой к морде? Ну не должны пауки быть такими здоровущими! Это ж запить – никакого пропоя не хватит...

- Возможно, ты удивишься, - ровно ответила мертвячка, - но подобные чувства – все, какие возможно, мне довелось испытать разом, увидев свое отражение - вскоре после того, как меня пробудили Гробовщики Ее Величества.

- А вот не скажи, - возразила орчица, - уж не знаю, че ты там тогда увидела, но, ежели то же, шо мы с Вирр, ну, на тебя глядячи - то вот в сравнении прямо тебе скажу: ты еще вполне себе ничё смотришься!

- Что ж, - слегка оскалилась Хесса, - значит то, что мы спасли это существо, определенно было для тебя было бесполезно: ты познала истину об относительности красоты и уродства.

Вирр прыснула.

- Ага, вот все бы вам обеим поржать надо мной, - недовольно проворчала орчица, - вот ведую - страховидло это прочухается, и тоже поржет. А не умеет, так вы научите... О! Слухай, Хесса, а оно вообще – кто? Ну, мужик, или... как?

- Не знаю, - пожала плечами мертвячка. - А это так важно?

- Нет, ну...

- Это может быть не то, и не другое, - заметила Вирр, все это время приглядываясь к нерубу; не столько, правда, чтобы что-то такое разглядеть, сколько чтобы просто привыкнуть – рядом с громадным многоногим чудищем ей до сих пор было откровенно страшновато. Поймав себя на том, что она невольно старается на неруба не смотреть (а поворачиваться к нему спиной и вовсе немислимо), Вирр стала решительно с собой бороться.

- Эт' как? – изумилась орчица.

- Как, например, муравьи и прочие насекомые, живущие сообществом, – пояснила эльфийка, и припомнив занимательный научно-поэтический труд магистра Халифина «Города и Королевства в Дремучих Травах», продолжила: - у муравьев в размножении участвует лишь ничтожная часть муравейника - одна матка и несколько самцов; так же, насколько известно, обстоят дела и у силитидов вашего, Закатного континента; и хотя нерубы, конечно, ничуть не насекомые, а арахниды - паукоподобные...

- А пауки, че, не насекомые? недоверчиво переспросила Харману.

- Конечно, - постаралась не удивляться Вирр подобному невежеству. - Отличить очень легко: у первых восемь лап, у других шесть.

Харману с сомнением покосилась на неруба и, судя по всему, тщательно пересчитала его конечности.

- И поскольку, как я упоминала еще в первый день нашего знакомства, нерубы все же родня силитидам, можно предположить, что с размножением у них обстоит точно также. И хотя за всю историю Королевства наши маги всего несколько раз получали возможность вскры... - Вирр поймала на себе пристальный взгляд Хессы, - гм... изучить мертвых нерубов, то, что все они оказались внешне бесполое, подтверждает предположение.

- В смысле – внешне?

- У муравьев, - терпеливо разъяснила Вирр, - устроено так: если матка гибнет или умирает от старости, следующей королевой муравейника становится некий случайно выбранный муравей – под влиянием особых муравьиных... м-м-м...веществ. Но до той поры этот муравей, подобно прочим воинам и батракам муравейника, явных признаков пола не имеет. Но его внутренняя суть самки, до времени, скрыта в его телесной основе. Понимаешь? Прости, Харману, - искренне огорчилась Вирр, - но еще проще я объяснить не смогу...

- Да не, понимаю... - медленно ответила орчица, - Э! Погоди! Так че, все муравьи – бабы што ли?!

Примечания (в "комментарий к части", увы, не поместилось):

(99) В Азероте помимо гоблинских дирижаблей («тучерезов») в качестве воздушной транспортной сети существуют перелетные станции с дрессированными летающими животными (в случае гоблинов – механическими устройствами). Среди народов Орды у син'дорай в обычае дракондоры, орки и таурены летают на вивернах (хотя правильнее бы этих зверей именовать крылатыми мантикорами), а Отрекшиеся используют летучих мышей – исключительно крупных.

(100) Именно так и сказала Вирр – «с маленькой буквы». С самой зари своей истории кель'дорай (ныне син'дорай), отказавшись от пути друидов в пользу магии и колдовства, относились к природе не так, как эльфы Ночи, а, скажем, несколько более прагматично (хотя и куда более разумно и рационально, нежели люди, гномы и прочие краткоживущие Азерота). После поражения в войне с Плетью это отношение, в силу необходимости восстановить разрушенное и утерянное, равно и обрести новую силу любой ценой, лишь усилилось. Например, до Катастрофы заклятье Иссушение Живого (Mana Tap), позволяющее исторгнуть и поглотить магию из живого или живущего, полагалось неэтичным и практически не использовалось.

Примечание к части

(101) В оригинале - Sungraze Peak. В русскоязычной версии этот топоним переведен как «Пик Солнечного пастбища»; при том, что «graze» в случае существительного означает, на выбор - "царапину", "касание", "клевок", "задевание", "поверхностную рану" – и лишь в случае глагола имеет значение, среди многих прочих, «пасти». С другой стороны, сомнительно, чтобы почитающие Солнце кель'дорай хотя бы в намеке навали высшую гору своих земель «царапающей» или «ранящей» светило.

(102) An'telas, An'owyn, An'daroth; подробнее - <http://wow.gamepedia.com/An'telas>

(103) Gutterspeak в справочниках WOW назван «vulgar form of Common», но логичнее определить этот язык как естественным образом образовавшийся сурджик из языков людей, гномов и эльфов – всех тех народов, из которых ожившая нежить, Отрекшиеся, и происходят. Также логика диктует, что грамматической основой в гуттерспике служит людское наречие – в силу большего числа выходцев из Лордерона среди Отрекшихся.

(104) Vendel'o erapu – «Помоги мне забыть» (талассийск.). Все верно – близкий аналог русско-вульгарному «Дайте мне это развидеть». Только не вульгарный:)

«Интриги и планы», часть первая

Просыпаться, и особенно вставать, не хотелось: ранее утро выдалось не по-летнему сырым и прохладным даже для Призрачных; тем более, что Вирр провела ночь, завернувшись в теплые Риллевы лапы и прижавшись к его горячему брюху (да, у всех Классов свои, *классовые* преимущества).

Вчера, когда все устраивались на ночлег, девочка в заботливых объятиях тигра заснула не сразу: расчесывала его шерсть, нахваливала, рассказывая ему в подробностях, какой он хороший кот (негромко, но вполне слышно для окружающих) и в завершении сего обязательного к исполнению для каждого, имеющего Спутником кота, ритуала (а по велению души, или из чувства долга - не суть; коты оценят), Вирр попросила его «побыть на страже» и за новым членом отряда «приглядеть» (но это уже нашептывав в подергивающееся мохнатое ухо).

На просьбу Спутницы тигр со всем пониманием уркнул: хотя, как ранее Вирр совершенно верно подметила, врага в многоногом чудище Рилль не чуял, однако относился к нему подозрительно и с недоверием; и дело ничуть не в «мертвой сути» нежити – просто котам сомнителен любой хищник крупнее самих котов. А то, что паукообразный *отрёк*, будь он хоть трижды разумен, никто иной, как именно *хищник*, было понятно с первого взгляда не то что тигру, но даже наивным двуногим.

И Рилль (принеся вероятную ночную добавку в жертву общественной безопасности и спокойствию) честно бдил, проиграв всю ночь в с нерубом в освященную кошачьим обычаем игру в *гляделки с прищуром*, невзирая на то, что соперник определенно жульничал: все-таки, четыре пары глаз, пусть и к прищуру неспособных, против одной – необоснованное и нечестное преимущество.

Вирр потянулась и кивнула Хессе (и она, и другой Отрекшийся, разумеется, спать не ложились), а немного подумав – и нерубу; поймет или нет – кто его знает, но хотя бы мертвячка небрежением к собрату не огорчится. Так и вышло: паукообразный невнятно уставился на девочку, а благодарная Хесса определенно расцвела.

Проявив должные манеры, эльфийка направилась к роднику, по пути обогнув все еще сладко похрапывающую орчицу (Харману недавно по своему почину растолковала, что ее склонность хорошенько «придавить» - ни в коем случае не лень, а обыкновение Шаманов – «с духами толковать, во»). Краем глаза Вирр заметила – неруб сопровождал ее, если так можно выразиться, *взглядом*, с сухим шелестом поворачивая голову. Девочка припомнила, что глаза пауков - даже крупных, имеющие довольно непростое строение – всегда неподвижны; а затем, уже покидая стоянку, задумалась над странной, но интересной мыслью: как это – смотреть на мир сразу в восемь глаз. И какой эти глаза видят ее, Вирр? И кажется ли она многоногую некроарахниду столь же чудовищно непривычной, если не уродливой – как и все прочие эльфоподобные разумные? Для определенного ответа не хватало знаний.

Умывшись, расчесав волосы (благо оставленный привал скрылся за деревьями) и затянув хвост, она посмотрела на полночь: за редеющими по мере спуска к речушке(105) деревьями были хорошо видны изначально рубиновые, а ныне поседевшие от непогоды купола «Золотистой Дымки».

Издали, на грани слышимости, доносился шелест водопада, более высокого из двух - близ Ан'дарота, выше по течению. Пока еще основная часть относительно юной, по меркам истории Мира, речной протоки была неглубока, а ближе к морю и вовсе сходила за горный ручей (если не шириной, то уж глубиной – определённо). На этом основании землеописатели-син'дорай небольшой кусочек Чернолесья полноправной *частью суши*, со

всех сторон окруженной водой не считали (106). Но если когда-нибудь - через тысячу-другую лет – Золотистая сточит уступы водопадов и углубит нетвердое русло, местность вокруг третьего детского городка превратится в настоящий остров посреди речной дельты. Вирр подумалось, что следующие поколения юных син'дорай «Дымки» станут, к зависти двух прочих городков, с гордостью именовать себя *всамделишными островитянами*.

Вирр поискала глазами крышу полуденного Дома Младших и хихикнула, вспоминая: Айиэнь рассказывала в беседке подругам, как некий мальчишка из «Дымки» (ясное дело, ее кавалер!) *чудесным случаем обрел* руководство по демонологии для Старших Учеников и (разумеется!) поделившись добычей с приятелем-варлоком, подбил того на вызов сущности не по уровню знаний – демона Пустоты (на школьном наречии - *Чернильника*). Приятели забрались на чердак своего Дома, по книжке, тщательно - циркулями и транспортирами - начертили Круг Призыва, но были *застуканы* буквально за мгновение до ответа с Той Стороны своим Учителем, подобную инициативу и героически-преждевременную тягу к экспериментам, мягко говоря, не вполне одобрявшим.

Собираясь обратно, Вирр не удержалась и бросила последний взгляд на опустевшие здания; она не просто верила, но знала: обязательно настанет лето, когда во всех трех городках будут вновь жить, учиться и играть дети син'дорай - сколько бы голов ни оказалось у Предателя.

* * *

Как оказалось, Вирр ждали и с нетерпением – намечался *отрядный совет*, как в старые добрые времена Королевства.

Как ни странно, предмет совещания оказалось не традиционно-утреннее, уже привычное, харманушное «а че у нас есть на предмет пожрать»; и даже не вполне ожидаемая просьба Хессы устроить охоту в помощь недужным. Мертвячка предлагала забыть о так и не добытых мурлочьих позвонках, ибо полагала, что нашла способ для Вирр беспрепятственно покинуть Призрачные; или, вернее, убедить провизора Рензитена в этом деле помочь. А еще точнее, как со своеобычной скромностью уточнила мертвячка, *способ отыскался сам собой* - и она гордо указала на возвышавшегося над ней, «помалкивающего» (то есть, не насвистывающего дыхальцами), но активно вертящего головой некроарахнида.

- Че, предлагаешь его подседлать, - хохотнула орчица, - и – галопом к перевалу, на прорыв?

- Как можно, Харману... - укорила Хесса, и смущенно обернулась на неруба; тот что-то тихо прошелестел.

- Думаешь, троих оно не вынесет? – деловито и как бы совсем серьезно продолжала Шаманка. Хесса с укором покачала головой:

- Хорошо, все-таки, что он тебя не понимает...

- А то ты понимаешь, чего он там свиритит и хреноцерами стрижет... - отворчалась орчица. – А чего ты все «он», да «он»? Вона, Вирр вчерась нас упростила, что «он», мол, к ведухам не ходи - ваще «она»!

Мертвячка, что называется, за словом в сумку не полезла. У Вирр даже мелькнула сомнение – не предвидела ли Хесса подобный вопрос от орчицы, помня ее вчерашнее «упросветное» изумление, а также напористые попытки выяснить ее, мертвячки, пол?

- Все мы трое говорим на языке Вирр, - спокойно, размеренно-педантично, но (как

почудилось Охотнице) не без таимого ехидства начала Хесса, - и коль скоро в высоком талассийском слово «неруб» или «арахрид» согласно правилу присвоения родовых окончаний имен нарицательных...

Харману скривилась, как от треснувшего клыка.

-...и в силу неприменения существующих исключений, подразумевает именно мужской род...

- Все-все, всекла! – взмолилась орчица. - Хвост с ним, пусть кем хошь будет ... Слышь, ты при жизни - то бишь, до смерти - точняк не длинноухой была?!

- Увы, - качнула головой Хесса, - мечта превратиться в эльфа покинула меня в возрасте двенадцати лет.

Харману презрительно фыркнула; Вирр тактично промолчала.

- Что же касается твоего вопроса, - продолжала мертвячка, - понимаю ли я язык собрата своего – увы, нет. По крайней мере, пока.

- Я читала, - осторожно вставила эльфийка, - возможно, народ нерубов между собой общается, по большей части, мысленно. Да и в преданиях о магах древности – тех, которые, добываясь от колдунов-арахридов знаний, настояли на сотрудничестве – тоже сказано: те маги не торопились постичь их жестовую часть языка (ибо воспроизвести звуки их дыхалец обычному Разумному все одно не под силу), а вступали с нерубами в Связь Разумов. Не рискну, правда, судить, до которой степени это верно, - добавила она.

- Обрадую тебя, - оскалилась нежить, - до определенной степени - верно в любом случае. Чувства нашего нового друга («Э-э-э... Друга-а?», - с сомнением протянула Харману) и их оттенки мне удавалось приблизительно понимать – как меж порядочными Отрекшимися принято - уже вчера. И пока живые спали, мертвые старались научиться понимать друг друга лучше. В чем немного преуспели. До полноценной Связи, конечно, не дошло, – явно смутилась Хесса, - тут нужен настоящий Маг Аркана, а не позабывшая все что возможно свежеподнятая, бесполезная нежить...

- Дык, хоть как звать не забыла! - утешила Харману.

- «Хесса» - не мое подлинное имя. – пояснила мертвячка. - Надо же было как-то вам представляться... Так о чем я? Мы всю ночь пытались обмениваться если не мыслями, то... вероятно, это стоит назвать образами.

- Кем-чем вы там менялись? – переспросила орчица.

- Картинками, – уточнила Хесса. - Мысленными.

- А-а...

- И получалось? – заинтересованно подалась вперед Вирр.

Мертвячка помедлила, обернувшись на неруба.

- Отчасти. Хотя *мы*, - не без гордости сказала она, - старались. Не могу сказать, как и что увидел *наш друг*, - она значительно посмотрела на Харману, - но мне, по первости, было непросто понять, что я вижу, и вижу ли взаправду то, что понимаю.

- А покорооче? Так чтоб вообще? - надавила орчица.

- А вообще, как и предполагалось – это существо было частью Плети; как и первые из нас. Когда *пробудилось*, видимо, пыталось понять, где оказалось, хотело уйти. Какой-то странный - наверное, город... высокая стена... причудливые строения, похожие на пирамиды... много непонятных вещей... И много злой нежити. Где-то там, - Хесса неуверенно показала на полдень.

- Где-то там -, задумчиво произнесла Вирр, - оплот Предавшего. Но все должно выглядеть иначе: до войны там располагались, скажем так, научные мастерские. Если только за эти годы слуги Ненавистного все не перестроили...

- Возможно. Потом за ним гнались, преследовали. Пытались убить и если бы не мы....

Но мы его спасли, - подчеркнуто скромно сказала мертвячка. Затем добавила печально: - И он хочет домой.

- Да где ж его дом-то? – пробормотала Харману.

- Непонятно, – огорченно сказала нежить. – Он пробовал показать, но... Снега. Льды. Пещеры... нет, города! Множество подземных городов, где тысячи таких как он...

- Это Нордскол, - сказала эльфийка. - Далеко на полночь, – пояснила она и покачала головой. - Очень далеко.

- ...а может быть, там никого уже и нет, - сокрушенно продолжала Хесса. – Он показал мне битвы, сражения... множество смертей. Его народ тоже сражался с Плетью. И мертвые нерубы, как и наши павшие, становились ее частью.

- Вернуться домой, говоришь... Его могут не принять, - на удивление серьезно сказала Харману.

- Я не могу пока такое ему объяснить, - покачала головой Хесса. – Не получается. Зато, - она радостно оскалилась, - у него получилось показать мне, что он нам *очень* благодарен! И что... - замялась мертвячка, - что он не ожидал подобного от... - она задумалась, подбирая слово. – В общем, от таких, как мы.

- Типа, с руками и ногами? – предположила Харману.

- Вроде того, – не стала спорить Хесса.

- Лан, так че за способ-то? И с чего тут *твой* друг?

Как интригующе поведала мертвячка (ее мечтательная натура настаивала на таинственном шепоте, но недоотросшие голосовые связки предательски душили всю романтику на корню), *обретение неруба* открывало новую возможность. Или две – если удастся нерубу разъяснить, что он находится на пусть и немалом, но полуострове, с которого корабли на его северную родину не ходят; а убедив, подговорить арахнида - укрепив свои силы и численность тремя решительными друзьями - вернуться к Десхольму и найти там или около подземный ход «на ту сторону» - к оплотам Плети в Чумных Землях – к тому же Стратхольму(107) ...

- Да ты че, где мы, а где – Стратхольм этот? – усомнилась орчица.

- Под землей все связано, - убежденно ответила гражданка Подгорода.

- Давайте перейдем к первой возможности, - вкрадчиво сказала Вирр. – Если уж наши Следопыты, армейские и шала'зарам до сих пор не то что не отбили Десхольм, но даже не вполне представляют, что в нем происходит... (*Если, конечно, нам говорят правду*, подумала она про себя) Поверь, Хесса, нам там - что с нерубом, что без – делать нечего. Если ты помнишь, он и сам оттуда едва ушел.

- Жаль, - опечалилась нежить, - было бы захватывающе интересно... А первая простая – я вернусь и снова пойду к мэтру Рензитену...

- И он тебя сожрет – за недобытые позвонки, – подытожила, не дожидаясь подробностей Шаманка.

- Многоуважаемый провизор Рензитен, - ухмыльнувшись, ответила мертвячка, - про позвонки и не вспомнит. В свете такой-то новости, - и она нежно погладила лапу неруба – правую переднюю опорную.

- Да ла-а-дно? – прищурилась орчица. – Не, ну страховидло знатное, кто бы спорил. Ну станет твой Рензитен свою челюсть ловить и на место прикладывать, не вопрос. Но вот с какого ему в эту честь все бросать и нам помогать? Или у вас че там - кто новичка обратил и в стойло припер, тому великий почет, уважуха без края и кормежка на месяц за так?

- Погоди, Харману, - вмешалась Вирр, - а ведь она права... Баланс сил.

- Че?

- Все верно, - кивнула Хесса эльфийке, - даже один неруб-Отрекшийся – это очень важно; и значимо - пусть и лишь для науки. А если таких будет больше? Насколько сильнее станут армии Орды?

И не запнулась даже, невольно восхитилась Вирр, перед Ордой-то. Или и вправду не только о своем народе думает?

Харману, обзрев - как в первый раз - нерубовы *хреноцеры* и прочие стати, нервно потребила свой чуб.

- Хесса, у меня только один, последний вопрос, - сказала Охотница, - а если Рензитен, выразив вполне искреннюю благодарность, отправит неруба в Подгород, а тебя – обратно к мурлокам? А мне с Харману и вовсе присоветует удалиться? Как ты его убедишь, что должна непременно остаться при... своем друге? И, сверх прочего, что должны остаться мы?

- А вот в этом, - сверкнула зубами мертвячка, - положитесь на меня!

Эльфийка и орчица молча переглянулись.

- Лан, порешили, - хлопнула по колену Харману, - топаем? Если нерубище согласно, чего уж...

- Только прежде придумаем, как нам его называть, - предложила Вирр. – «Он», «неруб», «страховидло» - как-то невежливо, пусть он и не понимает. Не подобает. Раз он теперь в отряде, а настоящее имя никак не спросишь...

- Во! – оживилась орчица. – Давайте «Зубастиком»!

- Кем? – растерянно переспросила Вирр.

- Ну, или «Пушистиком»! Не, ну а че вы кривитесь, у меня так двух волчат звали...

- Харману, - укоризненно поглядела на орчицу мертвячка, - наш друг, все-таки, не домашняя зверушка...

- Какие еще зверушки – то ж *зверюги*! Ты бы их чавки видела! Клычищи-то – во! Лапы – во! Ну, и все остальное тоже, знаешь - не маленькое. Хотя, - она покосилась на неруба, - ежли со всем этим богатством сравнить...

- По мне, так было бы уместнее... - начала свою отповедь Вирр.

- Барышни, барышни, - примирительно прервала закипающий спор Хесса, - к сожалению, у нашего друга уже есть имя – со вчерашней ночи. И его вполне можно произнести.

- И какое? – удивленно проговорила орчица.

- Мне показалось, что раз подобные существа и правда...

- Да не тяни ты скорпа за хвост! – не утерпела Харману. – Имя, подруга, имя?!

- *Дороти*, - ласково поглядывая на неруба, сказала мертвячка.

Примечание к части

(105) Золотистая - узкий и ближе к устью мелкий рукав Элрендара.

(106) Ничего странного – в любом мире найдутся ученые, которые на основании нескольких фактов (сомнительных для сторонних от конкретной науки лиц), решат, например, что планета Плутон больше планетой не является. Посему последствия научного труда «О непричислении рек, прерываемых водопадами, к подлинным водяным преградам» не должны вызывать у читателя излишнего чувства противоречия.

(107) О Стратхольме и около него - <http://www.diary.ru/~flametiger/p102792680.htm> (альтернативный источник)

«Интриги и планы», часть вторая

Уже знакомая дорога - обратно к Транквиллиону – казалась всем (по крайней мере, эльфоподобной части отряда) привычной и неопасной, тем более, что пришлось идти не скрадом через лес, а прямо по дороге: при нужде Дороти – ростом с двух взрослых син'дорай и в полторы-две повозки промеж опорных лап – конечно, смогла бы продраться и сквозь деревья с подлеском, но исключительно со скоростью посольского экипажа, торжественно въезжающего на Площадь Солнца(108), и с таким шумом, что для полноты картины отряду не помешали бы фанфары, почетная свита и Регент, встречающий *лично*. После первой же пробы двуногие спешно (и на удивление единодушно) решили, что путешествовать стоит скромнее и лучше всего по торному пути; а паукообразной было явно все равно.

На проложенный еще до Тролльских войн тракт Вирр согласилась скрепя сердце и не без терзаний, хотя и понимала – треща кустарником и кособооча неудачно попавшиеся по пути стволы, привлечь внимание будет куда проще. И не так страшны патрули Стражи: если вурдалаки преследовали неруба не только в силу инстинкта, но и по конкретному приказу (вполне понятно, кем отданному), то упокоенная прошлым вечером стая могла быть не последней. И не единственной. Спокойствия ради (и для твердой уверенности в том, что использовала все возможности) Вирр держалась ближе к обочине, чтобы при первом же несчастливом случае нырнуть в лес. Про себя надеясь, что мирно шествующий (по дороге!) некроарахнид в довольно необычной для себя компании привлечет внимание любого Следопыта или Стража еще издали и куда вернее, чем заурядная девочка-син'дорай.

Последней ее заботой оставался тигр, слишком приметный как для этих мест, так и для всего Кель'Таласа, но Рилль и так уже мелькал меж деревьев то справа, то слева – идти по дороге он отказался сразу и наотрез; в лесу было не так скучно. А болтовни он и на привале наслушался.

* * *

- Слышь, укротительница нерубов, а че мы сорвались-то - как тушкан наскипидаренный? – орчица была явно огорчена отменой мурлочьей охоты.

- Поясни, пожалуйста.

- Дык, - удивилась Харману лишнему на свой взгляд вопросу, - ясно же: коли больше полпути к берегу протопали – на кой сразу взад, ежли всего один... ну, *чакрым*(109) остался?

- Чем быстрее мы покинем эти земли, тем лучше, - охотно поведала мертвячка, с орочьими мерами не знакомая, но сообразив по смыслу. – Или ты забыла, что Вирр скрывается?

- Да не... - немного неуверенно ответила Шаманка, - но не попались же пока...

Эльфийка, мысленно благодаря Хессу за заботу, неожиданно задумалась - а действительно ли ее ищут? План побега и поиска Книги был рассчитан, скорее, на быстроту и натиск, нежели на невозможность, ее, Вирр, отыскать в Призрачных землях. Ну хорошо - озабоченная Кориаль определенно сообщила о пропаже; дознаватели уже перетрясли Школу, допросили группу и, несомненно, знают, куда и, как сказала бы Харману, *на кой* Охотница-недоучка направилась. Ладно, Заклятье Поиска в классическом исполнении дает немалый разброс; а то, что беглянка в местных лесах, и

без того известно. Но минуло (девочка посчитала) уже *целых* пять дней; очередной циркуляр Приграничной Страже - с именем, описанием и должным предписанием – и на мироцвете не гадай - прочтен, изучен и к сведению принят. Оповещены Следопыты... С другой стороны, прочесывать Призрачные что порознь, что (как пишут некоторые юные, начинающие и подражающие древним образцам драматурги) *силами тяжкими*, ни Стража, ни Закатные Странники, конечно, не станут – им есть чем тут заняться и помимо нарочитых поисков неблагодарных дочерей и глупых Учениц; вот если наткнутся случаем – от нежити спасут, истощенную накормят, носик утрут и куда надо, доставят. По всему выходило: то, что она, Виеринраэ Солнечный Блик, идет себе по дороге из полупрозрачной серо-зеленой плитки, и никто до сей поры ее не ловил и не ловит (помимо нежити Плети) - логично, нормально и обосновано (хотя это вовсе не повод разгуливать по Транквиллу или пытаться *внахалку* пересечь границу через Талассийские Врата). Но, невзирая на логику и убедительный расклад, девочке было беспокойно; что-то шло явно не так - пускай и к добру. Нет, Хесса права: чем быстрее они пересекут Перевал – хоть с Дороти, хоть на ней – тем лучше. Остались сущие пустяки - уговорить Дороти...

- Хесса, - продолжила тем временем ленивые расспросы орчица; путешествие не через глухую чащу, а по доброй дороге (по орочьей мерке, с излишним удобством), явно настроило Харману на легкомысленный лад, - а как ты с ним... ну, то бишь с ней договорилась – насчет Подгорода?

Точно с губ сняла, подумала Вирр.

- Вот ни хвоста не верю, - продолжала гнуть Шаманка, - што картинками так можно!

- Положим, - возразила мертвячка, - картинками можно не все, но многое. Главное – иметь хорошее воображение... у тебя ведь есть воображение?

Вирр ожидала от орчицы чего-нибудь нарочито-серьезное в ее неподражаемом *варварском* стиле (например, «не знаю, знахари пользовали - не нашли»), но Харману ограничилась коротким «Ну, есть»: видимо ей было слишком интересно, чтобы дурачиться и затягивать Хессины объяснения.

- Вот и рисуешь... представляешь в голове: например, вот, ты идешь с Дороти по лесу; вот ты смотришь на Призрачные с высоты птичьего полета, даже выше – куда орел не залетал... представляешь?

- Ага...

- Потом ты додумываешь, как ты с Дороти идешь по дороге, куда-то на юг; и солнце скользит по небосклону, не раз и не два - так ты представляешь время...

- А потом?

- А уже потом я вообразила ей место, куда мы придем – город, в котором вся разумная нежить, из какого бы она народа и вида не вышла, может жить в мире; где не надо бояться ненависти живых, где у каждого есть дом, просторная келья или пещера, и подходящее занятие по душе; и где любой оживший может постигать те знания и ремесла, к которым имеет склонность... И такое место существует, это – Подгород! - восторженно закончила Хесса.

- Эх-х!.. – выдохнула, заслушавшись и невольно поддавшись вдохновению мертвячки, орчица. - Красиво по-ё-ошь... Я б пошла! – решительно сказала она.

- Вот и Дороти не упрябилась...

- А трактиры – ну, с дорожки хлебнуть; всякий там, понимаешь, по мелочи, *жрат* – у вас есть?

- Есть, - убежденно кивнула мертвячка. – В Подгороде все есть. Там даже живые встречаются, так что вы с Вирр не волнуйтесь – не съедят, - добавила она, дружески

оскалившись.

- Ну а вот все-таки, – вдруг спросила Харману, - вот как ты Рензитена умнёшь, чтоб с нерубицей отправил?

- Пусть это будет сюрпризом! – напустила таинственности Хесса. - Говорю же – оставьте волнения и положитесь на меня.

Вот это-то меня и пугает, мрачно подумала Вирр. Во имя Белоре! И это меня наставники и Учитель называли излишне мечтательной?!

Но сомневаться вслух казалось неподобающим.

- Ну-ну, - недоверчиво бросила орчица. Затем, помолчав немного, заметила: - А все-таки жаль, что мурлоچه не погоняли! У Зацепы ввали, что будто у них, где ни живут, завсегда жемчуга навалом. Да и всякое натыренное или где подобранное нередко бывает...

- Ой, уже который день забываю спросить, да к случаю не приходится, - оживилась Хесса. –Мурлоки, они – разумные?

На пару мгновений воцарилось неловкое молчание – только звуки шагов да клацанье нерубьих сочленений.

- Э-э-э, ты Вирр спроси – она умная! – нашлась Харману.

Вирр, косым многообещающим прищуром «поблагодарив» орчицу, быстро и отчаянно стала соображать, как не солгать товарищу по отряду, но и от прямой правды уклониться; отвечать стоило быстро, удачных идей не было и эльфийка уже с обреченной тоской представляла огорченную, опечаленную, а то и вовсе плачущую навзрыд Хессу.

Спас Охотницу, как Спутнику и положено, героический Рилль; откуда-то сбоку раздался треск кустов – все, даже Дороти, дернулись – и на дорогу, прямо перед идущей впереди мертвячкой с приглушенным «бух» на передние лапы приземлился тигр, держа в пасти слабо подергивающего толстого прядильщика. Вопросы этики, как и мурлоки, были эльфоподобной частью команды тут же забыты: все трое замерли, точно вкопанные, и разом - с нехорошими ожиданиями - посмотрели на Дороти. Но, похоже, нерубы – подобно эльфам и оркам и в отличие от людей - нечего не видели плохого или странного в том, чтобы съесть кого-то, в той или иной степени напоминающего себя; Дороти, скорее, занимал сам тигр и его прыжки, чем тигриная - и чья либо вообще - диета.

Двуногие облегченно выдохнули. Как показалось Вирр, даже Хесса.

- Нам бы стоило поохотиться по пути, - озаботилась закреплением новой, менее острой темы эльфийка, как бы невзначай, - провизии теперь потребуется... побольше прежнего, – она кивнула на неруба. – Тут как раз дичь относительно непуганая, - добавила она, принимая у Рилля добычу; Харману ухватила паука за свободные лапы – так и понесли.

- Не стоит беспокойства, - вежливо ответила мертвячка, - Отрекшимся плоть нужна реже, чем еда живым; если только нам не нужно заживлять повреждения. Или восстанавливаться после *поднятия*. Раны Дороти залечила, а отращивать ей, как мне кажется, и вовсе нечего, - Хесса, не сбавляя шага, ласково коснулась неруба, - она у нас красавица!

Красавица что-то прошелестела и пару раз щелкнула хелицерами в ответ.

- А тебе, ну, поесть? – спустя некоторое время спросила Харману.

- Пока не нужно. – ответила Хесса.

- А... э-э... зарастить чего? - деликатно обозначила орчица.

- Все главное уже есть, остальное со временем приложится, - спокойно ответила мертвячка.

Скромность разумной нежити, чуть ли не по-рыцарски самоотверженной, заставила Вирр вспомнить об одной непростой дилемме – предмете усердных размышлений, не дающих покоя девочке уже который день. Открыть ли Хессе тайну Вэлли? С одной стороны, таить истинные цели путешествия от той, которая заботится об его успешности и благе прочих членов отряда, как о себе самой – нехорошо и недостойно; рано или поздно правда откроется и хотя (Вирр была в этом уверена) мертвячка не скажет ни слова обиды или осуждения, той же Вирр будет очень неудобно (а что на сей счет подумает и почувствует Харману, не суть важно; в таких материях варвары не в счет). С другой стороны – это тайна Вэлли. И решать, по правде говоря, лучше бы ей самой. С третьей стороны, Вэлли доверилась и Вирр, и Харману, и *должна* была понимать, что в пути именно им решать, кого в тайну придется неизбежно посвятить (например, уговорить некоего Мага или Варлока отправиться в дальний путь, не объясняя причин вовсе, будет, мягко скажем, трудновато). С *совсем другой* стороны - что там Полтораух говорил о *слишком удобных и совершенно случайных* попутчиках? Отвратительно! (Девочка пнула с досады упавшую на дорогу ветку.) Но и такую возможность она, Вирр – старшая отряда - рассмотреть обязана: как неустанно твердили наставники, в вопросе выживания группы нет запретных или недостойных тем (если конечно, дело не касается своих же син'дорай). Да нет, что за глупости... подосланная Хесса – сюжет для школьной постановки «Смерть друида-лазутчика из Дарнасса(110)» силами Учеников начальной ступени; хотел бы изувер-маг (если он, конечно, пережил Вторжение) сохранить тайну – не оставил бы в живых Вэлли; а если следил бы за ней (например, в силу любопытства), то и Вирр, и Харману были бы давно уже мертвы, если не хуже. Ладно... Говорил же безымянный, в нарушение приличий так и не представившийся наставник - с глазами, точно у болотного удава в довоенном Королевском Нетварном Саду(111) - читавший предмет под невыразительным на первый взгляд названием «Как смотреть и видеть» (предмет, единственный в школьном курсе, не имеющий ни учебников, ни пособий), *если не знаете, кто на подозрении – исходите из того, что засланный лазутчик все же есть; и о вашей задаче в общих чертах ему известно. Проявите доверие – не скрывайте общее, но умолчите о важном, затаитесь и наблюдайте...* Помните: цена победы – постоянная бдительность. Значит, как ни крути, а рассказать придется – и во имя бдительности, будь она неладна, и справедливости ради. Правильнее бы сперва посоветоваться с Харману (раз уж они разделили ответственность на пару), но не отзывать же ее пошептаться на глазах у мертвячки?

- Хесса, - позвала, решившись, Вирр.
- Да? – безмятежно отозвалась мертвячка.
- Мы не все тебе сказали о... о наших планах.

Хесса молчала. Харману скорчила гримасу, но, скорее, одобрительную и шепотом (громким, в мертвячкином стиле) подбодрила Вирр: - Во, валяй! Я-то сама все кумекала, да не решалась! А то не дело это...

- Мы говорили тебе, что ищем Мага или Варлока, искусных в душервании. И, верно, стоит тебе рассказать, зачем...

Мертвячка безмолвствовала; она шла впереди Вирр, и девочка не могла видеть ее лица, а если бы и видела – много ли поймешь по его выражению, сердита, огорчена или...

- Хесса... - окликнула ее Охотница еще раз.
- Говори, Вирр, - обернулась на ходу мертвячка, - я молчу, потому что тебя слушаю.

* * *

Случилось то, чего Вирр и опасалась: Хесса расстроилась, однако, по совершенно иной причине.

- Бедная девочка, - покачала головой нежить, когда Охотница закончила свой невеселый рассказ, украшенный цветистыми и емкими орочьими пояснениями. – Она ведь совсем юная была по вашему счету, да? И к тому же эльф – как же ей тяжело, наверное...

- И ты понимаешь, - уточнила Вирр, - отчего об этом никто не должен знать? Особенно... - она замялась, - лица ответственные и облеченные властью?

- Да, - невесело ответила мертвячка, - ты уже прости, но Бессмертные всегда были довольно прагматичны.

- Хесса, - обращать внимание на предвзятость бывшей хум'аноре у Вирр сейчас не было желаний, - не только мои, но и твои правители, ты это понимаешь? Во всей Орде, и уж, тем более, в Альянсе - сколько бы их ни было!

- Ты права, - подумав, кивнула мертвячка, - я должна перед тобой извиниться: если по совести сказать, то все короли и их правительства таковы – «и те, кто правят с колыбели до могилы...»

- «...и кто корону носит долгие века!» - подхватила, улыбнувшись Вирр.

- Ой-и, - Хесса восхищенно хлопнула в ладоши, - ты тоже любишь баллады Франсуа Корбье, Фрэнки-Стихоплета?! А мне казалось, поэты Гилнеаса тебе не по душе...

Вирр задумалась, как разъяснить поточнее. Как-то лет восемь назад, в городской библиотеке, она (уделив отведенное самой себе время на чтения *по делу и Заговору*), искала что-нибудь почитать для настроения. На полках «Сочинения народов сопредельных», в самом дальнем углу, Вирр выбрала томик относительно современной любовной поэзии Королевства Гилнеас (на вид подозрительно нечитанный). Хранитель, заносивший взятую девочкой книгу в монументальную *мемору*, отнесся к ее выбору с некоторым сомнением, но оставил его при себе – явные и прямые запреты в поисках любого знания, как несовместимые с заветами Основателей, в народе Высших никогда не одобрялись. К тому же - старый добрый Амарод, заслуженный Страж Книжных Покоев, помнивший маланорэ не только отца Вирр, но и ее куда более старших предков (и, хвала Белоре, избегнувший когтей Плети в *тот* год), был мудр и хорошо понимал простую и банальную истину, для изрядного числа родителей, увы, непостижимую – *запретный свиток краше прочих*. Когда на следующий день Вирр, тщетно тая разочарование, возвращала томик, Амарод уже откровенно посмеивался, советуя запомнить, что «не все диковинки одинаково прекрасны». Тайна незатрепанности сокровищницы стихосложения одного из былых союзников прояснилась еще с первых страниц (хотя Вирр упрямо дочитала до последних, штурмуя иноземный слог с мрачной решимостью воздающей троллям Аллерии) - помимо прозрачных, как небо над Вечной Песней и (как в таких случаях тактично говорили в Школе) *невзначай одолженных* у творчества Старших народов давно устаревших клише и трюизмов, стихи не радовали и общим содержанием: в своих мечтах и стремлениях современные поэты хум'аноре были, на требовательный взгляд Вирр, откровенно приземлённы, а в страстных вожделениях к своим возлюбленным не поднимались выше того, что - если судить по записям и зарисовкам этнографов и дипломатов - у их барышень можно увидеть и в их скучной хум'анорской обыденности. И ладно бы их ум воспевали... Неудивительно, что проклятье обортничества постигло именно Гилнеас - от такой поэзии и без полнолуния волком взвоешь!

- Скажем так, - наконец ответила Вирр, - люблю, но более раннюю. Точнее, говоря по-

вашему – поэзию более древнюю.

- А что тебе еще нравится из Фрэнки?

Харману, до сих пор не участвуя в разговоре, громко фыркнула – определенно в подражание Риллю, и ехидно-страдальчески посетовала на еще одну книжницу на ее несчастную шаманскую голову. Вирр с Хессой переглянулись (у мертвячки вспыхнул в глазах озорной огонек) и, не сговариваясь, хором запели:

*У венценосца – запах особый!
Пахнет король недоверьем и злобой,
Ядом смердит он и гильотиной
Благоухает тройной десятиной...*

- Опя-ять нудя-я-тина, - простонала орчица, нарочито сникнув и волоча ноги, точно вот только что пересекла все пустыни Танариса(112) без воды и без провизии. Дороти же, почуяв в непонятном ей шуме ритм, стала совершать левой хватательной конечностью некие непонятные, но явно тоже ритмичные движения.

- Во, Вирр, - перестав «умирать», взбодрилась орчица, дождавшись последнего куплета – А че эт' ты такое тут поешь? Это ж, небось, и про вашего короля, ну, последнего, доблестно павшего, сказано, не?

- А какое отношение стихи Франсуа имеют к Анастериану Справедливому - да будет его возрождение скорым? – удивленно переспросила Вирр, - это же про королей хум'аноре.

Примечание к части

(108) Court of the Sun – центральная площадь Столицы, на краю которой и расположен Дворец Ярости Солнца (см. 88). Эльфы – какие ни есть и в каком угодно мире – вообще склонны к некоторому отсутствию фантазии в выборе топонимов (а также агоронимов и годонимов); особенно в ранние периоды своей истории - вполне вероятно, что во времена основания Элунарана главная площадь называлась просто _Площадью_, река, разделяющая полуостров – просто _Рекой_, а Кель'Талас, Земля Высших – просто _нашей Землей_. Посему, Площадь Солнца – это еще вполне себе изысканный и не без фантазии агороним;

(109) Чакрым - пространственно-временная мера расстояния тюркских народов, учитывающая условия (усилия, которые надо совершить, чтобы преодолеть определенное расстояние) передвижения: «чакрым» в горах короче, чем на равнине. (Селиверстов Ю. П., Бобков А. А., «Землеведение: Учеб. пособие для студ. вузов», 2004)

(110) Darnassus – современная столица Ночных Эльфов на острове Тедрассиль у северо-западного побережья Калимдора.

(111) «Нетварный» - не в смысле «не содержащий тварей», а как раз «содержащий не творенное Разумными, но созданное природой»; нужно помнить, что в повсеместно магической культуре кель'дорай именно искусственно созданное или магически-сотворенное как раз и почиталось _естественным_.

(112) Tanaris, или Tanaris Desert – область пустынь в южной части Калимдора;

«Она без нас никуда!»

Едва путешественницы вновь пересекли Тропу Плети - никого, на сей раз, на ней не встретив (что слегка огорчило орчицу; та уже предвкушала небольшую победоносную эпическую битву с *обычным числом* натропинных вурдалаков спиной к спине... то есть, ее *спиной* к тому, «че там есть у нерубов»), Хесса предложила встать лагерем там, где она с девочками и познакомилась. Разумная нежить обосновала это тем, что и место уже привычное, и «у нас все знают, что я здесь часто бываю, да и Рензитен знает, мне проще его сюда выманить». Но, возможно, мертвячке было просто жаль обжитой ложбинки и любимых чурбачков.

Раздав вежливые, но однозначно-твердые указания («будьте, пожалуйста, тут; никуда не уходите; и позаботьтесь о Дороти – она любит, когда с ней общаются!»), Хесса отправилась в город *уминать* почтенного Рензитена, напоследок убедив Вирр излишне не беспокоиться («со мной будет только мэтр, а он и так о тебе знает, все будет в порядке»). Рилль, переведавшись взглядом со Спутницей (и печально обозрев ранее добытого паука), отправился в окрестности - по выражению орчицы, *круги нарезать*.

Охотница и Шаманка, некоторое время прислушивались к удаляющемуся треску и шороху, а потом неуверенно посмотрели на неруба.

Дороти посмотрела в ответ, склонила голову и чем-то прошуршала.

- А пауки ваще - чем слышат? – негромко спросила Харману. – Ухи-то, вона – как кодо слизал!

Вирр пожала плечами:

- Обычные или маленькие – особыми волосками на лапах...

- А не маленькие?

- Про таких – не знаю... Но чем-то же она слышит.

- Тогда че, - деловито подытожила орчица, - попробуем... этими... рисунками-картинками?

- Я бы с этим подождала нашу искусницу, - с улыбкой, но вполне всерьез ответила Вирр. – Помнишь ведь – Хесса говорила, что хоть между Отрекшимися и есть определенное сродство, сама она приспособилась к мыслеобщению с Дороти – пусть и всего лишь образами – более чем не сразу.

- И че?

- И то, что не торопись. А то с неумения напредставляешь чего неподобающего – или тебе самой покажется, что Дороти что-то там исконно-орочье подвергла сомнению - разнимай вас потом...

Харману с сомнением покосилась на нерубицу: видимо, воображаемая потасовка с ней орчицу вдохновила куда меньше, чем случившаяся третьего для «учебка» с Вирр.

- Дело говоришь, - твердо сказала Шаманка, - нехорошо подругу обижать. Подождем Хессу.

Они помолчали, думая о своем.

Вирр неторопливо размышляла, как отыгаться за харманушное негодяйство насчет разума мурлоков - традиционно-изысканные школьные способы (заколдовать рабочее стило или подбросить в игре в «четыре строчки» неудобную рифму) явно не годились; а чего-то более серьезного орчица явно не заслужила. Не измыслив должного возмездия, девочка сочла, что решение придет само – со временем. Как учит мудрость син'дорай, с соразмерной мезтью не торопят.

Не вполне доверяя мнению мертвячки о потребностях Отрекшихся таких внушительных размеров, Вирр, подумав, решила все же предложить Дороти паучатины –

приподняла тушку прядильщика и положила перед нерубом; Харману что-то одобрительно буркнула. К их удивлению, Дороти, склонившись над тигриной добычей, осторожно отодвинула ее передней верхней лапой обратно к Вирр, и – глядя на девочек, «заговорила», сопровождая свои множественные шелесты и посвистывания сложными, плавными и осторожными движениями, каких еще от нее не видели – над прядильщиком и в сторону двуногих. Вирр неожиданно представилось, что, наверное, именно так ее предки-кель'дорай семь тысячелетий назад при встрече с дикими еще племенами континента преувеличенно медленно и четко выговаривали слова, пытаясь хоть что-то втолковать несчастным дикарям.

- Благодарю, - просто ответила она, обозначив поклон (орчица, на удивление, ни фыркать, ни хихикать не стала), - но мы тоже пока не голодны.

С чего-то же надо начинать общение, подумала эльфийка. *Не хорошо же совсем не отвечать*. На мгновение ей показалось, что она видит вроде как всех троих со стороны; затем, как по небу – со скоростью *наскипидаренного* тушканчика – проносится несколько раз Белоре; и потом – как хелицеры вонзаются во что-то (или в кого-то?); но все это, если и не было игрой воображения, промелькнуло столь быстро и мимолетно, что Вирр не решилась рассказать об этом орчице.

- Слышь, - поощряюще заметила Харману, - а ты, потопчи тебя талбук, вперед меня к нашей «красавице» притерпелась. Не, - быстро уточнила она, - ты тока не думай, что я ее боюсь – просто... ну...

- Все очень просто, - пришла ей на помощь Вирр, - я с детства интересовалась всем живым; да и в Школе Охотников изучают, по возможности, всех существ. Очень разных.

- И че? Я, знаешь, тоже не в дупле всю жизнь просидела. В замурованном.

- А то, что, по уму, нет большой разницы – смотришь ты на паука, увеличенного заклятьем Развернутой Проекции, или просто на очень большого паука. – Тут Вирр вспомнила орочий должок и невинно добавила: - Да и нет для син'дорай особой, *эстетической* разницы между нерубами и прочими разумными.

- Рогато... Э, погоди! Эт' ты на что намекаешь?!

* * *

Примерно следующий час или около (Вирр замерила по светилу) Харману по-орочи ворчала, негодовала, возмущалась, гневалась, в общем - изъясляла недовольство коварной натурой длинноухих, их необоснованной надменностью и невыносимым зазнайством; это, конечно, если изложить пристойным талассийским. Вирр слушала, смотрела на тусклое в этих небесах Белоре и довольно жмурилась – отместка удалась. Дороти замерла, скрестив передние лапы – то ли внимала изыскам шаманской словесности, то ли скучала по своей северной родине. Прибегал Рилль: оценил положение, заскучал и ускакал обратно – вероятно, вразумлять окрестных рысей.

Наконец Харману выдохлась (скучно браниться, если тебе не отвечают) и еще какое-то время молча злобно зыркала на лучающуюся счастьем Вирр. Затем и это ей надоело – долго испытывать одни и те же чувства орчица попросту не умела.

- Ты вот нашей Хессе про Вэлли рассказала... - начала Харману. Вирр тут же повернулась к ней, перестав улыбаться – предстоял серьезный разговор.

- А че ты про того... как его - Отшельника, ни словечка не вякнула? Ну, которого ты в ваших развалинах видала? – Харману при рассказе эльфийки в пещере девочки-Стража присутствовала, и ту часть приключений, что случилась в Старом Городе, конечно тоже

не забыла.

- Как-то к слову не пришлось, - растерянно ответила Вирр. – Тайны в этом нет; имени я его все одно не знаю, а хотел бы он, чтобы я о нем не поминала вовсе – память бы затер. А отчего ты спрашиваешь?

- Да так... сижу вот, жбаном поскрипываю – а мож он-то нам и помочь сможет? Заодно и топать далеко не надо.

Вирр ответила не сразу.

- Не знаю. Не уверена, станет ли он помогать. И потом - он могуч, несомненно; но работа с душами требует особых знаний. Ни Сила, превыше прочих, ни даже опыт прожитых веков (*если не целой тысячи лет*, подумала девочка про себя) этих знаний просто не заменят. Да и по чести признаюсь – боюсь я опять его искать - он явно не хочет, чтобы его беспокоили. Один раз он проявил любопытство; а вот на следующий... - она покачала головой.

- В многоногую ползучку обратит? – хохотнула Харману.

- Скажем так, - твердо сказала Вирр, - что бы он ни сделал, нам определенно это не понравится. Оставим Отшельника на последний случай.

- Думаешь, он и есть - тот самый Маг, ну, что Вэлли... того? – напрямик спросила орчица.

- Нет... – прошептала Вирр. – Надеюсь, очень надеюсь, что нет. – Она посмотрела на орчицу, и та сглотнула уже едва ли не свисающую с языка колкость: видимо, что на лице, что в глазах Охотницы был такой искренний страх, что Шаманка, никак не ожидая подобного, невольно вздрогнула и, точно не осознавая, ухватилась за висящий на поясе бубен.

- Харману, ты не видела его, но поверь... если что – ни мы, ни с нерубом вот этим и теми, у городка, хоть со всей моей Школой или твоим родом с соседними в придачу – мы его не одолеем. Понимаешь?

Орчица медленно кивнула: - А если?..

- «А если», то мне придется сдаваться властям и все, как есть, рассказать, - продолжала Вирр, - потому что речь пойдет уже даже не о Вэлли и нашей клятве. Потому что... - она замолчала.

- Ты, это, ты говори! – пихнула ее в бок Харману. – Че, догадалась кто он?!

- Догадалась ли – не знаю, у него ведь не спросишь. А мысль... да, мелькнула – в ту ночь, когда Вэлли нам про *своего* Мага рассказывала. Но я и думать ее не стала – чушь, бред; чепуха нерифмованная...

- И че? И кто?

Вирр мотнула ушами.

- Ты смеяться станешь. Да и глупость это...

- Слуш, - начала заводиться орчица, - по себе не взвешивай, а? Ржать не буду – во, клык даю... Гони давай!

- Понимаешь... - осторожно начала девочка, - Отшельник этот, пока мы беседовали, он ведь ЕГО защищал. Чуть ли не *оправдывал!*..

- Кого – *его?* – осторожно уточнила Харману.

Вирр молча смотрела на нее.

- Ты... - орчица внезапно охрипла. - Ты, че... Вот прям про... Ты про НЕГО?! – и она ткнула бубном куда-то на север.

Вирр кивнула.

- Харману, я сама знаю – с весами не дружу, но ты пойми: ни один син'дорай не станет *такое* говорить! Никто и никогда!

- Да и орки бы не стали... - задумчиво почесала основание чуба Харману.
- А еще - тигр. Когда Отшельник рассердился – я ему глупый вопрос задала, - неохотно пояснила Вирр, - Рилль испугался его. Сильно. Он даже Кориаль... матушку мою так не боялся, а тут... чуть носом в лапы не уткнулся!
Орчица все размышляла, уже окончательно растрепав чуб.
– Да не, - сказала она наконец, - не может того быть... Чего ж он тогда тебя отпустил, накормил-напоил? И че ему там у вас делать?
- Вот и я думаю, что не может быть, - вздохнула Вирр, - но забыть его слова никак не могу.

* * *

Вечерело, но Хесса – ни с мэтром, ни без, все не появлялась. Боевые подруги надеялись, что причиной тому вовсе не суровый нрав почтенного Рензитена, в рассказ о нерубе не поверившего, на Ученицу (явившуюся без позвонков) наоравшего и темном чулане ее попросту запершего (или что еще, как заметила Вирр, способен со своими Учениками сделать пусть и Отрекшийся, но все-таки, изначально, хум'аноре), а всего лишь некие случайные обстоятельства. Например, мертвячка просто вынуждена ждать, пока ее Учитель окажется один. И без опасных реактивов в руках.

Вернулся, неторопливо перебирая лапами, Рилль – довольно облизываясь и взирая на так и невостребованную паучатину уже без интересу и как-то даже снисходительно – и сразу улегся между барышнями; и вообще держался гордо; мол, он-то о себе, случись что, позаботится, а вот глупые двуногие без него совсем пропадут.

Шаманка и Охотница тосковали. Вирр внешне еще держалась, а Харману, чтобы хоть чем-то скрасить ожидание, начала с волнения по личному почину «выгонять байки-укатайки». Критиковать изустный юмор орков у Вирр не было ни душевных сил, ни желания – она вежливо улыбалась в нужных (*предположительно* нужных) местах - но про себя думала: что за смысл во *фривольной истории*, если в ней все прямо обозначено, точно в «Альбоме телесных свойств и обустройства»? Истины ради девочка попросила Харману повторить («выгнать») две последние «байки», но уже на орочьем – вдруг перевод все испортил? Увы, и оригинал порадовал разве что трогательной натуральностью варварского колорита.

Они уже развели костер (Дороти при виде огня сразу «ожила» и осторожно отодвинулась), когда со стороны города послышался, нарастая, треск и донеслось монотонное ворчание, изредка прерываемое робкими замечаниями Хессы.

Видимо, Рензитен заприметил Дороти еще издали (сложно не заметить неруба на маленькой полянке, даже при свете костра), ибо последние десяток-другой шагов почтенный мэтр преодолел почти бегом, на манер тех самых, поминаемых орчицей матерых кабанов - безо всякой жалости к кустам и лишнего снисхождения к своей мантии, оставив Ученицу далеко позади.

- Ишь ты! – произнес он вполне нормальным, «живым» голосом, остановившись буквально в двух шагах от неруба. – Возгони мой флогистон... я уж думал – опять твои фантазии!

- А вы мне не верили... – печально укорила не сразу догнавшая его мертвячка.

- Цыть! – тут же «повинился» за недостойное Учителя недоверие мэтр, не отрывая взгляда от Дороти; та склонила свою грудь (ну, или переднюю часть), а вместе с ней и голову – совсем близко к лицу мэтра; тот, чести сказать, не то что с места не сошел, но

даже не шелохнулся, буквально впившись глазами в нерубью морду. («Силен мужик!», - прошептала Харману на ухо Вирр.)

Рензитен смотрел на Дороти, Дороти разглядывала провизора в ответ, а Вирр, пользуясь случаем, изучала второго в своей жизни Отрекшегося, увиденного вблизи. Судя по всему, подняли его достаточно давно (если он вообще был не из тех, самых первых мертвецов, покинувших Плеть) – по крайней мере его лицо выглядело относительно живым и с виду вполне привычным: кожа была, хотя и чересчур бледной, но целой (не считая пятен и подпалин – вероятно, от лабораторных неудач), все что надо прикрывала; даже губы и нос были на своем месте. И уши - свойственные хум'аноре. Пожалуй, с обликом Хессы его роднили лишь глаза - одинаково немигающие и словно подсвеченные изнутри, точно втянувшие в себя тот самый огонь, которого нежить так боится. А вот волосы – небрежно перехваченные кожаным ремешком, но с неожиданным, *с зеленцой*, оттенком – из картины несколько выбивались. От былого гражданина Семи Королевств подобной вольности Вирр не ожидала.

На первый взгляд, каким-либо оружием почтенный провизор легкомысленно пренебрегал, но Вирр не рискнула бы списывать со счетов ни простой неясного материала короткий жезл, заткнутый за широкий пояс, ни многочисленные поясные кармашки, вовсе необязательно содержащие собранные травы. Да и травы очень разными бывают. А держался Рензитен уверенно – казалось, ни тигра, ни вооруженных барышень не замечал.

- Так, – сказал он в конце концов; обращал он внимание на спутниц Хессы, или нет, но говорил, к облегчению Вирр, на талассийском; хорошо зная Общий язык хум'аноре и - *относительно* хорошо - наречие дварфов Стальгорна(113), она, тем не менее, густо замешанный на них гуттерспик понимала с трудом: не хватало практики. – Мыслями общались, говоришь... - процедил мэтр.

- Сразу может не получиться, но если постараться... - начала было Хесса.

- Сам вижу, не слепой, - отрезал Рензитен. – И что, у тебя - получается?

На этот раз мертвячка, уже не рискуя открывать рот, просто кивнула. Мэтр, хоть и не мог ее видеть (Хесса стояла позади), медленно, задумчиво кивнул в ответ.

- Так, - повторил он.

- Ты, - ткнул он пальцем себе за спину, не обернувшись, но, тем не менее, точно попав в Ученицу. - Поедешь с ним...

- С ней!.. – отважно вступилась за Дороти самоотверженная Хесса.

- Да какая мне разница! – не хуже Рилля рявкнул провизор Ее Величества. – Поедешь с ЭТИМ СУЩЕСТВОМ в столицу. Там, кому надо расскажешь – я отпишусь. Всё. Ты молодец. – добавил он, продолжая *существо* рассматривать.

Учись Вирр у такого наставника (представить его своим Учителем было немислимо), эльфийка - случись она Хессой – услышав последние слова, впала бы в оцепенение, полагая, что ослышалась; или подозревая нечто и вовсе нехорошее. Но мертвячка, точно не заметив явно редкой, и оттого ценной похвалы, покачала головой:

- Она не пойдет без Харману из рода Бхорр и Высшей Виеринраэ из Солнечных Бликов, - сказала она ровно, спокойно, совершенно не настаивая; просто сообщала Учителю факты, совершенно от нее не зависящие и даже отношения к ней не имеющие. – Дороти к ним привыкла.

До сих пор, несмотря на очевидные возможности проявлять вполне «живые» чувства, лицо почтенного мэтра оставалось неподвижным и невыразительным. Отчего так – сказать сложно; возможно, просто по натуре был сдержан; а быть может – обязывали пост и положение. Но это только до сих пор.

Мэтр поднял брови, высоко, чуть ли не до зеленых прядей. Мэтр округлил глаза, вспыхнувшие, точно горны того же Стальгорна. Мэтр медленно повернулся к Хессе и подозрительно *тихо* спросил: - Кто?!

- Дороти, – твердо ответила мертвячка, не отступив и гордо вскинув голову. Так стоял перед тюремщиками Иллидан; так держались на допросе еретики при дворе Азшары; так плененные кель'дорай в эпоху Основания отвечали своим мучителям-троллям.

У Вирр перехватило дыхание.

Примечание к части

(113) Ironforge – столица dwarфов клана Бронзобородов, расположенная в Дун Морогге, территории в южной части Восточного континента - Каз Модане (часто именуемой континентом отдельным); до Войны Трех Молотов - Смуты, расколовший изначально единый народ на кланы Бронзоборода, Громового Молота и Черного Железа (Bronzebeard clan, Wildhammer clan, Dark Iron clan), Стальгорн был главным городом всего народа

«Поросенок в мешке»

- Орчица может идти куда хочет, с кем хочет и вообще – делать, что захочет, - обретя наконец дар речи, точно через силу выдавил Рензитен, прожигая Ученицу взглядом. – Что же касается... - он скосил глаза на сидящих на чурбачках девочек; Вирр мимоходом для себя отметила – как и Хесса, переводя взгляд он предпочитал двигать глазами, но не головой, - ...*всех прочих*, то я тебе уже сказал один раз, и скажу еще: мы НЕ БУДЕМ вмешиваться в дела Эльфов Крови! Надеюсь, мне больше никогда не придется повторять...

В течении всей рензитеновой рыкающей отповеди Хесса – всегда вежливая и, насколько Вирр помнила, никогда не отводящая с собеседника взгляда – сосредоточенно смотрела куда-то поверх головы кипящего провизора. И как в следующее мгновение сообразила Охотница – «куда-то» на Дороти. На последних словах Учителя мертвячки паукообразная, до того стоявшая тихо и неподвижно, разразилась одновременно и резким, и шипящим свистом (сделавшим бы честь любому выставочному паровому котлу в квартале Инженеров) и, ритмично трепеща хелицерами, угрожающе взмахнула передними лапами, а под конец издала и вовсе непередаваемый клекот; картина «Некрочудище в ярости» была просто совершенна – ни мазка, ни штриха не добавить. Даже Рилль встрепенулся, поднял морду с недоуменным выражением на ней, как бы спрашивая «Что это было?»

Почтенный мэтр умудрился сохранить достоинство: не шарахнулся, не отпрыгнул и в лице не изменился – лишь очень быстро развернулся к Дороти. И в руке у него блеснула некая зажатая тускло сияющая склянка.

Какое-то время оба Отрекшихся – двуногий и восьмилапая – меряли друг друга взглядами. Затем Рензитен (не убирая, правда, склянки) переместил взгляд прямо на Вирр.

- С другой стороны, - сказал он ровно, - кто я такой, чтобы решать за Высшую Виеринраэ, куда ей направиться? – несколько мгновений он рассматривал Вирр и Харману, после чего продолжил: - Конвой через Чумные в Подгород выйдет уже завтра...

- Но Верховный Исполнитель воли Ее Величества не согласится... - не сдержалась и пискнула Хесса.

Рензитен, не то в ярости, не то устало (*а устают ли отрёки*, задумалась Вирр) прикрыл глаза, но сдержался.

- Исполнитель Маврен никуда не денется – когда узнает последние новости. Не перебивай меня! – и продолжил, вновь обращаясь к Вирр и Харману: - Я внесу вас обеих в список – в новый список, о котором начальник конвоя вспомнит, только если вы сможете без дипломатического скандала миновать заставу на перевале. Если тебя, - ткнул он пальцем в Вирр, - при досмотре заметит или еще до того поймает ваша Стража – ни я, ни конвойные тебя знать не знаем и в глаза не видели. Это понятно?

Вирр молча кивнула.

- Всё, – подытожил провизор-Отрекшийся. – Думай, как будешь прятаться. Времени у тебя мало.

- Тока вы нашу Хессу с нами оставьте! Мы вместе думать будем!.. – вставила свое Харману.

Ладно, подумала Вирр, *если по справедливости - она терпела и помалкивала, сколько могла.*

- *Вашу Хессу?* - уже было направившийся обратно Рензитен обернулся, посмотрел на

орчицу, затем на опустившую голову мертвячку, и ехидно процедил:

- *Ваша* или нет, но пусть не забывает, что пока что у меня, а не у вас в обучении!

Опасаясь сказать хоть что-либо еще, спутницы молча проводили взглядами вскоре скрывающуюся за деревьями провизорскую мантию. Вирр и Харману уже было вздохнули с облегчением, когда из леса донеслось:

- Да! позвонки, как вернешься – отработаешь!..

* * *

- Ну вот, - слабо улыбнулась Хесса, - а вы мне не верили.

- Ты, это... - бормотнула орчица, глядя исподлобья, - ну, извиняй, что ли. Не хотела я... Ну как в бочину кто пихнул!

- Все это пустяки, - убежденно сказала мертвячка, - главное, что все получилось! Ой, нет, главное сейчас – придумать как провезти Вирр через Врата!

- Да решим, че за вопрос... - явно с облегчением отмахнулась орчица, - главное, не в одиночку попрем, глядишь и выживем! Слуш, а твой-то, твой! Ну, вчистую – зверь! Ну прям вот мой Бхатт, как из единой мамки выскочили... «От-рабо-о-таешь!» На меня прям родным повеяло...

- Вы только не думайте, барышни, он вовсе не злой, - сказала Хесса, - это от меня ему сплошные огорчения...

Барышни сдержанно промолчали; даже Харману - не иначе, решила, что все что могла, не подумав, ляпнуть, уже высказала.

- А твой Учитель тебе тоже... задание назначил? – мертвячка определенно хотела сказать «сложное», но постеснялась.

- А то! – мрачно отозвалась Харману, - велел, понимаешь, весь Мир обойти...

- ...и Силы шаманской местечко найти! – безотчетно, по школьной привычке продолжать *предложенную строчку*, не удержалась Вирр.

- Во-во! – нисколько не осерчав, нацелила когтем орчица на эльфийку, - вот все прям как она говорит! Не, ну не гад, а?

- Харману, - очень серьезно сказала Хесса, - а ты не могла бы вспомнить, что тебе твой Бхатт сказал *точно*?

- Да тебе-то на кой?! – поморщилась орчица. - Ну сбрехнул чего, талбук нестриженный, с ранья, да грибка не пожевав... лучше давай обмозгуем, как нам нашу длинноухую сныкать! И тигру ейного куда запихнуть, во...

Рилль, снова было прикорнувший, отчетливо двинул ухом.

- Думай, не думай... - пробормотала, точно про себя, Вирр; воодушевление удачей с Рензитеном уже схлынуло, а подходящего и, главное, *исполнимого* плана девочка придумать уже который день не могла.

- А все-таки, Харману? – повторила Хесса мягко, но убедительно-настойчиво – ну, как, она умела.

- Ну ты и репей!.. - почти восхищенно сказала орчица. – Ну раз так, то слушай: обойди весь Азерот, сказал. Посети все мировецкие места силы, сказал. Как найдешь вот так, чтоб прям своё – возвращайся, сказал. И – будешь Шаманом, он сказал... От же хвост кор-рявый! – последнее она уже цедила сквозь зубы. - Лан, ну его к демонам – о деле давай.

- О деле – обязательно, - задумчиво согласилась мертвячка, - но... Возможно, - осторожно добавила она, - твое задание не столь невыполнимо. И уж тем более – вовсе

не бессмысленно, как бы тебе ни казалось. Я серьезно.

Харману воззрившись на Хессу, точно в первый раз, и усмехнулась:

- Не, вот попомни - тебе в Жрецы самая дорога...

- Я обдумаю, - покладисто кивнула нежить.

- А пока подумай-ка лучше за длинноухую и зверюгу нашего! Э, Вирр, ты не кисни, ты вот че скажи – там, у Перевала, ну вот прям совсем никак? Ни нор подземных, таких, шоб никто не знал...

- Харману, - попробовала улыбнуться Охотница, - заставе почти *семь тысяч лет*. Как ты полагаешь, может ли там - или в окрестностях – быть хоть что-нибудь, Страже неизвестное?

- А че? Вот тышшу лет пасли, а чего надысь стряслось, и не заметили!.. Во, вот у таурена одного – он мне сам за кружкой и *подогнал* - такой случай со стадом был...

- Харману...

- Ну лан, не хошь про стадо... - орчица, подумала, крякнула и, точно решась, выпалила: - ну, тогда – все! Последнее осталось.

- Что именно? – сдержанно поинтересовалась эльфийка.

- Не, ты наперед скажи – вот, сложнячка полная, да?

- Допустим, - кротко подтвердила Вирр.

- И ну вааще – край?

- Возможно...- стиснула зубы Охотница.

- Ну, - вздохнула Харману, - тогда все! Сама говорила, мол, ежли на крайняк, то сойдет!

- Что сойдет? - тревожно глядя на подергивающую ушами Вирр, переспросила Хесса.

- Да мешок сойдет! – охотно (и надувшись - от усилия не ухмыляться) пояснила орчица. – Вирр, ну ты ж сама – вот, как щас помню! – говорила: мол, эту...как ее... *ейдею* - накрайняк сбережем. И че? Скажешь, не крайняк?

- Вирр, - осторожно сказала нежить, - я понимаю, это неприятно, а для тебя еще и... Но ведь и правда – если прямо через посты, иначе и не пройти. А мне случалось видеть – когда мы с Рензитеном сюда ехали: ваши груз и прибывающих осматривают очень внимательно, но только если караван пришел из Чумных Земель, а не в них отбывает.

- А Рилля... куда? – выдохнула Вирр.

- Да в другой мешок! – орчица определенно все продумала заранее. И момента этого ждала, а могла бы – и приближала.

Эльфийка гневно, и одновременно, беспомощно посмотрела на изображающего спячку, но вовсю прядящего ушами тигра.

- Рилль же умный, хороший зверь, он согласится, он поймет! – ласково сказала Хесса.

- Сами... понесете? – тихо процедила Вирр.

- Ну зачем, - искренне удивилась мертвячка, - на Дороти навьючим, и тебя и Рилля, она у нас сильная, да? – и она обернулась к нерубице, наморщив то, что было на лбу - что-то ей *мыслекартиня*.

У Вирр быстро мелькнула остатняя надежда, что некроарахнид сейчас вновь зашумит, но уже от всей души – восставая против такого поношения.

- Она согласна! – радостно сообщила Хесса.

Харману развела руками. Даже умудрилась сочинить на лице некое клыкастое сожаление.

- Стража поинтересуется, что в мешках, - Вирр в отчаянии вспомнила, что *син'дорай сражаются до конца*, и попыталась вновь взять себя в руки, - тем более, на арахниде.

- А мы скажем, что там – это... порося, во! – мгновенно нашлась орчица. – Мол, паек

нерубий!

- Хрюкать ты будешь? – предприняла отчаянную вылазку осажденная, вымирающая от голода и жажды, «крепость».

- Так мы к тебе кабанчика подсадим! Ну, небольшого... Ви-ир, ну не к Риллю же его сажать?! Тигра его враз ухомячит... ну или свин со страху копыта склеит еще до Перевала – кто ж за него «хрю»-то будет?!

- У мэтра была парочка свинок, - припомнила Хесса, - да и мешки с веревками у нас в анклавe обязательно найдутся...

Харману хотела было что-то сказать, но встретившись глазами с Вирр, а потом глянув на ее руки (уже давно нервно сжимающие рукояти клинков), передумала; в конце концов, быть искромсанной озверелой сверстницей-син'дорай – не лучший способ удостоиться героической касыды.

- Все! Барышни, барышни, - Хесса тоже была не слепая, и уж всяко, что бы там про Отрекшихся не говорили, не бесчувственная, - *три* мешка! - она неожиданно-быстро встала между эльфийкой и орчицей. - Каждому, включая поросенка, свой, отдельный мешок – и никто не пострадает!

Все смотрели на Охотницу.

- Вирр, - тихо-тихо сказала мертвячка, - мы никому не скажем.

Девочка-син'дорай молча кивнула.

- Тогда я иду за... за всем, что потребуется.

- А на кой хвост твоему свиноферма-то? – мельком подивилась орчица. - Вы ж...

- Для опытов, конечно.

- Разве на мышах не проще? – несмотря на явное поражение и неизбежный грядущий позор, не удержалась уточнить любознательная Вирр.

- Он говорил, что по свиньям удобнее... м-м-м... «предполагать воздействие на Живых». На людей, - немного огорченно пояснила Хесса. – Все, ухожу. Не расстраивайся, Вирр... Ой. Вирр... Прости. Мне же придется рассказать Рензитену, зачем поросенок...

* * *

Хесса - с упирающимся недовольным кабанчиком на веревке и с внушительным тюком за спиной - вернулась под утро и застала всех уже бодрствующими, хотя вернее было бы сказать – по крайней мере о некоторых - так и не прикорнувшими. Вирр, незадолго до того, к видимому облегчению орчицы, отошла куда-то за деревья – сама же Харману ей про «кустики перед мешком» заикнуться не рискнула; а судя по мрачному, сонному виду, орчица, похоже, и просто заснуть рядом с Вирр побоялась. Вирр, впрочем, выглядела не бодрее.

Лучше всех смотрелся Рилль - умный кот всю ночь скакал по лесу, дабы размять лапы наперед, всласть набегаться и уже в мешке спокойно отсыпаться; что, конечно, никак не отменяло законного кошачьего права (или обязанности – это уже как посмотреть) в мешок забираться не сразу, вертя мордой, вредничая и внимательно выслушивая уговоры в четыре голоса, включая нерубий посвист.

- Давайте уже, - обреченно сказала Вирр, видя, что никто поторопиться предложить ей не рискнет. *Вендел'о эрану... Лучше б меня в городке загрызли.*

Что случилось после, Вирр уже не видела – только слышала. Но подруги на подробности не скупилась – уже потом, за Воротами.

...Видимо, отвечая на мысленную просьбу мертвячки, Дороти опустилась нижней частью брюха прямо на землю. Харману и Хесса, осторожно, как могли, приторочили тюки – яростно сопящий, недовольно взмякивающий и истошно верещащий (его, как самый маленький, сверху прочих двух) – на брюхо неруба (его верхнюю часть). И, с тревогой глядя на паукообразную, отошли. Дороти медленно поднялась.

- Потерпи, милая... - сочувственно вздохнула орчица. И даже погладила нерубицу по хватательной лапе.

Караван Отрекшихся, приближающийся к Вратам Перевала – полуденной границе и главной заставе Кель'Таласа – был, по нынешним временам, внушителен.

Во главе конвоя шли Каратели Ее Величества: коренастые, в черненых латах мертвецы, вооруженные парными топорами, отчасти смахивающими на преувеличенные мясницкие тесаки; охранники шли первыми, по давней традиции, принятой меж союзниками – «мы не скрываем свои силы»; и шли пешком - мертвые не устают – с Начальником конвоя во главе.

За мрачными не улыбочивыми топорниками ехали Ее Величества Темные Следопыты – уже верхом, на знаменитых далеко за пределами Подгорода рогатых «кладбищенских лошадях»: ведь в пути по опасной земле нужно знать, что творится вокруг – и здесь важна скорость.

И уже вслед за ними тянулись повозки с грузами – с собранными в Призрачных лесах травами-ингредиентами в мешках и бочках, син'дорайским оружием в ящиках, результатами исследований в кофрах и посольской перепиской – в окованных сталью сундуках с Ловчими Смерти при них: кто остановит чужого лазутчика или вора лучше, чем элитные разведчики Ее Величества Сильваны?

А по бокам повозок шли прочие сопровождающие: Жрецы-целители, Маги-исследователи, возвращающиеся в Подгород Королевского Общества фармацевты.

Голова Дороти возвышалась в хвосте каравана.

Конвой через Чумные был немал – почти сотня Разумных; точно в былые, еще довоенные времена, когда подобные ему едва ли не еженедельно пересекали Талассийский Перевал в обе стороны границы. Вот только теперь на долю гражданских приходилось как бы не три доли охраны; и это еще не считалось достаточно безопасным соотношением. Потому Отрекшиеся охотно брали с собой из Призрачных или из своей столицы любого попутчика – любого, способного сражаться.

Когда Начальник дошел до поста приграничной Стражи, караван остановился. Старший Отрекшийся достал бумаги и протянул их старшему-син'дорай; завязался положенный разговор. Тем временем Стражники – в красно-алых доспехах, с непривычными другим народам странным двухклинковым оружием (точно два косых меча срослись промеж собой наверху(114)) – медленно обходили весь караван. Не ради поиска запретного – Хесса верно подметила – но тоже, по большей части лишь в силу традиции. И син'дорай, и Отрекшимся - новым и, в куда большей степени, неожиданным членам Орды – предстояло еще долго зарабатывать расположение прочих ее народов; оттого и сотрудиачили они тесно, и доверяли друг другу больше.

И к тому же: имя Ее Величества Сильваны для каждого син'дорай – вовсе не пустой звук.

* * *

Барышни и навьюченная Дороти оказались позади всех не нарочно – просто так получилось: караван – строго в обход Транквиллиона - они нагнали и влились в его ряды уже значительно позже того, как колонна покинула город (на этом тихо, но категорично настаивал один из нанерубных тюков). За те полдня, пока конвой неторопливо двигался к Перевалу, поглазеть на неруба сходили, наверное, все Отрекшиеся, которые того хотели. Подходили, смотрели; иные оборачивались на ходу. Кто просто смотрел, кто удивленно качал головой; некоторые – видя чудище, но чуя своего (свою!) - даже улыбались, но никто, как заметила потом Харману, ни разу не взглянул с отвращением или брезгливостью. Народ Мертвецов - вероятно единственный в Орде, Альянсе и во всем обозримом Азероте - и вправду был полностью лишен каких-либо видовых или расовых предпочтений. Хотя и не был вовсе без подобного греха - водораздел «своичужие» у Отрекшихся существовал, просто проходил немного иначе. Но винить в нем стоило, скорее, *некоторых* отдельно взятых и фанатично заблуждающихся, слишком сильно уверовавших в свои догмы Живых. Не всех, конечно – некоторых.

Всю дорогу до Врат Хесса помалкивала, Харману же не закрывала рта за двоих, а учитывая вынужденно-безответную Вирр, не владеющей привычной речью Дороти и в принципе не склонного к болтовне Рилля – то и за всех пятерых сразу. На орчицу то и дело накатывало странное, едва уловимое чувство, вроде как-то связанное с тем, что боевая подруга сидит в мешке и лишена возможности видеть столь солидную процессию, окрестности и вообще все, так что Харману - истинная дочь дуротарских степей – «что видела, про то пела».

Когда у Стражи очередь дошла до них, мертвячка успела одними губами шепнуть разошедшейся и явно волнующейся орчице: «Не переиграй». Но проще, наверное, было бы уговорить Повелителя Огня(115) пылать скромнее.

Несчастный кабанчик, попущением поросячьих богов и злой волей пожирателей свинины помещенный на спину кошмарного зверя-демона (да еще и зажатый между кем-то, пахнущим не менее страшным хищником и чем-то непонятным, но то и дело больно пихающимся), начал непрерывно верещать еще на «чурбачной» стоянке в лесу. В течении пути он иногда затихал, не то охрипнув, но те собираясь с силами; а затем вновь свидетельствовал на все Призрачные об абсолютной несправедливости Мироздания. И разумеется - на момент досмотра Стражи поросенок пребывал, как сказала бы *шан'дор* Лилата, «в активной фазе».

- О, почтенный-простите-не-припомню-как-вас-там, давно не виделись! – попробовала перекрыть пронзительный визг Харману

- Уже покидаете нас? – сдержанно спросил орчицу так и оставшийся неназванным стражник-син'дорай, на удивление спокойно разглядывая Дороти; не то предупредил кто, не то просто, как потом выразилась по-гоблински Харману, свой Высший *фасон держал*.

- Да вот, - сказала Шаманка, обозначив широким взмахом в сторону неруба меру ответственности, - зверя видишь, нет? Сопроводить упростили! Ну, там, усмирить если что, духами заковать... - понесло ее, заметив, как стражник приглядывается к мешкам.

Очередной ушераспиливающий вопль заставил воина-син'дорай поморщиться.

- Что там у вас?

- Дык, свинки! Ну, жратва для неруба! – охотно пояснила, как-то даже успокоившись, орчица; как показалось в мешке Вирр, эту речь Харману явно готовила всю дорогу – настал ее час. – Пайка евовная, понимаешь? Оно ж хоть и отрёк, но хыш-шное – за троих... не, за четверых жрет! Вот, и рысю лесную, местную, усыпили да прихватили – во, в ентом мешке кемарит... а че? Рысей оно тоже жрет, ей же, проглотине, все одно - что мех, шо доспех, шо портки моей прабабки...

Мертвячка, страдальчески прикрыла глаза, благодаря Свет, Тьму и всякий прочий полумрак, что бедная Дороти все это слышит, но ничего не понимает.

Тут поросенок взял особо высокую ноту, заставив всех, включая и Дороти нервно вздрогнуть.

- Да что вы с ним делали, что он так визжит?! – недоуменно спросил Страж.

-Э-э-э, - вздохнула Харману, - так тут один поросля глупый, а вот этот умный - судьбу чует, – и она похлопала по некой округлости крайнего *нижнего* мешка. Хесса, поймав взгляд орчицы, едва заметно качнула головой: *Прекрати, пожалуйста.*

Страж, поморщившись от очередного взвизга, отошел; Харману же разобрала внезапная и скоропостижная икота – переволновалась, наверное.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

(Вторая часть <https://ficbook.net/readfic/4134117>)

Примечание к части

(114) Писатель-десантник тут вовсе не при чем – все вопросы к фирме Blizzard (<http://wow.zamimg.com/uploads/screenshots/normal/402394-ghostlands-guardian.jpg>)

(115) Ragnaros the Firelord – Рагнарос, Повелитель Огня и Владыка огненных элементалей, обитающий в глубинах Черной горы, под одноименной крепостью дварфийского клана Черного Железа. Ну, нечто вроде Балрога. И с такой же, примерно, «репутаций» в Азероте.